

Е. М. Штаерман

История крестьянства в древнем Риме

«НАУКА»

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
ШТАЕРМАН
(1914–1991)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF GENERAL HISTORY
RUSSIAN ASSOCIATION OF ANTIQUITY

E. M. Štaerman

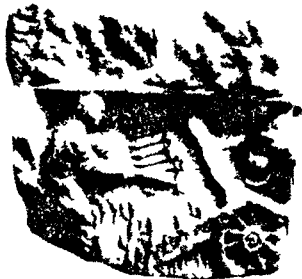
The History of Peasantry in Ancient Rome

MOSCOW
«NAUKA»
1996

Е. М. Штаерман

История крестьянства в древнем Риме

МОСКВА
«НАУКА»
1996

ББК 63.3(0)3
Ш 87

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 96-01-16261

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук Е.С. ГОЛУБЦОВА,
доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ

Рецензенты:

доктор исторических наук Е.В. ГУТНОВА,
доктор исторических наук И.Л. МАЯК

Книга издана в авторской редакции

Ш 0503010000-097 240, 96 – II полугодие
042(02)-96

ISBN 5-02-009500-1

© Е.М. Штаерман, 1996
© Издательство "Наука", художественное
оформление, 1996
© Российская академия наук, 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга "История крестьянства в древнем Риме" — последняя работа всемирно известного историка античности Елены Михайловны Штаерман (1914—1991). Ее перу принадлежат свыше 200 работ в области древней истории, полный список которых приводится в данной книге.

Много лет своей жизни Е.М. Штаерман отдала исследованию истории римского крестьянства. По ее мнению, "изучение только одного феномена рабства не может достаточно полно и разносторонне охарактеризовать закономерности истории древнего мира и ее специфику без столь же тщательного анализа истории античного крестьянства". Начал этой работе было положено написанием главы о римском крестьянстве, заказанной автору Сектором античной истории Института всеобщей истории Российской академии наук для коллективной монографии "Человек и общество в античном мире". Однако неразработанность и актуальность этой темы не позволили Е.М. Штаерман ограничиться рамками одной статьи. Изучение сюжета о римском крестьянстве ею было продолжено, результатом чего является предлагаемая читателю книга.

Следует отметить, что в отечественной литературе проблема во всей ее полноте не разрабатывалась и Е.М. Штаерман является первым исследователем истории римского крестьянства начиная с эпохи его возникновения и до последних веков существования Римской империи.

Текст представленной автором работы печатается без каких-либо изменений, в авторской редакции, но для удобства читателя он подразделен на четыре главы (автор выделила только две части: I. "Крестьянство в эпоху республики"; II. "Крестьянство в эпоху империи").

*Л.П. Маринович
Е.С. Голубцова*

ВВЕДЕНИЕ

Один из наиболее дискуссионных вопросов истории античного мира — его социальная структура, определяющая как различные явления в материальной и духовной жизни общества, так и закономерности его эволюции и самый его характер.

В отечественной историографии со времени ее становления было признано, что древнейшие классовые общества были обществами рабовладельческими. Значительные же различия между ними старались объяснить, с одной стороны, различиями в стадиях развития отдельных стран и народов, особенностями характера собственности (преобладанием общественного, государственного или частного сектора в экономике), с другой — некоторыми, якобы несущественными деталями в положении и методах эксплуатации работников, относимых к категории рабов (независимо от их юридического статуса, имущественного и социального положения). Это обосновывалось тем, что все они подвергались внеэкономическому принуждению, которое своего максимума достигало в отношении рабов "классических" (т.е. греческих и римских), но применялось и к рабам "неклассическим" (т.е. к стоявшим на разных ступенях зависимости земледельцам типа илотов, лаой и т.п.). Соответственно, в таких ранних обществах признавалось наличие только двух антагонистических классов — рабов и рабовладельцев, противоречия между которыми определяли и строй общества, и его эволюцию. И хотя историки в конкретных исследованиях, естественно, не могли не учитывать взаимоотношений между другими классами и социальными слоями и условиями, не могли не видеть значительного несходства условий в разных регионах древнего мира, теоретически речь шла в основном о рабах и рабовладельцах, которые притом воспринимались как некие мало дифференцированные целостности.

Значительным шагом вперед была выполненная сектором истории древнего мира Института всеобщей истории РАН серия из 10 монографий по истории античного рабства. Проведенные с привлечением всех доступных источников исследования показали всю сложность и неоднородность феномена рабства в те или иные периоды и в различных районах античного мира (не говоря уже об

оставшихся за пределами упомянутой серии странах древнего Востока, доколумбовой Америки и доколониальной Африки). В результате стало более или менее ясно следующее. В условиях "классического" рабства рабы были не просто классом, а классом-сословием, чем дальше, тем больше расслаивавшимся. Поскольку классы в наиболее законченном виде обычно формируются в ведущей отрасли экономики (при капитализме в индустрии), то и в данном случае классы рабов и рабовладельцев как классы антагонистические наиболее четко сложились в сельском хозяйстве, тогда как в других сферах антагонизм мог сильно модифицироваться или даже практически не наблюдаться. Принимавшая разные формы (от восстаний до идеологического протеста) борьба рабов и тех слоев свободных, которые в наибольшей степени страдали от развившихся под влиянием рабства норм, в конце концов подорвала возможность дальнейшего развития античной экономики. Таким образом, в какой-то (хотя, конечно, далеко не исчерпывающей) мере предпринятые исследования наметили линии тех закономерностей развития античных обществ, которые определялись большим или меньшим значением рабства в их социально-экономической структуре.

Но вместе с тем стало совершенно очевидно, что изучение одного только феномена рабства не может достаточно полно и разносторонне охарактеризовать закономерности истории древнего мира и его специфику без столь же тщательного анализа истории античного крестьянства. С известным допущением можно сказать, что рабство и крестьянство с точки зрения их места в обществе, их роли в экономике, политике, праве были как бы обратно пропорциональны: с возвышением в социальной иерархии крестьянства росло значение рабского труда, а по мере упадка роли последнего основным эксплуатируемым и униженным классом постепенно становится крестьянство. Однако такая зависимость носит лишь самый общий характер. На деле все было сложнее и определялось многими дополнительными факторами. Развитие рабства, связанное с ростом крупного землевладения, в конце концов привело к разорению части крестьян; но на их положение влияли также степень распространения товарно-денежных отношений, урбанизация, изменения в сословной иерархии и культуре, политика правительства, изменения государственного строя и многое другое.

В некоторые периоды могло создаваться впечатление, что крестьянство вовсе отошло на задний план, оттесненное более или менее крупными землевладельцами и их рабами, горожанами и интеллигенцией; в другие эпохи значение крестьян было гораздо более заметно. Но на деле роль его всегда была велика. Оно

составляло основную массу населения античных центров (хотя, к сожалению, все попытки установить некие его цифровые показатели не убедительны) и тем более античной периферии — эллинистических государств и римских провинций. Крестьянство комплектовало подавляющую часть античных армий в период, когда они были наиболее боеспособны; крестьянская религия лежала в основе религий Греции и Рима, как бы они со временем ни модифицировались под влиянием распространения науки и философии. И наконец, крестьянская община, особенно в Риме и римских провинциях, даже разлагаясь, оставалась неким более или менее осознанным эталоном коллективизма, связей людей между собою, с природой и с богами, противопоставлявшихся порокам, отчужденности, эгоизму и индивидуализму городской цивилизации, — мотив, игравший немалую роль в античной литературе и перешедший в европейскую литературу средних веков, нового и новейшего времени. Надо при этом иметь в виду, что понятие античной свободы соответствовало именно представлению крестьянина-общинника, для которого свобода в первую очередь определялась экономической независимостью самостоятельного хозяина, в отличие от неимущих, вынужденных работать на других и от них зависевших, а потому не вполне свободных. "Плата за труд есть цена рабства", — гласила римская пословица. Только тот, кто имел и возделывал надел, входивший в земельный фонд общины, кто был как бы совладельцем этого фонда, мог быть полноправным сочленом этого коллектива общинников, участвовать в решении его дел, свободно высказывать свое мнение. Как известно, в римских городах только землевладелец мог быть магистратом и декурионом. Не только безземельный арендатор, прекарист, клиент, батрак фактически были обязаны подчинять свою волю и мнение землевладельцу, допустившему его к работе на земле, но и не имевший надела горожанин-ремесленник был гражданином, так сказать, второго сорта, почему в Риме городские трибы ставились гораздо ниже триб сельских. Правда, считалось, что ремесленные коллегии были созданы еще Нумой "для общей пользы", но они как бы только обслуживали истинных хозяев земли общины — граждан в лучшем смысле этого слова. Поэтому борьба за землю демоса и плебса была неразрывно связана с борьбой за политические права и свободы. Пытаться разделить их экономические и политические требования и цели, как то обычно делают многие современные авторы, совершенно неправомерно, поскольку политические и гражданские свободы вне экономической независимости вообще не мыслились.

В этом коренное различие с перипетиями борьбы за буржуазную

демократию в XVIII—XIX вв. Работа по найму — удел огромного большинства граждан из всех слоев общества капиталистических стран — воспринималась как должное и никак не влияла на отстаивание расширения политических и гражданских прав и свобод, а требования улучшения экономических условий наемного труда отнюдь не всегда совпадали с требованиями политическими. Экономика и политика, как и в иных сферах жизни, разделялись гораздо более четко, чем в античном мире, что следует учитывать при попытках проведения неких аналогий между древностью и современностью, их идеологией и культурой.

Таким образом, детальное изучение античного крестьянства совершенно необходимо для понимания различных явлений и закономерностей во многих сферах жизни античного мира, его отличий от других обществ и черт сходства с ними. Последнее весьма важно и в связи с дискуссиями последних десятилетий¹.

Если прежде многие западные антиковеды готовы были видеть в развитой античности капитализм со всеми присущими ему чертами и взаимосвязями, то теперь, напротив, оппоненты склонны обвинять марксистов в модернизации — применении положений, выработанных на основе изучения капитализма, исторического материализма, к резко отличной от него античности. Так, неправоммерно, считают они, исходить при изучении Греции и Рима из определяющего в конечном счете значения экономического базиса (таким он, с их точки зрения, становится только при капитализме), видеть в Греции и Риме классы, тогда как там были только "сословия", "статусы", "страты", придавать большое значение классовой борьбе рабов, тем более что рабы якобы не были классом и вообще имели какое-то значение лишь в краткие периоды VI—IV вв. до н.э. для Греции и III в. до н.э. — II в.н.э. для Рима, поэтому считать античные общества рабовладельческими вообще неправильно.

Следует, однако, заметить, что весьма неопределенны в западной историографии представления о намечаемых ее авторами социальных категориях, в частности и о классах. Сплошь да рядом за основу берется только бедность и богатство, иногда место в социальной иерархии, образованность и т.п. Так, например, Г. Альфельди² вообще отрицает классовый характер римского императорского общества и замечает, что если уж говорить о классах, то низшим, самым обездоленным, следует признать класс крестьян, а

¹ Более подробно см. в ст.: Кузищин В.И., Штаерман Е.М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // ВИ. 1986. № 10. С. 61—77.

² Alföldy G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975.

не рабов, многие из которых были богаче крестьян, занимали более видное положение и были культурнее. Ссылки на несовпадение материального и социального положения того или иного индивида или группы лиц особенно часто служат для опровержения наличия в Греции и Риме определенных классов: вольноотпущенник мог быть богат, а декурин беден, но последний все же пользовался большим престижем, так же как бедный и опальный сенатор внушал современникам большее уважение, чем влиятельный императорский отпущенник на высокой должности в административном аппарате.

М. Финли³, работы которого оказывают особенно большое влияние на западную историографию, убеждал, что социальная структура античности строилась на "статусах", "стратах", а не на классах, и считал, что понятие класса в марксистской его интерпретации неприменимо к античности, так как, оперируя им, пришлось бы к одному классу отнести богатого римского сенатора и владельца маленькой мастерской как собственников средств производства, а к другому классу — раба и батрака, средствами производства не обладавших.

В критических аргументах М. Финли, как и ряда других противников исторического материализма, сказывается как недостаточное их знакомство с положениями основоположников марксизма, так и влияние упрощенного их толкования в отечественной науке, против которой, собственно, и направлена полемика западных антиковедов. Во-первых, уже в "Коммунистическом манифесте", а затем в других сочинениях Маркса, Энгельса и Ленина неоднократно подчеркивается, что классы в чистом виде, классы бессословные появляются только в более простой и четкой структуре буржуазного общества, в докапиталистических же формациях структура усложнялась наличием сословий, классов-сословий⁴ и многослойностью таких социальных категорий. Следовательно, открытие данной отличительной особенности докапиталистических формаций было сделано задолго до появления современных критиков марксизма. Но, действительно, в нашей литературе соответствующие положения практически долгое время не учитывались. Без внимания остались сословный момент и несовпадение сословной и классовой принадлежностей, результаты расслоения сословий, и в частности крестьянства — самой массовой основы стран древности.

³ Finley M.I. The Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles, 1973; *Idem*. Ancient Slavery and Modern Ideology. Cambridge, 1980.

⁴ О классах-сословиях в рабовладельческом и феодальном обществах писал В.И. Ленин. См.: Аграрная программа русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311; Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Там же. Т. 17. С. 60.

Во-вторых, упомянутые выше соображения М. Финли об отнесении к одному классу сенатора и владельца ремесленной мастерской вызваны как незнакомством с ленинским определением классов, так и тем, что в нашей литературе из этого определения в основном заимствовался только признак отношения к средствам производства, что и позволило при стремлении причислить к рабовладельческой формации всю древность относить к классу рабов всех людей, собственностью на средства производства не обладавших. Но В.И. Ленин указывал и другие признаки класса: место в исторически определенной системе общественного производства; роль в общественной организации труда; способы получения и размеры доли общественного богатства, которой они располагают. В качестве итога он писал: "Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства"⁵. Ясно, что если исходить из всех (а не только одного) признаков, указанных В.И. Лениным, то "владелец маленькой мастерской" не окажется в одном классе с "богатым сенатором". Тем более необходимо под соответственным углом зрения проанализировать сущность и положение античного крестьянства, разных его слоев в различные эпохи и во взаимоотношении с другими классами и социальными слоями.

Не следует при этом упускать из виду и правовое оформление положения того или иного класса, сословия, класса-сословия. У нас долгое время в том же стремлении расширить категории лиц, относимых к рабам во всех древних обществах, отрицали значение юридической принадлежности к последним. Между тем В.И. Ленин в полемике с Г.В. Плехановым по поводу аграрной программы социал-демократов указывал, что неправомерно пренебрегать юридическим моментом, когда речь идет о крепостном состоянии⁶. То же, несомненно, может быть отнесено и к рабам и крестьянам древности. Как бы ни сближалось фактическое положение крестьянина (или ремесленника) с рабом, он рабом не был, и какова была роль юридического статуса в разные эпохи — одна из проблем, которую еще предстоит решить.

Сложности социальной структуры античного мира по сравнению с миром капиталистическим — с его классами-сословиями, переплетением интересов и взаимоотношений сословных, имущественных,

⁵ Ленин В.И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

⁶ Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 233 и след.

юридических, фактических — часто затемняют картину, то не опровергают существования в этом мире классов и классового антагонизма. Несомненно, выявить их с достаточной полнотой значительно сложнее, чем при изучении истории стран эпохи капитализма, хотя и в ней помимо классов буржуазии и пролетариата существует ряд иных классов и групп со своими интересами, противоречиями, организациями, а на первом этапе зарождения капиталистического способа производства его характерные черты выражены еще настолько слабо и стерто, что нелегко выделить сам капиталистический уклад как наиболее перспективный. Так, достаточно известно, какие в свое время возражения встречало признание развития капитализма в России.

Характерные черты той или иной общественной системы становятся очевидными, когда система достигает своей зрелости, целостности, завершенности на всех своих уровнях — от способа производства до идеологии. Поэтому упоминавшиеся выше возражения против рабовладельческого характера античного мира, опирающиеся на сравнительно короткий срок господства производства, основанного на рабстве, неосновательны. В периоды генезиса системы и ее разложения основные определяющие ее черты неизбежно стерты, что не может иметь решающего значения для суждения о ее сущности. А в эти начальные и конечные периоды истории античной системы особенно большую роль играет крестьянство.

Крестьянство составляет основу формирования и развития также всех других классовых обществ, начиная от самых ранних, еще мало отличающихся от "варварских", и кончая капиталистическими. Но в каждом случае, в каждом типе обществ эта крестьянская основа играет разную роль, и неодинакова ее дальнейшая судьба в зависимости от результатов и темпов неизбежного более или менее глубокого разложения и трансформации крестьянских общин⁷. Будет ли результатом этого процесса формирование государств древневосточного типа или античных гражданских общин, форм феодальной собственности и феодальной зависимости либо капиталистических предприятий и пролетариата — все это зависит от

⁷ Следует иметь в виду, что во всех других случаях разложение крестьянства непосредственно пополняло основные эксплуатируемые и эксплуатирующие классы — зависимых земледельцев и землевладельцев в многочисленных вариантах Востока и Запада, пролетариев и буржуазии. И только в древности разложение крестьянства — в периоды "классической" античности — вело к росту значения не связанного с ним класса — класса рабов. Лишь в конце этой эпохи крестьянство стало выделять из своей среды зависимых колонов и, частично, собственников-посессоров.

множества факторов. И какие причины обусловили античный, во многом уникальный, путь, можно пытаться определить лишь в связи с выяснением истории античного крестьянства. Точно так же выявить условия, определяющие лимиты и возможности распространения античных форм из центров на периферию (т.е. "эллинизацию" и "романизацию"), можно, лишь установив, насколько упорное сопротивление могли оказывать им периферийные крестьянские структуры или, напротив, насколько они могли быть способны и подготовлены к модификации под влиянием привнесенных греками и римлянами социально-экономических отношений, жизненных условий, культуры.

На пути этих исследований встает немало трудностей. Античные общества сложились на базе первобытнообщинного строя, когда классы и государства формировались, так сказать, заново (хотя, видимо, при более или менее значительном влиянии ранних классовых и государственных образований). Процесс этот был очень длительным и шел не по восходящей прямой, а по спирали, с отступлениями, с возвращением как бы к более раннему состоянию и при взаимодействии множества внешних и внутренних факторов.

Тем более затруднительно оказывается проследить этапы становления классов и государства, хотя бы условно отделить их друг от друга, поскольку грани между этапами были размыты и на каждом новом этапе оставалось множество пережитков прежних состояний. Особенно сложно, видимо, установить, как из сословий выделяются и формируются классы (вернее, классы-сословия). Сословия (сам этот термин связан в основном с феодальным строем и мало подходит к ранним обществам, даже римский термин *ordo* — собственно, "разряд", "ранг" — ему не соответствует, хотя употребляется в науке за неимением более адекватного) зарождаются на очень ранней стадии истории разных племен на основе примитивного разделения труда как в производстве, так и в общественной организации и ее иерархии. Постепенно между ними углубляется неравенство с точки зрения как их престижа, так и их права на определенную долю общественного богатства (что при этом первично, а что вторично, вопрос, как известно, спорный). Когда такое неравенство становится особенно резким, для исследователя — этнографа или историка — возникает вопрос, на какой основе, сословной или классовой, строится данное конкретное общество; например, были ли римские патриции и плебеи классами или сословиями?

Возможно, пытаясь ответить на такой вопрос, следует сопоставить данные В.И. Лениным признаки класса и признаки

сословия. Сословия, как и классы, различаются по их месту в определенной системе общественного производства или (что вытекает из предыдущего) в общественной системе в целом; они определяются своими в ней функциями — в управлении, военном деле, культуре, земледелии, скотоводстве, ремесле. Различаются они и по роли в общественной организации труда: они выступают или организаторами, распределяющими условия производства (землю в первую очередь), обязанности его участников, продукт труда, или подчиненными исполнителями. Но, в отличие от классов, сословия не различаются по своему отношению к средствам производства. Человек, принадлежащий к родовой знати, часто был значительно богаче рядового соплеменника, но их права собственности (или владения) не будут различны так, как разнятся, например, права на землю у феодала и крестьянина или права собственности у свободного на его имущество и у раба на его пекулий. Также, в отличие от классов, сословия не могут как таковые присваивать труд других сословий. Раб, феодально зависимый крестьянин или пролетарий эксплуатируются в силу своей принадлежности к соответствующему классу в определенной общественной формации. Простолюдин, по сословию отличающийся от аристократа (будь то плебей и патриций, мещанин и дворянин и т.д.), может по тем или иным причинам стать объектом эксплуатации (как неоплатный должник, прекарист, батрак и т.д.), но именно как отдельный индивид, а не как член данного сословия. Тем более что сплошь да рядом простолюдин мог оказаться богаче аристократа, изменить свою классовую, но не сословную принадлежность, тогда как пролетарий, ставший богаче капиталиста, или немислим в природе, или переходит в класс буржуазии.

Обычно с течением времени из низших сословий формируются эксплуатируемые классы, из высших — классы эксплуататорские. Но уловить, так сказать, момент перехода количества в качество столь же трудно, как и выявить, когда имеющаяся в каждом обществе принудительная власть становится государством, поскольку эти процессы взаимообусловлены.

Но несмотря на трудности, соответствующие попытки должны быть предприняты, хотя бы в форме гипотез, поскольку в противном случае очень неточными остаются суждения об отдельных периодах истории того или иного общества и также, в конце концов, о его формационной принадлежности. И здесь опять-таки особое значение приобретает изучение эволюции положения крестьянства. В огромном большинстве обществ, развивавшихся на основе первобытнообщинного строя, эксплуатируемые классы формируются

именно из мелких земледельцев, принадлежавших к сословию простолюдинов, классы же эксплуататорские — из сословий знати. Первые попадают во все большую, принимающую различные формы зависимость, их права на возделываемые ими участки все более ограничиваются, обуславливаются различными видами рент и повинностей. Права собственности или владения знати укрепляются, как и их права на часть прибавочного продукта и прибавочного труда земледельцев. Соответственные права обеспечиваются созданием аппарата принуждения, уже отличного от принудительной власти в рамках общины и обслуживающего интересы и нужды господствующего класса, т.е. возникает государство. Конкретный ход событий, складывающиеся типы экономических, социальных и политических структур, а также идеологии, призванной оформить и освятить сложившийся строй, весьма разнообразны, но глубинная сущность развивающихся таким образом ранних классовых обществ в целом идентична.

Генезис же греческого и римского обществ был иным — и его специфика обусловила как своеобразие античности, так и оказанное ею на дальнейшую историю и культуру Европы влияние.

Историки часто говорят о решающей роли народных масс в ходе мирового исторического процесса, но оставляют в стороне их роль в становлении отмеченного своеобразия античности. В учебниках, например, результаты борьбы и побед римского плебса обычно сводятся к слиянию верхнего слоя плебса с патрициатом в нобилитет, который захватил власть и богатства, обездолив сограждан. Но на деле совершенно несомненно, что движения демоса и плебса, т.е. в основном греческих и римских крестьян, имели неизмеримо большее, всемирно-историческое значение. В их результате начавшийся было процесс их закабаления и обезземеливания, т.е. превращения из сословий в эксплуатируемые классы, и вместе с тем процесс формирования государства, защищавшего интересы знати, был прерван. Крестьяне стали полноправными и равноправными гражданами, владельцами земельных наделов, участниками народного ополчения и народного собрания, осуществлявшего высшую власть и верховный контроль над принадлежавшей гражданской общине землей. Именно крестьяне создали греческую и римскую демократию — базу античной классической культуры, а также рабовладельческий способ производства, все рабовладельческое общество. Таковым оно может считаться отнюдь не потому, что там были рабы (рабы, по подсчетам английского историка К. Гопкинса⁸, имелись более чем в 500

⁸ Hopkins K. *Conquerors and Slaves*. Cambridge, 1978.

странах всех времен и народов), и даже не потому, что их было много (все попытки вычислить количество рабов ничего не дали). Ведь вполне возможно, что в каких-то средневековых странах Запада и Востока их было больше, чем в Греции и Риме, но эти страны не были рабовладельческими. Точно так же почти всегда и всюду существовали зависимые на том или ином основании земледельцы, что еще не говорило о феодальном характере общества, а также наемные работники, что не делало такое общество капиталистическим. Важен общий контекст, в который вписывается данная форма эксплуатации: отношения собственности, тип экономики (натуральный, товарный) и производства (мелкое, крупное); характер общественных связей (основанных на разделении труда между хозяйствами, районами, странами или на политическом объединении автаркичных производственных ячеек); тип социальной структуры и организации власти (демократической или олигархической при большей или меньшей ее роли в разных сферах экономики, права, культуры). Только из совокупности таких и, вероятно, ряда иных данных возможно заключить, без какой формы эксплуатации в вышедшем за рамки семьи производстве не может функционировать данная система. Например, капиталистическое производство не способно функционировать без создающего капиталистическую прибавочную стоимость наемного труда, и основанное на нем общество будет капиталистическим, даже если в нем большую часть населения составляют крестьяне, мелкая буржуазия и прочие группы населения. То же относится и к производству в Греции, Риме и наиболее подвергшихся их влиянию странах и районах в те эпохи, когда крестьяне были равноправными собственниками, не могли эксплуатироваться внеэкономическими и лишь в ограниченных масштабах экономическими методами, дополнительный труд мог быть только трудом иноплеменников, которые стояли вне институтов гражданского общества и юридически принадлежали своим господам, т.е. рабов. И независимо от соотношения числа их и свободных земледельцев и ремесленников такие общества можно считать рабовладельческими.

В этом смысле и правомерно говорить о некоей обратной пропорциональности положения крестьян и рабов. В тех многочисленных странах древнего мира, где принимавшая разные формы эксплуатация крестьян отдельными собственниками или государственным аппаратом была возможна и действительно имела место, рабы могли быть хоть и многочисленны, но для осуществлявшегося в больших, чем семейные, масштабах производства не необходимы.

Но, несомненно, и рабовладельческие античные общества, как

уже упоминалось, знали обратную пропорциональность рабства и крестьянства. Когда в последние века Римской империи постепенно сходят на нет все некогда завоеванные плебсом свободы и привилегии, когда в системе империи значение старых, "классических" центров отходит на задний план по сравнению с периферией, где крестьянство никогда не было равноправно с высшими сословиями, тогда падает значение эксплуатации рабов (власть над которыми господ уже не была абсолютной) и возрастает роль эксплуатации крестьян, разделенных согласно разным градациям зависимости от частных собственников, городов, государства и его штата.

Соответственно изменяются формы собственности. Античная форма — единство индивидуальной и коллективной собственности граждан города — вытесняется собственностью сословной (экзмированные земли членов сенаторского сословия и еще не полностью оформленные в праве, но уже намеченные ограниченные владельческие права колонов), собственностью корпоративной (общин, городских куриЙ, коллегий), собственностью расщепленной (например, земля императора или сенатора, на ней земля общины, на ней надел общинника).

Таким образом, мы вновь убеждаемся, что закономерности становления, расцвета и упадка античного мира невозможно изучать, не связывая теснейшим образом судьбу рабовладельческого способа производства, рабства и судьбу крестьянства в центре и на периферии.

Специфическое положение античного крестьянства по сравнению с крестьянством других древних племен и народов играло немалую роль в становлении и устройстве городов — античных гражданских общин, характер которых в значительной мере обуславливал специфику античности и ее культуры. Не останавливаясь на длительной и далеко еще не завершенной дискуссии о сущности, роли, определении города в различные исторические эпохи, отметим только одно существенное отличие античных городов от ранних городов Азии, доколумбовой Америки и Африки. Писавшие о них исследователи обычно устанавливали, что даже когда тамошние города достигали больших размеров, относительного развития экономики и политического устройства, они, как и вся зависевшая от главного города территория страны, состояли из иерархии общин, которая возглавлялась старейшинами или советом старейшин. Первичная община включалась в более обширные (в городах, например, в городские кварталы), также формировавшие общинные объединения, а те — в общину городскую, округ и т.п. Старейшины общин составляли иерархию отличной от народа знати, которая воз-

главлялась царем и его сородичами, часто также несшими различные управленческие функции. Простые люди, в основном земледельцы (ремесленники обычно находились на особом положении), были непосредственно связаны только со своей кровнородственной или территориальной общиной, где им был отведен земельный надел, и лишь через нее и всю иерархию вышестоящих общин могла осуществляться их косвенная связь с городом или государством, в делах которых участие принимали на тех или иных основаниях только члены иерархии знати.

Напротив, в античных городах с их территориями общины — родовые, фамильные, соседские, — хотя и имели немалое значение как организации производственные, социальные и культурные, не играли роли посредствующего звена между гражданином и гражданской общиной, в делах которой он участвовал напрямую. Видимо, первоначально такие промежуточные звенья существовали (например, курии в древнейшем Риме, может быть, филы в городах Греции). Но сравнительно скоро Рим и его территория, как и греческие полисы, стали едиными городами с единым римским или афинским народом и с суверенной властью над всей принадлежащей им землей. Существенно, что ни в Греции, ни в Риме нельзя было выделить часть этой земли с ее населением под управление некоего частного лица ("в кормление"), что во множестве других ранних государственных образований приводило к укреплению власти знати над зависимыми людьми.

Древнейший этап становления античных городов, в общем, из-за недостатка источников известен сравнительно мало и служит темой дискуссий со многими противоречивыми гипотезами. Но как бы там ни было, факт полного слияния в один народ с одним управлением общин (гентильных или территориальных), синойкизм которых и обусловил развитие города, несомненен. Какую роль в достижении такого единства сыграло крестьянство, мы не знаем, но очевидно, что только такой строй дал возможность ему успешно бороться со знатью.

Когда же античное крестьянство утрачивает экономическую независимость, юридическое и политическое равноправие, оно теряет и непосредственную связь с городом и государством. Связь с ними осуществляется (как и у упомянутых выше земледельцев Азии, Африки и Америки) через общины и тех лиц, на чьих землях эти общины находятся. Выяснение того, каким образом, пройдя тысячелетний путь развития, античное крестьянство как бы возвращается к положению земледельцев древних неантичных обществ, — один из важных аспектов исследования социально-политической ис-

тории древности и характера смены античной формации феодальной⁹.

Можно полагать, что в основе здесь, как и в основе других особенностей структуры того или иного общества, лежат отношения собственности и их эволюция.

Как известно, много лет продолжается дискуссия о наличии или отсутствии государственной (или, что то же, царской) верховной собственности на землю в странах Востока. Те, кто ее признает, видят в ее большой роли характерную черту стран Востока в отличие от античности, где господствовала частная земельная собственность. Из этого отличия выводят и расхождения в социально-политических структурах, в частности и в положении массы земледельческого населения.

Не останавливаясь на аргументации участников дискуссии, заметим только, что сама полярная противоположность восточной государственной и античной частной собственности на землю вряд ли вполне закономерна. И в античном мире верховным собственником земли была гражданская городская община, т.е. коллектив граждан. По этой причине, например, в Риме аграрные законы могло принимать только народное собрание, а в период империи — ее глава, "на которого народ перенес свою власть и величество". Даже идеологи сенатской оппозиции не отрицали соответственных прав императора и только призывали его своими правами не злоупотреблять. Во все время существования римского права сохранялся (хотя, конечно, отнюдь не всегда соблюдался) закон, позволявший землю, два года оставленную владельцем без обработки, занять тому, кто начнет извлекать из нее плоды и благодаря этому станет ее владельцем. Иными словами, собственность здесь была, несомненно, отлична от буржуазной частной собственности именно потому, что верховный собственник (гражданский коллектив или император) осуществлял контроль над ее использованием. Как и на Востоке, в Риме наличествовал помимо частного и "государственный сектор": общественная земля, сдававшаяся за ренту, и частная земля, за владение которой никакая плата в казну не вносилась, но которая рассматривалась также как часть общественного земельного фонда, почему ее владелец обязан был из своего

⁹ Дискуссии о степени развития элементов феодальных отношений в рамках античных, о революционном или эволюционном характере гибели античного мира насчитывают много десятилетий и еще не завершены. Для поисков более обоснованных решений также необходимо яснее представлять себе положение крестьянских общин, крестьянских хозяйств, повинностей разных слоев крестьянства как в западных, так и в восточных частях Римской империи.

надела извлекать плоды или соответствующий доход — часть дохода гражданского коллектива в целом, шедшего "на общую пользу".

Видимо, разница между Востоком и античностью заключалась не в наличии или отсутствии государственной или частной земельной собственности и даже не в соотношении частного и государственного секторов, часто изменявшихся, а в том, кто этой собственностью распоряжался и кто ее контролировал. На Востоке это осуществлял царь, его административный и жреческий аппарат и его приближенные, которые получали от царя землю и возделывавших ее людей. В античных же городах в их классическую пору это было прерогативой народного собрания, которое в значительной мере состояло из мелких и средних землевладельцев, часто вступавших в более или менее острые конфликты с крупными собственниками из знати, но сплошь и рядом одерживавших верх, если (как то было к концу Римской республики) и не в качестве участников собственно народного собрания, то в качестве выступавшей с оружием в руках армии¹⁰. Так, в большей или меньшей степени верховная собственность гражданского коллектива на землю обеспечивала экономическую независимость крестьянства (а экономическая независимость, работа на себя была для античного человека важнейшим элементом свободы гражданина) и значение его как опоры и базы античной демократии.

Когда верховная собственность на землю и контроль за ее использованием перешли к императору, положение меняется. Императоры I в. н.э. еще пытались ограничить концентрацию земли и поддержать мелких и средних землевладельцев (что было одной из причин их конфликтов с сенатом). Но во II в., а особенно в период Поздней империи императоры, опиравшиеся на сенатскую знать, перестали препятствовать росту крупной земельной собственности, да и сами стали обладателями огромных земельных владений. "Государственный сектор", включавший не только сельское хозяйство, но и различные мастерские, рудники и т.п., крайне разбух, и соответственно все более разрастался связанный с ним бюрократический аппарат и армия, исполнявшая функции принуждения и подавления трудившихся в этом секторе работников. Как и в восточных странах, теперь верховная собственность государства была направлена не на "общую пользу" граждан, а на обеспечение

¹⁰ В данном случае уместно вспомнить слова В.И. Ленина по поводу государственной собственности и государственного контроля. Он подчеркивает, что не самая эта форма собственности, а контроль определяет характер экономики и общества, а в чьих интересах действует государство, какой класс ее контролирует. См.: Грозная катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 175, 191 и след.

интересов крупнейших земельных магнатов (хотя их интересы нередко входили в противоречия с императорскими) и все того же военно-бюрократического аппарата.

Такие изменения наряду с другими обуславливали процессы, часто обозначаемые как "ориентализация империи". Одним из важнейших явлений в этом ряду было, как уже говорилось, превращение в основной эксплуатируемый класс крестьян. Часто высказывалось предположение, что такие меры, как принудительная аренда заброшенных земель, прикрепление к земле крестьян и постепенное низведение их почти до рабского уровня, были заимствованы римскими императорами из практики эллинистических царств. Вряд ли это так. Скорее приводили к аналогичным мерам сходные обстоятельства — неэффективность рабского труда в крупных имениях, запустение земель, уход крестьян с земли, рост потребностей государства и его аппарата в продуктах и труде работников. Как бы то ни было, изучение взаимосвязи между изменениями соотношений собственности государственной и частной, мелкой и крупной и соотношением труда и положения рабов и крестьян — также один из важнейших аспектов анализа закономерностей эволюции античного мира, специфики его становления и гибели.

При изучении античного крестьянства, естественно, возникает вопрос, можно ли вообще говорить о крестьянстве, применительно к древности? Довольно широко распространено мнение, что крестьянство появляется только в эпоху феодализма, для предшествующих же периодов можно говорить о мелких землевладельцах, земледельцах, но не о крестьянстве и крестьянах. Думается, что мнение это необоснованно. Иной вопрос, когда вообще в истории появляется социальный слой, сословие, класс, которые допустимо именовать крестьянством? По-видимому, тогда, когда из массы населения примитивного общества, занятого земледелием и скотоводством, а также домашним, хотя иногда и более специализированным ремеслом, населения, более или менее равного между собой по социальному и имущественному статусу, выделяются какие-то группы лиц с иными функциями и сообщаемым им престижем. Это могут быть организаторы и управители данной группы в ее мирной и военной деятельности, превращающиеся постепенно в наследственную знать, носители неких знаний — светских и религиозных, жрецы или квалифицированные ремесленники. Первоначально все они еще могут заниматься земледелием и скотоводством, но не это уже основное, что определяет их, так сказать, социальное лицо. Таковы, например, знаменитые римские образцы "доблести предков": Цинциннат, Атилий Регул, Курий

Дентат — они сами возделывали свои маленькие участки, но основным в их характеристике была их принадлежность к высшему сословию и сенату, а также их подвиги, совершенные в качестве главнокомандующих римским войском. Не вошедшие в такие социальные группы земледельцы, объединенные в общины и имеющие индивидуальные наделы, и будут составлять крестьянство. Оно может оказаться в разном положении — может долго сохранять свободу, независимость и равноправие с другими группами, примитивными сословиями, а может частично или полностью оказаться на положении низшего, неполноправного сословия.

Противоположность между крестьянством и другими слоями или сословиями становится более заметной с возникновением городов, хотя жители последних еще продолжительное время остаются связанными с землей. Но постепенно горожане начинают считать себя носителями более высокой, утонченной культуры, противопоставляют горожан "деревенщине": *urbanitas—rusticitas*.

Каковы же были конкретные пути генезиса крестьянства в античном мире и в чем было здесь его своеобразие? Вопрос этот очень труден, как и вообще проблема становления классов в любом обществе, а особенно в Греции и Риме, для которых, как уже упоминалось, многие современные западные историки вообще отрицают наличие классов. Особенно запутан этот вопрос для раннего Рима, так как непосредственно связан с бесконечными спорами о характере и происхождении патрициев, клиентов и плебеев (о чем будет сказано далее). Сама эта проблема представляется нам в значительной мере надуманной. Ведь никто не задается вопросом, откуда произошел афинский демос, и не высказывает сомнений в его изначальной принадлежности к афинскому полису. В качестве всеобщего и закономерного явления обычно принимается разделение находящихся на стадии варварства племен всех континентов на знать, простой народ, состоящий из свободных соплеменников, и зависимых от знати лиц типа клиентов. Только происхождение римского плебса по каким-то неясным причинам вызывало и вызывает недоумение и порождает разные толкования, часто сводящиеся к отрицанию принадлежности плебса к римскому народу и римскому войску. Можно, однако, скорее предположить, что разделение римлян на знать—патрициев, простой народ—плебеев и зависимых клиентов возникло столь же естественно, как и у всех прочих народов.

Можно ли считать "простой народ" — в нашем случае греческий демос и римский плебс — классом или сословием? На основании вышеприведенных соображений о классах и сословиях в связи с

ленинским определением классов, видимо, демос и плебс классом не были. Их отношение к средствам производства, в частности к земле, не отличалось от прав на нее знати, хотя она могла захватывать значительную часть наличного земельного фонда. Плебей подвергался эксплуатации как неоплатный должник, ставший кабальным, но не потому, что он принадлежал к плебсу. Нельзя даже считать, что демос или плебс занимали определенное место в общественном производстве, поскольку, по всей видимости, состав их был многослоен: помимо крестьян в него входили ремесленники, торговцы, люди как совершенно немущие, так и включавшиеся в высшие цензовые классы. Следовательно, их скорее можно рассматривать как сословия, а их борьбу со знатью не как классовую, а как сословную.

Но если встать на такую точку зрения, то возникает новый вопрос: когда и как из этого сословия выделяется и формируется класс крестьян? Как уже упоминалось, в античности процесс классовобразования (обычный для огромного большинства ранних обществ) был прерван победами демоса и плебса. Как считают многие историки, первостепенную роль в их успехах сыграли изменения в военном деле, замена аристократической конницы¹¹ тяжеловооруженной, а затем и легковооруженной пехотой, состоявшей из более или менее зажиточного земледельческого населения. Притом потребность во все новых рекрутах в армию, а потом и во флот приводила к вовлечению в военное дело все более широких контингентов, вплоть до окончательной отмены имущественного ценза для службы в армии, что вело к расширению демократии и роли в управлении и жизни общества малоимущих слоев гражданства.

В "классических" античных городах крестьянство по своему месту в производстве отличалось и от более крупных землевладельцев, уже применявших в более или менее широких масштабах труд рабов, и от городских ремесленников, интеллигенции, торговцев и ростовщиков. В Риме крестьянство практически не допускалось к занятию магистратских и судейских должностей. Однако оно не отличалось по отношению к средствам производства; оно составляло основу армии и народного собрания — высшего избирательного и законодательного органа — и, наконец, не подвергалось эксплуатации, получая наделы из общинной земли или в колониях. Вряд ли по

¹¹ Судя по недавним находкам в Этрурии и на Палатине боевых колесниц, в наиболее архаический период римской истории применялась аналогичная система боя, совпадающая с властью царя, главы рода и т.п. См.: Культура и искусство этрусков: Успехи изысканий последних десятилетий в Южной Этрурии: (Каталог выставки. Москва — Ленинград). Рим, 1989. С. 43 и след.; Соколов Г.И. Искусство этрусков. М., 1990. С. 167. Ил. 99.

всем этим показателям крестьянство того времени можно считать классом.

Как уже неоднократно отмечалось в литературе, античная гражданская община после уравнивания граждан в правах на новой основе (на высшем витке спирали) воспроизводила первобытно-общинное устройство, с выборными должностными лицами, советом старейшин, народным собранием, народным ополчением, относительным равенством членов общины — экономическим и правовым. При таком положении можно лишь очень условно говорить о государстве и о классах (в отличие от сословий или, вернее, групп населения, у римлян определявшихся термином *ordo*). В Афинах VI—IV вв. до н.э., в Риме IV—II вв. до н.э. не было государственного аппарата, оторванного от народа, т.е. важнейшего признака государства. Не были ни эксплуатируемым, ни эксплуататорским классом массы мелких землевладельцев, даже если некоторые из них имели одного-двух рабов, трудившихся наряду с хозяином. Что касается более состоятельных собственников, то в то время и у них рабов было не так много, чтобы для принуждения их к труду и повиновению власти господ было недостаточно и требовался бы особый государственный аппарат.

Видимо, постепенное превращение крестьянства в класс падает на период так называемого кризиса греческого полиса и кризиса Римской республики, в основе которого также лежал кризис Рима как гражданской общины¹².

Для Греции долгое время считалось, что кризис полиса в IV в. до н.э. был вызван разорением крестьян и концентрацией мелкой земельной собственности. Но в последнее время эта концепция пересматривается, так как значительная часть крестьянства, еще весьма многочисленного, видимо, сохранила свои надель. Ставится под сомнение и самая концепция "кризиса полиса", поскольку полис оставался структурообразующим элементом античной системы и в период эллинизма, и в римской державе. Говорят скорее об известной модификации полиса, изменении его социальной структуры в связи как с ростом удельного веса чисто городских элементов, так и с усилением позиций олигархии. Скажем, крестьянство, даже не разоряясь, все более обособляется от других социальных слоев, теряет свое первостепенное значение в политике и армии¹³, и занимает особое, специфическое место в социальной структуре и системе общественного производства.

¹² Утченко С.А. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

¹³ Марцинович Л.Л. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975.

Для Рима взаимообусловленность кризиса Республики и кризиса мелкого землевладения, видимо, никто не отрицает, начиная с самих римских историков, для которых борьба Гракхов за аграрную реформу была рубежом между славным "временем предков" и несчастьями, вызванными гражданскими войнами. Борьба мелкого и крупного землевладения, принимая разные формы, по существу, длилась затем до конца Римской империи. В ходе ее крестьянство и становится классом, которому иногда на время удается одержать верх, но в конце концов оно терпит окончательное поражение и превращается в класс максимально эксплуатируемый. Как конкретно шел этот процесс формирования крестьянства в класс и как из опоры античной демократии и основной силы античной армии крестьянство, сменяя класс рабов, становится классом все более бесправным, несущим все тяготы по содержанию империи, — необходимо детально проанализировать, чтобы от общих соображений перейти к достаточно фундированным заключениям о закономерностях, действовавших в истории античного мира.

Одна из таких закономерностей, как уже упоминалось, связана с анализом результатов воздействия античных отношений на провинциальные. При всей огромной роли городов и горожан в эллинизации и романизации народов, втягивающихся в ареал античного мира, ключ к более полному пониманию таких результатов, видимо, следует искать в структуре местного земледельческого населения. Ведь нельзя забывать, что основные классы всегда складываются в ведущей отрасли экономики: при капитализме — в промышленности, в условиях докапиталистических обществ — в сельском хозяйстве (вот почему, например, класс рабов из класса-сословия рабов наиболее четко выделяется в сельском хозяйстве и там же все острее сказываются классовые антагонизмы). Поэтому глубинные основы классовых структур провинций и их взаимодействия с античным укладом следует искать, изучая их земледельческое, крестьянское население. Конечно, возможностей здесь меньше, чем при изучении городов, но данные аэрофотосъемок, эпиграфики и папирологии не делают соответственные попытки безнадежными.

Не лишено значения и изучение политики правительства относительно крестьянства в разных регионах и государствах античного мира в разные периоды его истории. Какую линию проводили деятели афинской демократии в этом смысле и как эта линия была связана с политикой войны и мира, отношениями с союзниками и т.п.? Какова была политика в крестьянском вопросе эллинистических царей и римских императоров? Как она менялась в связи с

изменениями в социальной структуре, экономике, в связи с обострением или затуханием многообразных классовых и социальных конфликтов?

Последний вопрос подводит нас к еще одной весьма существенной проблеме — позиции крестьянства или, вернее, тех или иных его слоев в классовой борьбе в различные эпохи истории античного мира. В современной западной историографии известное распространение получила концепция, согласно которой классовая борьба рабов, и в частности восстание Спартака, — миф, выдуманный римскими историками времен Империи и раздутый советскими антиковедами. Согласно этой концепции, спартаковское восстание на самом деле было движением беднейших италийских крестьян, не удовлетворенных результатами Союзнической войны и пострадавших от репрессий Суллы. Рабы же играли второстепенную, подчиненную роль, как и в других восстаниях, когда их вооружали и направляли преследующие свои цели господа¹⁴. И в нашей литературе нет единого взгляда на соотношение движений рабов и движений крестьян. А.В. Мишулин считал, что крестьянская беднота примыкала к Спартаку. С.Л. Утченко — что линии борьбы рабов и борьбы крестьян никогда не соединялись, союз их был невозможен. В общих курсах обычно просто отмечается, что движения тех и других были проявлением кризиса сенатской республики и всех ее противоречий. Еще меньше внимания уделяется соотношению борьбы рабов и крестьян в курсах истории Греции и эллинизма. Тем более необходимо вернуться к теме крестьянских выступлений, начиная с борьбы за передел земли в Греции и Риме и кончая крестьянскими выступлениями последних веков Империи, уже предвосхищавшими восстания в эпоху раннего феодализма. Важен также вопрос об эволюции борьбы крестьян за свои права.

Изучение различий в сущности и формах крестьянских выступлений, сопровождавших кризис как античной гражданской общины, так и Римской империи, т.е. античного мира в целом, может очень многое дать для понимания происшедших во всех сферах античного мира изменений, для суждения о природе классовой структуры и классовой борьбы и ее роли в переходную от античности к феодализму эпоху. Резкое отличие ее от выступлений крестьян в период кризиса античной гражданской общины особенно наглядно показывает несостоятельность попыток отнести все

¹⁴ Orena R. Rivolta e Rivoluzione: Il *bellum* di Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. Milano, 1984.

докапиталистические общества к одной формации или отрицать коренные изменения социального строя в эпоху Поздней империи.

Особая проблема — место крестьянства в различных идеологических течениях и его собственная идеология. Первая из названных проблем гораздо лучше обеспечена источниками, поскольку к "крестьянской" тематике обращались писатели во все времена, и разница в их подходах весьма показательна. При развитой античной демократии (здесь возможно сопоставить Аристофана и Катона) крестьянин, такой, какой он есть в действительности, — лучший образец гражданина. Он добродетельно возделывает землю, ведет простую, деятельную жизнь, силен и здоров физически и морально, хороший отец, защитник отечества. Ведь именно "поколение бойцов марафонских" (*Aristoph. Nub. 987. Пер. Адр. Пиотровского*) разбило персов, а римская крестьянская армия — карфагенян. С ростом значения городов, городских слоев и их культуры и вместе с тем с упадком значения крестьянства в экономике и армии, с разложением крестьянских общин и обусловленной их строем коллективистской крестьянской идеологии отношение к крестьянству изменяется, причем в двух направлениях. Когда речь идет о реальной жизни вне города, крестьяне рисуются достаточно неприглядными. Даже для городского раба перспектива ссылки в сельскую местность — устрашающее наказание. И не только потому, что там предстоит тяжелый труд, но и потому, что он не имеет там привычных развлечений и общества (уже у Плавта сельский раб, старозаветный тяжелодум, резко отличается от ловкого, умного, набравшегося "лоску" городского раба). В обращенной к народу аргументации Цицерона против аграрного закона Сервилия Рулла большее место занимает противопоставление радостей городской жизни, которые имеет плебс Рима, безотрадной судьбе крестьян, в которых превратятся плебеи, получив наделы на общественной земле. Крестьяне рисуются невежественными, грубоватыми и простоватыми, лишенными утонченности, включавшейся в понятие *humanitas*.

Вместе с тем развивается тенденция к идеализации некой воображаемой сельской жизни и сельчан. Она сказывалась в буколической поэзии Феокрита, Вергилия, Кальпурния, где действовали не имевшие ничего общего с реальностью пастухи и пастушки, изящные, нежные, занятые в основном любовью, близкие столь же изящным сельским полубогам — нимфам, дриадам, фавнам. Восхваление чистой, близкой природе, исполненной простых радостей сельской жизни появлялось и не в собственно буколической поэзии — у Горация, Овидия, в знаменитой "Эвбейской речи"

Диона Хрисостома. В риторических сборниках один из популярных мотивов — противопоставление благородного бедного крестьянина, доброго соседа, прилежного труженика притеснителю богачу, или паразиту, предпочитающему унижаться за подачки перед патроном, вместо того чтобы возделывать поле деда и отца.

Такая двойственность обуславливалась противоречивостью создавшегося положения. Хотя крестьяне продолжали считаться гражданами городов, на территории которых родились и их предки, и они сами, чем далее, тем более, сперва фактически, затем юридически они отдалялись от городского плебса. Соответственно различными становятся возможности у крестьян и горожан приобщаться к культуре, хотя бы в форме "массовой культуры", которую впитывали городские плебеи, посещая театры, выступления ораторов, философов, писателей, участвуя в торжественных религиозных процессиях и богослужениях. Уже Варрон во вступлении к своему агрономическому трактату писал, что крестьяне чтят тех же богов, что и горожане, но понимают их по-другому. Так обострялось противоречие в культуре крестьян и горожан, даже из простого народа, не говоря уже о знати и интеллигенции.

С другой стороны, жизнь в городе, особенно в больших городах эллинистических царств и римской державы, была для многих далеко не легкой. Приходилось унижаться, искать покровительства патронов; нередко человек пришлый чувствовал себя одиноким, оторванным от корней, что вело к поискам некоего высшего единства, путей утверждения общности с мировой гармонией, природой, людьми, что было характерно для эллинистических и римских философских течений. Многим казалось, что утраченную гармонию можно найти в возвращении к жизни простых крестьян, более отзывчивых и дружелюбных, довольствующихся малым, а потому не склонных к зависти, интригам, вражде, а, напротив, живущих общими интересами с соседями, как жили некогда "предки" и живут "варвары", которые также идеализировались как люди, близкие к природе, богам и сообщаемой богами мудрости.

И наконец, действовали более реальные причины. По мере ухудшения положения крестьян, которые сплошь да рядом уходили в города, нанимались на рудники, просто бежали куда придется, примыкали к разбойникам, все больше становилось заброшенной земли. Сокращались доходы казны и частных владельцев, начинались перебои в снабжении городов хлебом и другими продуктами. Все труднее оказывалось набирать армию, поскольку считалось, что хорошими солдатами могут быть только земледельцы, а не ремесленники и вообще городские плебеи. Принимавшиеся пра-

вительством в общем малоэффективные конкретные меры по борьбе с запустением земель (льготы займщикам, принудительная аренда, прикрепление земледельцев к земле) сопровождались в плане идеологическом тем же прославлением сельской жизни и крестьянского труда, крестьянского, так сказать, прошлого великих предков.

Как ни мало можно полагаться на исторические аналогии, все же, возможно, не лишено значения то, что сходные течения сопровождали и другие кризисы в европейской истории. Пасторали, тоска по простой жизни на лоне природы, прославление "дикарей" были характерны для Франции XVIII века накануне революции. И в предреволюционной России обычной была идеализация уже разлагавшейся крестьянской общины, противопоставление ее тому новому, что появлялось в связи с развитием капитализма. В данной связи античные "пасторали" приобретают особый интерес как некий символ протекающих в обществе процессов.

Не менее важно и исследование социальной психологии и идеологии самого крестьянства, как в целом, так и отдельных его слоев. Задача эта трудна и потому, что источников здесь не очень много, и потому, что история античного крестьянства прошла, как мы видели, несколько этапов: его выделение из низших сословий и борьба за экономическое, политическое и юридическое равноправие; превращение крестьянства в основу античной гражданской общины, в "соль" ее народа; постепенное ухудшение его положения как класса, становящегося в конце концов основным эксплуатируемым классом.

Естественно, что при подобных переменах мировоззрение крестьянства менялось, а следовательно, могло и должно было проявиться несоответствие в идеологии разных его слоев (бедноты и зажиточных хозяев, попадавших в зависимость и самостоятельных), ясно, что иной она была у крестьян эллинистических царств и общинников античной периферии. Все же, несмотря на скудость источников, некоторые заключения и гипотезы представляются возможными. Отдельные упоминания у авторов, надписи, памятники изобразительного искусства, будучи сопоставлены, могут дать некую картину.

В исторической литературе данная проблема гораздо менее разработана, чем другие связанные с историей античного крестьянства вопросы. В связи с исследованиями греческой и римской религии, особенно ранней, характеризуются важные для населения того времени культы, связанные с земледелием, скотоводством, сменой сезонов и другими природными явлениями, с гентильными,

фамильными, соседскими общинами. Но в дальнейшем внимание исследователей обычно сосредоточивается на культуре и, в частности, на религии городов и государств, гораздо полнее представленных в источниках. Сельскому населению, за немногими исключениями, уделяется обычно мало внимания. Констатируется его приверженность старым богам, общине, консерватизм, мешавший ему признавать христианство.

Но даже приверженность старым культам дает возможность сделать некоторые предположения об устроении сельчан, связанных с землей и природой, особенно при привлечении некоторых других данных, содержащих фольклорные реминисценции или материал, восходящий к крестьянскому представлению о мире. Соответствующая попытка тем более оправдана, что в античном мире, как и во всяком обществе, развивавшемся из первобытно-общинного строя, огромное множество явлений культуры восходило в своих истоках к идеологии общинников-земледельцев, хотя бы впоследствии это явление трансформировалось до неузнаваемости, а истоки были забыты.

Кроме того, исследование социальной психологии крестьянства может расширить наши представления о его мере в социальных и классовых конфликтах в различные эпохи и, может быть, приблизит возможность решения вопроса о союзе крестьян с рабами в наиболее острые моменты выступлений тех и других против господствующих классов. Одно из обычных возражений в немарксистской историографии против значения в античном мире класса рабов и их борьбы опирается на отсутствие у рабов классового самосознания и собственной идеологии, отличной от идеологии свободных. Возражение это представляется неосновательным, так как, во-первых, класс определяется не самосознанием и идеологией, а его объективными признаками, а во-вторых, ни в одном обществе не бывает класса, идеологию которого не разделяли бы так или иначе некоторые другие классы и социальные слои. Даже в буржуазном обществе, с его гораздо более четким, чем в предшествующих формациях, классовым делением, идеологию пролетариата разделяет часть интеллигенции, крестьян, мелкой буржуазии. Тем более в античности, с ее сложной сословно-классовой структурой, идеологию протеста против норм и форм эксплуатации, обусловленных нормами, сложившимися в условиях рабства, должны были разделять и разделяли те, кто, не будучи рабами, все же от таких норм страдал. Для городской бедноты подобная идеологическая общность с рабами сомнений не вызывает. С крестьянством, даже беднейшим, дело, видимо, обстоит сложнее, но тем более необ-

ходимо найти какое-то, пусть опять-таки дискуссионное, но опирающееся на источники решение данного вопроса.

Конечно, в одном труде нельзя исчерпать все проблемы и материалы, относящиеся к античному крестьянству. Неизбежна и дискуссионность предложенных гипотез и решений. Но можно надеяться, что именно такая дискуссионность привлечет внимание исследователей к поставленным в книге и вновь возникающим вопросам, связанным с различными аспектами истории античного крестьянства, с одной стороны — в его соотношении и взаимосвязи с рабством, с другой — со своеобразием античного пути развития, столь отличного от путей других раннеклассовых обществ.

ЧАСТЬ I

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РИМСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЭПОХИ РЕСПУБЛИКИ

ГЛАВА I

ГЕНЕЗИС И РАСЦВЕТ КРЕСТЬЯНСКОЙ СИСТЕМЫ

Первый вопрос, возникающий при изучении крестьянства — какие критерии применимы для выделения крестьянства как определенного социального слоя, сословия, класса, отличного от других слоев, сословий, классов данного общества и, соответственно, как и на какой стадии развития общества крестьянство выделяется из общей массы населения, занятого земледелием, скотоводством и домашним ремеслом.

На этот счет высказывают разные мнения; например, в изданном в 1985 г. томе I коллективного труда "История крестьянства в Европе" в одном случае предполагается, что о крестьянстве можно говорить, когда в обществе выделяются разные производственные и социальные функции и появляется класс людей, занятых в своих мелких хозяйствах сельским трудом, даже если их деятельность не полностью отделена от военного дела и управления, если притом существует и другая социальная группа, сосредотачивающая в своих руках войну и управление¹. В другом случае возникновение крестьянства связывается с выделением индивидуальной семейной собственности на земельные участки из собственности общинной и большесемейной². Третье мнение — крестьянство возникает с разделением труда в обществе, обусловленным состоянием производительных сил, с сосредоточением мелких земледельцев только на своем труде и полном отстранении их от участия в войне и управлении, которые целиком переходят в руки землевладельческой аристократии³.

При известном различии приведенных формулировок они могут быть приложены и к римскому крестьянству, если рассматривать его

¹ История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. I. С. 118.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 224.

на разных стадиях римской истории, когда доля участия мелкого земледельца в управлении и войне была то большей, то меньшей. Но, видимо, наиболее существенный момент — степень разделения труда как в производственной деятельности (выделение ремесленников, жрецов, носителей и учителей знаний), так и в деятельности социальной (управители, организаторы и управляемые), что обусловило и отделение города от деревни, хотя бы в форме разделения территории на город и хору, а населения — на *urbani* и *rustici*, при всей свойственной античным городам-общинам теснейшей экономической, организационной и политической связи между теми и другими.

Наши источники по истории Рима, по существу, не отражают времени, когда такое различие не существовало бы, за исключением эпохи первых царей, для которой речь о различии *urbani* и *rustici* не идет. Но уже в повествованиях о периоде последних царей и начала республики (хотя все римляне были как будто заняты земледелием и скотоводством) появляются городские и сельские трибы и *rustici*, которые каждые девять дней (нундины) приходят в город поторговать, разобрать свои споры, узнать, когда и какие предстоят празднества и т.п. Власть народных трибунов оканчивалась в тысяче шагов от города, так что они не могли защищать сельских плебеев (эти люди обычно упоминаются в источниках как "люди с полей" — *ex agris*). С другой стороны, по данным тех же источников, все граждане независимо от места жительства были распределены по куриям, позже — по цензовым классам и центуриям, участвовали в куриатных и центуриатных комициях, в общих священнодействиях и кроме самых бедных — в военных походах. Они получали, по преданию, по два югера от Ромула, по семь югеров после изгнания Тарквиния Гордого, а в промежутке какие-то доли земли, отобранной царями у врагов. Разделялись они не по месту жительства и занятиям, а по принадлежности к *patres*, клиентам и плебеем.

В связи со столь разными данными возникает второй вопрос — когда и как выделился слой, который может быть обозначен как крестьянство? Вопрос этот непосредственно связан с многочисленными спорными проблемами структуры и истории архаического Рима. Соответствующая литература очень велика и постоянно возрастает, главным образом, в связи с новыми лингвистическими и археологическими материалами, которые позволили преодолевать господствовавшее прежде гиперкритическое отношение к данным античной традиции о раннем Риме. Для нашей темы особенно большое значение имеют гипотезы о сущности и взаимоотношении *patres* и патрициев, клиентов и плебеев в связи с

интерпретацией римского рода (*gens*) и его роли в архаических институтах и, соответственно, в социальных аграрных отношениях. Многообразии существующих концепций в общем можно свести к двум основным направлениям. Согласно одному, римские *gentes*, управлявшиеся старейшинами—*patres gentium*, включали патрициев и клиентов (первые зародыши классов эксплуататоров и эксплуатируемых). Из объединения этих родов и возник Рим. *Gentes* владели своей родовой землей—*ager gentilicium*, возделываемой зависимыми клиентами. Только объединенные в роды патриции составляли римский народ, его войско и народное собрание, и только они по закону имели доступ к общественной земле—*ager publicus*, могли пасти на ней скот или оккупировать и возделывать ее части. Плебеи к римскому народу квиритов первоначально не принадлежали, что пытались доказать, основываясь на поздней, встречающейся во II в. до н.э. и у Цицерона формуле *populus plebesque*. Однако эта точка зрения не представляется убедительной: данная формула имеет в виду только два различных источника законодательной власти — собрание всего народа и собрание плебеев без участия патрициев — и в этом плане подобна распространенной формуле *senatus populusque Romanus*, также объединяющей два источника законов: сенат с его сенатусконсультами и народ с законами, принятыми народным собранием. В случае формулы *populus plebesque* имеется в виду постановление народного собрания и плебисциты, принятые на собраниях плебса без участия патрициев (закон, приравнивающий плебисциты к постановлениям народного собрания, был принят в 287 г. до н.э. и известен как *lex Hortensia*). Сторонники данной точки зрения считают, что плебеи родовой организации не имели, входили только в фамилии, возглавляемые отцами, не обладали доступом к *ager publicus* и добивались наделения глав фамилий индивидуальными участками, выделенными из *ager publicus* и земли, отнятой у врагов, а затем и политического и юридического равноправия с патрициями. Их первой капитальной победой были законы Лициния—Секстия (367 г. до н.э.), приобщившие их к римскому народу и его землям⁴.

Другая точка зрения основана на отсутствии в источниках данных об *ager gentilicium*, о *patres gentium*, о законах, отстраняющих плебеев от пользования *ager publicus* (а также об отмене подобного

⁴ Из многих возможных назовем работы: *De Martino F.* Storia economica di Roma. Firenze, 1979. Т. 1; *Diritto e società nell'antica Roma.* Roma, 1979; *Guarino A.* Storia di diritto romano. Napoli, 1981; *Ricerche sulla organizzazione gentilizia romana / A cura di G. Franciosi.* Napoli, 1988; *Heurgon J.* Rome et la Méditerranée jusqu'aux guerres puniques. P., 1969; *Ogilvie P.M.* Early Rome and the Etruscans. Trowbridge, 1976.

закона), равно как и свидетельств о первоначальном исключении плебеев из римского народа квиритов и его институтов. Деление архаического римского общества на патрициев, плебеев и клиентов аналогично такому же делению многих аналогичных стадияльно близких народов на "знать", "простой народ" и "зависимых людей"; и в Риме, как и в других регионах, все они принадлежали к одному народу и были одинаково причастны к его основным институтам.

Как известно, в современной исторической литературе вопрос о плебейх чрезвычайно запутан, хотя наиболее естественно предположить, что плебеи и "отцы-patres возникли на той же стадии развития, на которой у всех известных историкам и этнографам племен и народов возникают архаические сословия — знать и просто народ, при множестве конкретных вариантов их состава и взаимоотношений. В отечественной литературе более всего обсуждался вопрос, был ли плебс сословием или эксплуатируемым классом.

Как уже упоминалось выше, данные традиции показывают, что плебеи, в число которых входили и крестьяне, не были ни эксплуатируемым классом, ни классом вообще, а сословием весьма неоднородного состава. Среди них всегда были люди состоятельные. Вероятно, еще со времени сооружения Соляной дороги кое-кто из них участвовал в экспорте соли. И при этрусских царях, когда расширяются связи Рима со Средиземноморьем вплоть до Карфагена (теперь гиперкритические их отрицания решительно отвергнуты), несомненно возрастает обмен, что показывает обилие импортных вещей, находимых при раскопках, как и экспорт римских изделий в южные районы Галлии. И хотя с изгнанием Тарквиния Гордого (510 г.) обмен сокращается, полностью он не замирает. Известно, что при основанном в 496 г. храме Меркурия-Гермеса была создана коллегия хлеботорговцев-фрументариев и что фрументарий-плебей Спурий Мелий (V в. до н.э.) был достаточно богат, чтобы в голодный год кормить бедноту, что навлекло на него обвинение в попытке стать царем и как результат казнь (439 г. до н.э.).

Надо учесть также постоянные смешения населения в Риме. В восстании Гердония (460 г.), якобы поднявшего рабов и захватившего Капитолий, участвовали и многие призванные им изгнанники, число которых увеличивалось за счет столкновения разных групп населения и высылки побежденных. Кроме того, в Рим переселялись многочисленные жители из других городов. Одни из таких переселенцев становились патрициями, как Клавдии, другие — плебейми, как, например, Генуции Ветурии, достаточно

состоятельные у себя на родине. Из их среды выходили обычно народные трибуны и вообще лидеры плебса.

Были средние слои плебса — плебеи, получившие по семь югеров после изгнания Тарквиния, сохранившие их или даже преумножившие за счет покупки других участков. Они составляли массу владельцев земли — *assidui* XII таблиц, противопоставлявшуюся неимущим пролетариям, которые образовывали низшие слои плебса. К ним примыкают "люди с полей" — *ex agris*, нередко упоминаемые Ливием как наиболее страдавшие от набегов врагов, сжигавших их домики (*villulae*), угонявших скот, вытаптывавших урожай. Они искали защиты за стенами города и иногда, в самом крайнем случае, им давали оружие, хотя, не входя в цензовые центурии, они обычно в армию не призывались. К этому слою принадлежали также арендаторы-колонны, известные с древнейших времен, а также должники, обрабатывавшие на чужой земле свои долги, всегда готовые восстать против кредиторов, которые нагромождали проценты на проценты, так что должники теряли надежду освободиться.

Такой разнообразный состав плебса лишает основания предположение о том, что он был эксплуатируемым классом или вообще классом. Это было сословие, внутри которого могли бы выделиться классы, если бы история Рима не пошла по пути демократизации.

Рим возник из объединения не родов, а первоначально объединившихся в курии небольших общин-пагов, сел, где сочетались кровнородственные и соседские связи и, соответственно, *ager publicus* Рима сложился из общественных земель таких общин, где доступ к ним, а затем и к римскому *ager publicus* имели все общинники, как патриции, так и плебеи. Противоречия между теми и другими обострились при последних царях и после отмены царской власти, хотя первоначально, опасаясь союза плебеев с Тарквинием Гордым, патриции давали им землю и допускали наиболее богатых из них до консулата. (Богатые плебеи появились при этрусских царях, когда Рим имел тесные торговые связи со странами Средиземноморья, когда развивалось римское ремесло и появились деньги, хотя бы в виде брусков с оттиском сухой ветви или рыбы.) Лишь через несколько десятилетий после установления республики и с началом изоляции Рима от других регионов, приведшей к полной аграризации экономики, патриции образуют замкнутое привилегированное сословие, монополизируют и магистратуры, и *ager publicus*, что приводит к острому протесту плебса, к длительной борьбе и постепенному уравниванию в правах патрициев и плебеев, к наделению большей части плебеев землей, отмене долгового рабства

и т.п.⁵ Точка зрения, исходящая из представления о плебсе как об исконной органической части римского народа, представляется более убедительной и соответствующей как известным общим закономерностям развития племен и народов, стоявших на аналогичной стадии своей истории, так и данным античных авторов и материалам раскопок, иллюстрирующим постепенное заселение римских холмов и низин с последующим превращением их в единый город.

Данные раскопок последних десятилетий не только показали гораздо более оживленные и тесные связи Рима и других городов Лация с внешним миром (что, кстати, устранило сомнения в подлинности сообщения Полибия о договоре Рима с Карфагеном в конце VI в. до н.э. — *Polyb.* III. 22), но и позволили, в сочетании с некоторыми сведениями авторов, предположить, что Рим некогда пережил свой "героический век", хотя, конечно, не столь блестящий, как греческий. К VIII в. до н.э. относятся погребения с дорогими импортными вещами, оружием и в том числе с боевой колесницей — наиболее типичным снаряжением "героя". Известно, что в древности знатных мужей хоронили в курганах, их похороны сопровождалась тризнами, расходы на которые пытались ограничить законы XII таблиц, но впоследствии похороны знатного человека, по описанию Полибия, давали повод к торжественным процессиям с масками предков, пиршествами, а затем и гладиаторскими боями, заменившими человеческие жертвоприношения. Гимны, восхвалявшие подвиги хозяина дома, исполнялись и на даваемых им пирах. В знаменитой надписи из Сатрика упомянуты *sodales* Валерия Попликолы, *sodales* упоминаются и Ливием в связи с наиболее видными патрициями⁶. Такие дружины засвидетельствованы во многих обществах, стоявших на аналогичной ступени развития: в Испании известны сальдурин, приносившие присягу на верность своему вождю и считавшие позором вернуться с поля боя, не отомстив за своего убитого вождя. В Галлии знатные люди имели по 5—6 тыс. таких дружинников. Согласно одному из исследований⁷, даже еще во время Империи (в Институциях Гая) упомянуты *auctorati*, не являвшиеся гладиаторами и, видимо, связанные со своим патроном особой священной клятвой. Известна впоследствии

⁵ С различными вариантами такую точку зрения разделяют: *Richard J.-Cl.* Les origines de la plèbe romaine. Rome, 1978; *Capogrossi Colognesi L.* Terra in Roma antica. Roma, 1981. I: *Età arcaica*; *Idem.* Storia delle istituzioni romane arcaiche. Roma, 1988; *Legge e società della repubblica romana / A cura di F. Serrao.* Napoli, 1981; *Humbert M.* Institutions politiques et sociales de l'antiquité. 3e éd. P., 1989.

⁶ *Florentini M.* Ricerche sul culte gentilizi. Roma, 1988. P. 170.

⁷ *Pepo L.* Auctoratum et la posizione de auctorati. Napoli, 1981.

полузабытая коллегия *sodales Titi*, видимо, отправлявшая культ царя Тита Тация. Во время Империи *sodales Augustales*, *sodales Claudiales*, *sodales Flaviales* именовались коллегии императорского культа, состоявшие из представителей высшей аристократии, очевидно, долженствующей составить дружину императора в загробном мире. Дионисий Галикарнасский в аналогичных случаях упоминает *ἑταῖροι*. Иначе говоря, *sodales* были равнозначны последним как ближайшее окружение аристократа, тогда как клиенты, также с ними связанные, занимали более низкий ранг, хотя могли принадлежать к разным категориям (отдававшие себя "под покровительство", обязанные благодарностью за помощь и т.д.). Знаменательно, что еще во II в. до н.э. при всех переменах по сравнению с VII—V вв. в законе Ацилия о вымогательствах — *de repetundis* (CIL. I. 583) запрещалось вызывать в качестве свидетелей и назначать в число судей людей не только из родни, но и из *sodales*, наследственных клиентов и наследственных патронов обвиняемого, настолько освященными традицией были такие отношения. И, по-видимому, положение знатного человека в архаическом обществе в первую очередь определялось количеством его свиты, пережитком чего оставался и впоследствии обычай друзей, клиентов и т.п. сопровождать высокопоставленного человека на Форум, встречать у ворот Рима и провожать домой и т.п. Такие аристократы архаического Рима — *viri fortes*, как их называли, — могли, как и греческие герои, получать культ — мы знаем имевшего рошу "Героя Горация" и часовню "Героя Минуция"⁸, возможно, были и другие, но в отличие от Греции культ героев в Риме заглох. *Viri fortes* со своей свитой могли выступить в поход — так, "войной героев" считает знаменитый, роковой для них поход Фабиев против Вей Л. Капогресси Колоньези⁹.

По всей видимости, протест против культа "героев" в среде оппозиционной аристократии плебса после его побед привел к отождествлению "героев" (*viri fortes*) с кем-либо из римских богов. Так, Ромул почитался под именем Квирина, Эней — как Юпитер Индигет, царь Лаврента Латин (тесть Энея) — как Юпитер Латисис. Допустимо предположить, что Юпитер Тарпейский, храм которого, единственный из римских храмов, имел право принимать в дар земельные угодья (*Ulp. Fr. XXII. 6*), был одним из древнейших богов, как-то связанным с героем войны с сабинянами Тарпеем, его дочерью Тарпеей и Тарпейской скалой.

⁸ Fiorentini M. Op. cit. P. 110.

⁹ Capogrossi Colognesi L. Storia delle istituzioni... P. 201.

Видимо, с ранних времен и до первых столетий Республики такие "герои" со своими сородичами, "гетайрами", клиентами обособывались на территории Рима. Обычно в пример приводится родоначальник Клавдиев, переселившийся в Рим с 5000 спутников, которым была отведена земля. Но были и другие, менее известные: Волумнии, Огульнии, Фульвии Валерии, Аврелии, Юлии, Сервилии, Клелии, Сергии, Корнелии, Сульпиции, Антистии и др.¹⁰ Вероятно, к таким случаям относится известное упоминание у Плиния Старшего и агрименсоров об обычае "предков", согласно которому оккупировавший землю на *ager publicus* мог взять ее столько, сколько мог обработать, т.е. в зависимости от численности его свиты¹¹. На сходном условии по закону V в. до н.э. народного трибуна Ицилия о разделе Авентина между плебеями для постройки жилищ размер участка зависел от величины дома, который мог выстроить получатель, один или с компаньонами. Те же агрименсоры, перечисляя различные категории земель с точки зрения их правового статуса, особо выделяли существовавший "при предках" *ager occupatorius*, землю, захваченную у врагов, на которой оккупация могла иметь место *in spe colendi* — в надежде на возможность возделывать ее в будущем. Скорее всего этим правом и пользовались *patres* для помещения своих *sodales* и клиентов.

Но эти пришлые и искони жившие на территории Рима "принцепсы", *viri fortes*, *patres* и связанные с ними люди не составляли весь народ, как нигде и никогда народ не состоял из одной только аристократии и ее "гетайров" и клиентов. На холмах, а затем в низинах (римские авторы различали, соответственно, *montani* и *ragani* — сочленов общин пагов) жило все возраставшее население, частично пришлое¹², которое составило ядро плебса, также входившее в курии, комиции, войско и в *gentes*, известные затем как "младшие", "плебейские"¹³.

Сведения авторов о древнейшем Риме отрывочны, но сходятся на том, что первые цари разделяли между римлянами земли, отнятые у врагов (*Dionys.* II. 35.6—7; 36.2; 53.4; 55.6; 62.3—4). О

¹⁰ *Heurgon J.* Op. cit. P. 128; *Ogilvie P.M.* Op. cit. P. 39; *Ricerche sulla organizzazione gentilizia romana.* P. 68.

¹¹ Некоторой, конечно, очень условной аналогией могут быть условия во время крепостного права, когда состояние человека определялось не размерами его имений, а числом принадлежащих ему душ.

¹² Возможно, к нему восходила версия о стекавшихся в убежище Ромула бродягах, беглых и т.п., тогда как знать, прибывавшая из Альбы и Этрурии, возводила себя к Энею и его троюнкам.

¹³ Известно, что многие плебен носили те же родовые имена, что и патриции; возможно, отдаленные потомки по боковой линии сливались с плебсом.

конфликтах знати и плебеев упоминаний нет, но, возможно, сохранились какие-то глухие реминисценции противоречий между знатью и царями, поддерживавшими простой народ. Так Тулл Гостилий, якобы ставший царем из пастухов, раздавал беднякам на Целии и царскую, и храмовую землю, выступал против чванства знати (*Dionys.* II. 76.2; III. 1.5; 4–5; 11.3–5; 29.6–7; *Val. Max.* III. 4.1). Таким же благодетелем простого народа выступает в этой традиции Анк Марций, якобы ставший царем из рабов — его имя выводится из слова *anculus* — раб (*Dionys.* III. 31.3; 37.4; 49.2). По другой же, очевидно патрицианской, традиции Тулл Гостилий был богохульник — *contemptor deorum*, требовавший божеских почестей, за что Юпитер поразил его молнией (*Cic. De rep.* II. 17; *Liv.* I. 31). Но у всех авторов и речи нет о какой-либо дискриминации простого народа из местных и переселенных в Рим жителей покоренных городов: все они включались в курии, в народное собрание и в армию квиритов; разница со знатью состояла только в том, что "принцепсы" побежденных включались в сенат и получали землю, очевидно, на всех *sodales* и клиентов.

Столкновения народа с *patres* античная традиция относит к правлению последних трех этрусских царей, когда Рим превращается в настоящий город с многочисленными ремесленниками, поселенными в Тускском квартале, центром в Капитолийском храме, замощенным Форумом и т.д.

Наиболее интересной фигурой среди этрусских царей несомненно можно считать Сервия Туллия. О его происхождении, истории и реформах в современной литературе шло и идет много споров. Но, как бы ни судить о деталях, важно, что этот царь принадлежал к числу исторических персонажей разных веков и народов, которые становились героями фольклорных преданий. Как они формируются, почему в центре стоит тот или иной сюжет, нельзя решить однозначно¹⁴. Но очевидно то были деятели, чем-то поразившие воображение народов. Так, в русской истории такими центрами притяжения были Иван Грозный, Петр Великий, Разин, Пугачев. Для нашей темы достойны внимания предания, в которых Иван Грозный был первоначально слугой Ванькой, Петр — кучером, и царями они стали благодаря чуду избранничества: перед Ванькой загорелась лампада, перед Петром трижды загорелась свеча, когда вельможи гадали, кого выбрать царем¹⁵. Известно, что Сервий Тулий был (как и основатель Пренесты Цекула и, по одной

¹⁴ Криничная Н.А. Персонажи преданий: Становление и эволюция образа. М., 1988.

¹⁵ Там же. С. 89 и след.

версии, Ромул — *Plut. Rom.* 2) сыном рабыни и Лара, божества домашнего очага. Кроме того, знаком его великого предназначения, когда он еще лежал в колыбели, стал загоревшийся вокруг его головы огонь, что увидела и верно истолковала жена царя Тарквиния Приска мудрая Танаквиль. Такие сказания начинают складываться еще при жизни их героя, затем обогащаются новыми подробностями. Так, например, сказания о Разине обрастали фантастическими подробностями о его даре чародея, о том, что он не был казнен, живет скрываясь и когда-нибудь явится защищать народ, так что некоторые даже считали, что он явился под именем Пугачева¹⁶. В истории Сервия Туллия, очевидно, фольклорными элементами была его связь с Фортуной, его неизменной помощницей, рассказ о том, как он хитростью перехватил у некоего сабинянина чудесную корову, о которой было предсказано, что власть над Италией получит тот, кто принесет ее в жертву Диане, возможно, рассказ о его убийстве злодейкой-дочерью и зятем, захватившим его власть¹⁷. Прослеживают в истории Сервия Туллия и некие общеарийские фольклорные элементы¹⁸. Можно полагать, что героем подобных сказаний Сервий Туллий стал отчасти благодаря своей реальной деятельности, а отчасти потому, что народ приписывал ему осуществление своей, так сказать, программы. Это вело даже к попыткам его обожествления. Так, Макробий сообщает, что в ноны народ праздновал день его рождения и приносил ему жертвы, как ставшим богами предкам — *parentarent*, и если нундины совпадали с нонами, *patres* их отменяли, чтобы избежать стечения народа (*Macrob. Sat. I. 13.16; 16.23*). Его считали основателем и патроном нундин и разных моральных норм и институтов (*Plut. De Fortuna populi Romani. 10*). Его связь с ионами говорит и о его связи с Луной, праздничными днями которой селяне и позже считали календы, ноны и иды, знаменовавшие фазы Луны, которая отождествлялась также с Дианой. Ей Сервий Туллий построил на Авентине знаменитый храм, день посвящения которого считался праздником плебеев и рабов, близких этому царю.

Помимо введения ценза, что толковалось как дававшаяся всякому возможность выдвинуться не по происхождению, а по энергии и способности составить себе состояние, Сервию Туллию

¹⁶ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.: Л., 1935.

¹⁷ О мотиве убийства царя зятем и дочерью в фольклоре см.: Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 264—268.

¹⁸ Dumézil C. Servius et la Fortune. P., 1942. Между прочим, Дюмезиль к таким элементам относит и ценз, и связь царя с Фортуной, божеством всякого продвижения — возвышения и падения, а также связь царя с огнем.

приписывалось освобождение кабальных должников, наделение земельными участками бедняков, что освобождало их от необходимости работать на других и укрепило свободу граждан, учреждение городских и сельских триб, а также установление пагов с празднествами Паганалиями. Он же назначил в паги лиц, обязанных следить, чтобы *pagani* не разбредались и усердно трудились на земле, и отвечавших за набор по пагам рекрутов и поступление трибута, а также организацию ремесленных коллегий (*Flor.* I. 6.3). По толкованию Варрона, Паганалии были связаны с праздником начала посева *sementivae feriae*; день его объявлялся понтификами ради земледелия пагов (*paganicae agriculturae causa*), чтобы посев в полях имел всякий паг, по какой причине этот праздник и называется праздником пагов. Фест говорит о *sacra pro montibus, cupiis, pagis, sacellis*, отличая их от общенародных священнодействий — *sacra publica*. Здесь *montes* и *pagi* — разные единицы, тогда как впоследствии (во второй половине II в. до н.э.) в надписях из Рима упомянуты *pagus Montanus* на Эсквилине (CIL. I. 521), *pagani pagi Ianiculani* (CIL. I. 801–802), т.е. на Яникуле. Очевидно, паги оформлялись в позже заселявшихся низинах между холмами. Например, по Варрону, улица Субура была проложена на месте *pagus Succusanus*. Возможно, что при Сервии Туллии соответственно были оформлены и прежде не имевшие определенного статуса общины холмов по образцу пагов, известных затем по всей Италии (между прочим и как объединения — септемпаги, дуэпаги и децемпаги). Очевидно, оформление жизни и организации пагов отвечало интересам плебеев, потому оно и приписывалось Сервию Туллию. Паги — со своими землями, выборными или назначенными царем магистратами и префектами (Дионисий называет их "комархами" и "архонтами" — *Dionys.* IV. 10.1–5; 13.1–2; он же приписывает этому царю учреждение компиталий в честь Героев (т.е. Ларов) с участием рабов, служение которых приятно Героям — IV. 14.1–3; 15.1–6), со сплоченностью общинников вокруг общих культов, общих интересов, наконец, с еще сильными кровнородственными связями — могли эффективнее противостоять знати, нежели действовавшие разрозненно плебеи, почему паги и связывались с "народолюбцем" Сервием Туллием, как и коллегии¹⁹, бывшие также организациями плебеев. Впоследствии Цицерон видел в организациях *montani* и *pagani* созданные "предками" собрания и коллегии для плебеев, отождествляя таким образом друг с другом различные объединения, полезные плембу (Цицерон тут

¹⁹ Организация пагов и коллегий приписывалась также Нуме (*Plut. Numa.* 16–17).

употребляет выражение *plebiculae*, подчеркивая, что речь идет о "маленьких людях").

Образ созданного плебеями "народного царя" дополняют и версии о политике Сервия Туллия в области культа. Помимо отмеченной выше его связи с особо почитавшейся крестьянами Луной и празднования в ноны его дня рождения, можно отметить и основание им храма отождествлявшейся с Луной Диане (тоже на Авентине). День его основания считался праздником рабов и простого народа (*Fest. s.v. Servorum dies*). Дионисий Галикарнаский говорит, что он сам видел на этом храме рога той легендарной коровы, с которой было связано упомянутое выше пророчество. Сервий Туллий хитростью завладел коровой и обеспечил Риму власть над Италией, рога же ее приделал ко входу в храм Дианы, хотя вообще ей полагалось посвящать оленьи рога.

Рога коровы были похожи на серп Луны, с которым часто изображалась Диана. Возможно, отождествление Дианы с Луной восходит ко времени Сервия Туллия или было ему приписано. Диана была не только "хозяйка леса и зверей", но была связана с богиней *Dea Dia*, в роще которой справлялись древние ритуалы Арвальских братьев и которая, подобно Луне, была божеством света²⁰. В ипостаси Дианы Луцины (от слова *lux* — свет) она, как и Юнона Луцина, была родовспомогательницей. Словом, царь Сервий был в народных преданиях не только устройтелем общин-пагов, не только любимцем Фортуны, возвысившей достойного из низов на самый верх общественной лестницы, но и организатором культов, наиболее близких и почитаемых крестьянами, — Луны, слившейся с Дианой (аналогичной богине света древнейшей земледельческой коллегии Арвальских братьев), богине леса, плодородия животных и людей, защитнице рабов и земледельцев из плебса.

Образ Сервия Туллия — программный образ плебса, выражение его чаяний и желаний. И анализ его под таким углом зрения имеет гораздо большее значение, чем попытки установить, что он делал в действительности.

Возможно, деятельность Сервия Туллия и предания о ней были обусловлены изменениями, происходившими при этрусских царях. Так, Тарквиний Приск вместо переселения побежденных в Рим стал в их города выводить колонистов и гарнизоны (*Dionys. III. 58.4*). Он же ввел в сенат, по Дионисию, самых мудрых и доблестных плебеев, по Ливию — "отцов" из младших родов, составлявших партию царя — *factio regis* (*Dionys. III. 67.1; Liv.*

²⁰ Radke G. Die Götter Altitaliens. Münster, 1979, s.v. *Dea Dia*.

I. 35.6). Когда ему сдался город Коллация, он отдал его с землями своему племяннику Эгерии (*Liv.* I. 38.1–2). В этом он следовал ранее неизвестной в Риме практике царей, отводивших подвластные территории "в кормление" своим родным. Все это наряду с подъемом ремесла и торговли обострило противоречия в обществе, что и привело к убийству Приска (*Dionys.* III. 73.1–4). Дионисий и Ливий несколько по-разному описывают историю воцарения Сервия Туллия, но у обоих говорится о его помощи должникам против кредиторов. Раньше о должниках речи не было; видимо, задолженность возникла с общими изменениями в экономике. Дионисий приписывает Сервию запрещение давать в долг под залог свободы при дозволении брать в залог только имущество, т.е. правило, много позже установленное законом Петелия и входившее во все требования плебса в последующие века наряду с наделением неимущих земель из *ager publicus*, также будто бы проведенным Сервием (*Dionys.* IV. 9.6–9, 10.1–5, 13.1–2). О розданных подушно землях "вне города" упоминал Варрон в *De Gente populi Romani* (*Nonn. Marcel. s.v. viritim*). Здесь уже различаются плебеи, живущие вне и внутри города. Евтропий писал, что по проведенному Сервием Туллем цензу оказалось 83 тыс. граждан, считая и тех, кто были в полях — *in agris* (*Eutrop.* I. 6). К мероприятиям этого царя Дионисий относит дарование гражданства отпущенникам при уравнивании их в правах с плебеями (IV. 22.4) и в связи с введением цензовых классов, приведение в соответствие суммы прав и суммы обязанностей граждан. Богатые получили преимущество при голосовании, но, так как их центурии были малочисленнее центурий бедных, они чаще призывались на войну и вносили трибут — соответствовавший цензу взнос на военные нужды (*Dionys.* IV. 21.1–2; 23.2–3). Следовательно, независимо от точности этих данных, они в совокупности характеризуют программу городских и сельских плебеев, связывающуюся с таким образом этого царя, каким он остался в фольклоре. Ливий, высоко оценив военные успехи Сервия Туллия и введение им ценза, вкладывает в уста его убийцы и преемника Тарквиния Гордого обвинения, выдвигавшиеся против Сервия знатью: дескать, он, сын рабыни, покровительствовал самым низким людям, вырвал землю у принцепсов (*primoribus*) и роздал самым подлым (*sordidissimo*), а введя ценз, он все тяготы взвалил на первых людей и тому подобное (*Liv.* I. 47.10–12). Иными словами опять-таки перечисляются выгодные плебеям установления. С правлением Сервия Туллия, как мы видим, помимо прочего связывается обострение противоречий между плебеями и *patres* и разделение римской территории на город и хору и,

соответственно, плебса на городской и сельский, хотя в то время деление это могло быть лишь очень условно, поскольку паги в низинах и общины на холмах с их сельскохозяйственными угодьями оставались внутри города.

По словам Дионисия, Тарквиний Гордый не только разорял бедных людей и заставлял их работать на строительстве, но запретил собрания и жертвоприношения по селам, куриям, соседствами и в городе, и в "полях", боясь, что против него составят заговор (*Dionys. IV. 43.1—2; 44.1*). Если этот факт соответствует действительности, то он лишний раз подтверждает стремление царя укрепить свою власть путем ее централизации. Как и Приск, он отдавал в "кормление" сыну город Ардею, старался упрочить свое положение в латинском мире брачными союзами с разными принцепсами. Он присвоил большое количество земли, которую возделывали пленные рутулы и которая после его изгнания была частично превращена в Марсово поле, а частично роздана участками по 7 югеров плебеям, чтобы они не помогали царю вернуться (*Dionys. V. 13.1—3; Liv. II. 6.1—3*). Последнее мероприятие показывает, что плебеи или какая-то их часть были на стороне царя, так же как демы греческих полисов бывали на стороне тиранов, с которыми современные исследователи часто сопоставляют Тарквиния Гордого.

Ливий и Дионисий сходятся в том, что после его изгнания *patres* старались расположить к себе плебеев. Они восстановили законы о пагах, "лучших" плебеев сделали патрициями, увеличили число сенаторов до трехсот, приняли закон об апелляции к народному собранию в случае приговора виновного судом к смерти, порке или штрафу, закупили в Кумах зерно для бедных, не брали с них никаких взносов, так как на общественные нужды они тратили средства, вырученные от продажи соли из принадлежащих Риму соляных копей (*Liv. II. 1.10—11; 8.1—2; 9.5—8; Dionys. V. 2.2—3; 9.4—5*)²¹. В этой связи становятся вполне вероятными данные наиболее ранних консульских фаст, где названы наряду с консулами-патрициями и консулы-плебеи, очевидно, из числа тех, которыми, согласно Ливию (II. 1.10—11), пополнился сенат. Такие плебеи принадлежали по цензу к центуриям всадников (помимо 6 или 12 всаднических центурий из патрициев, набравшихся независимо от ценза, а только по происхождению). Разбогатеть они могли на

²¹ В связь с политикой, рассчитанной в те годы на привлечение плебеев, можно поставить и основание храмов Сатурна, Цереры, Либера и Либеры, Меркурия с коллегией *mercatores*, обязанных обеспечивать римский народ зерном в случае его нехватки.

торговле, ремесленных предприятиях, за счет добычи в войнах, в которых конница тогда играла главную роль.

Общественной землей теперь вместо царя распоряжались *patres*. Они даровали Муцию Сцеволе и Горацию Коклесу (а возможно, и некоторым другим) за их подвиги столько земли, сколько те могли опхать вокруг с упряжкой быков за один день (*Dionys. V. 25.2; Liv. II. 10.12; 13.5; Plin. NH. XVIII. 3.1*). Каков был размер этой площади, сказать трудно. Несколько позже Кориолану за его военные заслуги было предложено 100 югеров земли, 10 пленных, 10 коней и 100 быков (*Val. Max. IV. 3.4*). В 498 г. открывшие заговор бедноты и рабов жители Лаврента получили по 20 югеров земли, по 1000 драхм серебра (*Dionys. V. 57.1–5*) — сообщение в общем сомнительное. Плебеям были даны земли в колонии Сигнии, в Фиденгах и некоторых других городах вольсков (*Dionys. X. 60.4; VI. 20; Liv. II. 21.7*). *Patres* выделяли часть *ager publicus* для оккупации переселявшимся в Рим "принцепсам" с их свитой, а также оставшимся в Риме этрускам Порсенны в *vicus Tuscus* между Палатином и Капитолием взамен на взятую Порсенной область *Septempagi* (*Dionys. V. 36.1–4; 68.1; Liv. II. 14.9*).

Вместе с тем не прекращались заговоры бедноты в пользу возвращения Тарквиния (*Dionys. V. 51.3; 53.1–4; 57.1–5*). Дионисий объясняет их задолженностью, от которой бедняки страдали. Задолженность возрастала и в последующие годы, особенно в связи с разорявшими земледельцев непрерывными войнами (*Liv. II. 23.1–5; Dionys. VI. 20.1–3*). Кассации долгов требовали и горожане, и приходившие в Рим "люди с полей" (*Dionys. VI. 22.1–9; 26.3; 27.3; Liv. II. 23. 7 sqq.; 27.1–4*). Обычной угрозой их был отказ идти на войну, так как хотя обычно в армию зачислялись только члены цензовых классов, в крайних случаях (так называемые *tumultum*) призывались "все, кому дорога республика", т.е. и *infra classem* (беднота, не имевшая ценза). "Люди с полей", очевидно, были бедняки, либо работавшие на чужой земле как батраки, либо попавшие в долговую кабалу или долговое рабство²², — те, кто, в законах XII таблиц обозначен как безземельные, неимущие, пролетарии в отличие от владеющих землей *assidui*. Волнения

²² Вопрос о долговом рабстве и долговой кабале в архаическом Риме, о значении терминов *пехи* и *addicti* в современной литературе дискуссионен. Высказывается предположение, что *пехи* на основании сделки *пехит* отдавали себя в рабство до выплаты долга, *аддикты* же отработывали взятые в долг деньги в соответствии с приговором суда, причем *пехит* был отменен законами Петелия, *аддикты* же оставались. Но *пехи* и *addicti* упоминаются и у поздних авторов: Цицерона и Колумеллы. Во всяком случае долговое рабство в V в. до н.э. существовало.

окончились 1-й сессией плебеев, также по-разному толкуемой в современной литературе. Но при всех прочих неясностях и расхождениях, для нашей темы важно, что, по признанию всех античных авторов, власть народного трибуна кончалась на расстоянии тысячи шагов от Рима и, следовательно, защищать "людей с полей", не имевших возможности прийти в город, они не могли. Дионисий прямо замечает, что трибуны не имели власти помочь плебеям вне города (*Dionys. VIII. 87.5—6*). Но даже "люди с полей" могли вместе с городскими плебеями, работавшими на земле внутри города, собираться на Форуме и поддерживать криками и драками вносимые трибунами законопроекты о долгах и земле. Все источники отмечают, что борьба за эти законы крайне обострилась, когда после смерти Тарквиния патрес, не опасаясь более реставрации монархии, стали принести плебеев, в частности, изгоняя их с *ager publicus*. Без доступа же к общественным угодьям — пастбищам, лесам, водным источникам — даже на семи югерах вести хозяйство было невозможно.

Особенно ухудшилось положение и обострилась борьба плебеев в V в. до н.э. Этот век, по общему признанию, по сравнению с временем этрусских царей был веком упадка экономики. Слабели связи с другими странами, резко уменьшился импорт, чеканная монета, если она действительно существовала при Сервии Туллии и Тарквинии, сменилась расчетами по головам скота (согласно Плинию, в 454 г. один бык был официально приравнен к десяти овцам) и обменом на слитки меди, которые взвешивал присутствовавший при сделках *libripens*.

В некотором смысле V век можно сравнить с "темными веками", часто отделявшими друг от друга разные цивилизации и этапы развития цивилизации, ее, так сказать, пики (как века между ахейской и классической Грецией). По мере накопления знаний о древнейших культурах (в основном, благодаря археологии) все более ясной становится неприемлемость идеи прогресса цивилизации по восходящей прямой. Цивилизации исчерпывали свои материальные и духовные возможности, приходили по тем или иным причинам в упадок, сменялись значительно более примитивными отношениями у племен и народов, живших на той же территории или пришедших извне, но более или менее им родственных, наследовавших многое от прошлых культур, обычно лишь смутно вспоминаемых, и это наследие способствовало новому развитию, включалось в это новое как более или менее существенный элемент.

Конечно, разрыв между Римом последних царей и V веком не был столь очевиден, как разрыв между ахейской и классической

Грецией. И если бы не раскопки последних десятилетий, он вообще не был бы отмечен. Однако регресс во всех отношениях несомненен, и он сказался на положении сословий и судьбе крестьянства. Со времени опубликования знаменитой надписи из Сатрика, посвященной Марсу от лица *sodales* Валерия Попликолы, возрос интерес к термину *sodales* и было выявлено, что они у Ливия обычно упоминаются вместе с *patres*. В данной связи можно допустить следующее предположение.

Патриции при этруских царях были ограничены в своем влиянии, что и привело к изгнанию Тарквиния Гордого. Первое время, боясь реставрации, они старались привлечь на свою сторону плебеев, между прочим, поставили храмы Меркурию как богу торгового обмена и "плебейской троице" — Церере, Либеру и Либере, роздали плебеев, как уже говорилось, по 7 югеров из царской земли. Но когда со смертью в изгнании Тарквиния опасность царской реставрации уменьшилась, патрицианская верхушка взяла реванш, всячески утверждая свое господство, в том числе с помощью своих больших свит, или дружин, состоявших из их *sodales*. Состав их, вероятно, был пестрым, из разных сословий, в зависимости от знатности и богатства "главы". Скорее всего они, как испанские сальдурии, давали особую клятву. То, что эти "принцепсы" аналогичны греческим "героям", видно из слов Сервия о душах знатных мужей (*viri fortes*), пребывавших в рощах и становившихся Ларами (Лары у греческих авторов обычно отождествлялись с героями). Найденная при раскопках на Палатине боевая колесница показывает, что и в плане введения войны имелось сходство с такими обществами, хотя, видимо, первенство было уже за состоявшей из знати конницей. Главам дружин нужна была земля, чтобы пасти свои стада и содержать своих дружинников разных рангов. Вероятно, в этом и состояла одна из важных причин острой борьбы за землю в те времена, а не воображаемый закон, якобы отстранявший плебеев от *ager publicus*. Последний, возможно, уже тогда состоял из нескольких видов: общественные земли общины-пага, которыми пользовались все общинники, имевшие надел на территории данного пага; исконный *ager publicus populi Romani*, из которого, как писали агрименсоры, мог быть выделен только такой надел, какой получатель был бы в состоянии обработать со своей *familia* в данный момент; наконец, *ager occupatorius* — земля, отобранная у врагов и открытая для оккупации, причем оккупировавший ее мог брать больше, чем был способен возделывать сразу же, т.е. в надежде на будущее (*in spe colendi*), что открывало возможности для "принцепсов". Они со своими дружинами,

несомненно, вели свои войны (знаменитый поход 306 Фабиев против Вей наверняка не был уникален). Захваченные в таких походах земли "принцепсы" давали своим дружинникам, но претендовали также на *ager occupatorius*, взятый у врагов регулярной римской армией, а может быть, и на древний *ager publicus populi Romani*, путем отстранения силой других претендентов. Они, несомненно, имели большие богатства — законы XII таблиц, ограничивая расходы на погребение, запрещали класть в гробницу золото, кроме бывшего в зубах покойного. Значит, золота было достаточно, чтобы класть в гробницы золотые вещи. Иногда они выкупали должников (например, Аппий Клавдий перед первой сецессией), еще более увеличивая число тех, кто за ними следовал и кем они распоряжались. На их дружину не распространялось *veto* народных трибунов, которым те запрещали набирать войско, — одно из самых сильных орудий в борьбе плебеев с сенатом. За ними стояла и вся мощь патрицианских привилегий, и отряды их дружинников и клиентов.

Однако им, как и в Греции, противостояли структуры, сложившиеся в эпохи, которые предшествовали "темным векам" (в Риме — при этрусских царях), сохранили кое-что из прошлого и добавляли свое. Главными среди этих структур были народное собрание с народными трибунами, организация по цензовому принципу и народная армия. Законодательная власть народного собрания при всем сопротивлении *patres* прокладывала путь к утверждению прав народа²³. В армии, как и в современном ей греческом войске, значение конницы постепенно отходило на задний план по сравнению с ролью пехоты, причем не только тяжелооруженной — из первых цензовых классов, но и легковооруженной, набиравшейся из других классов. Соответственно, все бóльшую роль играла *центурия* ремесленников, которые, несомненно, многому научились у этрусских мастеров, населявших со времени последних царей Тускский квартал в Риме. Ремесленники изготавливали оружие, какое не мог произвести какой-нибудь кузнец, живший и работавший на своей общинной территории, в своем паге. Весьма вероятно, что они же изготавливали и одежду для солдат, почему среди коллегий, якобы созданных Нумой, кроме кузнецов и плотников, были *сукновалы* и *пурпурарии* , т.е. красильщики одежды и тканей. Они же размечали территорию под лагерь (лагеря были необходимы, хотя бы во время десятилетней осады Вей).

²³ *Legge e società*. P. XX sg.

Видимо, решительный момент был связан с этой самой осадой Вей. Как известно, Фабии, организовавшие "поход героев" против Вей, были все перебиты. Вейи были взяты народной армией, что явилось огромным торжеством римского оружия и принесло богатую добычу. Народная же армия, собранная Фурием Камиллом, нагнала отступавших от Рима галлов и отобрала у них золото, захваченное в Риме в качестве выкупа. Преимущество народной армии перед дружинами "принцепсов" стало очевидным. Но эта армия могла действовать достаточно эффективно только при условии удовлетворения требований комплектовавшего ее плебса. С изгнанием галлов делается ряд уступок верхам плебса, например, избрание из их числа трибунов с консульской властью и ряд других. Итог на том этапе подводили, как уже отмечалось, законы Лициния—Секстия, которые давали наиболее видным плебейам право на консулат и ограничивали в пользу крестьянства оккупацию *ager publicus* и количество пасущегося там скота.

За счет сокращения оккупации на *ager publicus* (скорее всего, имеется в виду *ager occupatorius*) возрастает земельный фонд для наделения малоземельных и безземельных. Число последних должно было возрасти за счет освобождения пехи, облегчения положения *addicti* и запрещения порабощения граждан. Все эти меры были неизбежны, чтобы не уменьшалось число граждан, могущих быть призванными в армию. Дальнейшие меры в этом направлении проводились на протяжении всего IV в., знаменовавшегося одной уступкой плебсу за другой. И это привело к становлению римской *civitas* и римского гражданина — земледельца, воина, участника народного собрания, что и составляло основу римской демократии, римской армии, никогда не включавшей наемников, и, соответственно, римских побед.

Наиболее известным, упомянутым многими авторами эпизодом борьбы за землю был аграрный закон, предложенный в 486 г. Спурием Кассием (*Liv.* II. 41) — дважды консулом, дважды трибуном, автором знаменитого договора с латинами. Дело, как известно, кончилось казнью Кассия, обвиненного в "стремлении к царской власти"; с этого времени, однако, борьба плебса не прекращалась, в ходе ее укреплялось положение народных трибунов и конституировалось собрание плебса (*concilium plebis*) и его влияние. Трибуны продолжали вносить предложения о наделении бедноты землей, запрещали наборы в армию, а солдаты иногда нарочно проигрывали сражения, чтобы особо ненавистные плебейам, выступавшие против их требований консулы не получали триумфа (например: *Liv.* III. 42.1—2; *Val. Max.* IX. 3.5). Дионисий,

освещающий события тех лет подробнее Ливия, проводит отдельные различия между городским плебсом и "земледельцами с полей". Так, для суда над Кориоланом трибуны созвали на собрание не только горожан, но и "тех, кто с полей", которые обвиняли богатых, призвавших против них Кориолана и войско (*Dionys.* VII. 38.1; 39.1; VII. 12.3—4). Дионисий характеризует их как людей бедных, которые сами работали на земле (VIII. 58.3). Когда в 481 г. плебеи отказались идти в армию, консулы М. Фабий и Л. Валерий разрушали дома и имения (вероятно, равнозначно *villula*) более богатых, а у работавших на землях других отбирали упряжки быков, скот, вьючных животных и орудия для пахоты и жатвы (VIII. 87.5—6). Лишившись отцовских и дедовских клеров, пишет Дионисий, и вынужденные работать за плату в чужих имениях, они не хотели иметь детей или производили плохих детей, как то свойственно нищим (IX. 51.7). Когда после подавления мятежа Гердония патриции отдали плебеям Авентин, те, по словам трибуна Ицилия, получили часть города, но не получили хору, захваченную могущественными людьми (*Dionys.* X. 32.2—3). Когда в ходе очередного конфликта трибуны привлекли к суду консулов за оскорбление плебеев, на Форум явились "с полей" и земледельцы, работавшие самостоятельно, и феты. Благодаря им все трибы высказались за присуждение консулов к штрафу в 10 и 15 тыс. ассов²⁴ (*Dionys.* X. 36.2—4; 37.4—5; 40.3; 41.5; 42.1.4,6; 48.2—4; 49.2.5—6). В описании дальнейших столкновений плебеев и патрициев вплоть до законов Лициния—Секстия в 367 г., знаменовавших первую решительную победу плебса, четкая разница между горожанами и "людьми с полей" уже не подчеркивается, но, очевидно, она все же существовала, что дает право относить к этому времени начало конституирования римского крестьянства как определенного общественного слоя, отличавшегося от других своим занятием — земледелием, своим имущественным положением — принадлежностью к низшим цензовым классам (а то и к слоям, стоявшим вне их), наконец, своей принадлежностью к сельским трибам и сельским пагам, хотя некоторая его часть проживала и в пагах, находившихся на территории города.

Судя по приводившимся авторами данным, среди них могли

²⁴ В это время, по единодушному утверждению авторов, штрафы взимались скотом из расчета "один бык за 100 ассов, одна овца за 10 ассов"; но судя по процедуре манципации, продажа *res mancipi* совершалась на медь, которую взвешивал *libripens*. Когда в 461 г. сын Цинцинната был присужден к штрафу в 3 тыс. ассов., Цинциннат, чтобы выплатить за него штраф, продал 3 югера земли, сохранив себе 4 югера за Тибром (*Liv.* III. 13.10).

быть как люди, достаточно обеспеченные, так и земледельцы, "работавшие на других" в качестве батраков, фетов (по Дионисию), колонов²⁵ и кабальных должников. Судя по данным Дионисия, согласно которым у должников отнимали скот и инвентарь, а также статьи Законов XII таблиц (III. 4), гласившей, что закованный должник мог жить на свои средства (*de suo*) или получать от кредитора по фунту муки в день на пропитание, должник мог сохранять какое-то имущество (очевидно, для своей семьи) и поплатиться собственной свободой. В те времена, когда рабов было еще немного, а земля оккупировалась в соответствии с возможностями ее возделывания, рабочие руки должника для *patres* с их "гетайрами" были ценнее его имущества. Насколько они были нужны, видно, между прочим, из двух примеров: в побежденный Анций было поселено небольшое число колонистов, которые попытались заставить анциатов возделывать их земли, что привело к восстанию последних (*Dionys. IX. 60.2*), и более никаких аналогичных попыток превратить побежденных в подобие илотов римляне не делали. В другом случае, надменный аристократ, консул, заставил солдат работать как фетов на своих полях, за что народное собрание, несмотря на его военные заслуги, лишило его триумфа (*Dionys. XVIII. 4.8; 5.2*). Самовольная незаконная эксплуатация сограждан решительно пресекалась.

Как в те времена могла приобретаться земля? Она могла быть либо получена в незапамятные времена в качестве надела внутри пага или при раздаче участков, всем поровну или больших размеров за особые заслуги, а затем передана по наследству сыновьям, либо куплена с соблюдением соответствующей процедуры, либо оккупирована из *ager publicus* с обязательством обрабатывать ее (оставшаяся два года без обработки земля у поссессора отбиралась, в то же время обработка участка в течение двух лет давала на него право по сроку давности — так называемая *usucapio*). Пока земля возделывалась, права на нее, как и на плоды земли, судя по законам XII таблиц, всячески охранялись. Приобрести землю на территории Рима мог только гражданин, но разницы в правах между патрициями и плебеями при этом не было. Известный Спурий Мелий в 439 г. до н.э. раздававший бедноте хлеб и казненный по

²⁵ Колонов у "предков" упоминал юрист I в. до н.э. Цинций в толковании названия месяца Мерцедония — это был ноябрь, когда колоны (*οἱ κολωνοὶ*) вносили арендную плату. См.: *Cinc. ap. Lyd. De men 4.92 = Iurisprudentiae antehadrianae quae supersunt / Ed. F.P. Bremer. Lipsiae, 1985 [1896]. Pars prior. P. 253. Плиний. Старший сообщает, что у предков за убийство пахотного быка народное собрание карало изгнанием, как за убийство собственного колона — *Plin. NH. VIII. 70.4; ср. Val. Max. VIII. 1.8 damn.**

обвинению в "стремлении к царской власти", был, по словам Ливия, человек без знатности, почета и заслуг (*Liv.* IV. 15.4–8), но и он имел "гетайров" и клиентов и был богат (*Dionys.* XII. 1–3; 6.5–7), скорее всего, тоже за счет оккупации земли на *ager publicus*. И уже безусловно значительную площадь общественной земли имел плебей Лициний Столон, якобы оштрафованный за превышение им самим установленной нормы оккупации.

Возможно, как и у других стадияльно близких народов, *pater familias* получал в пределах своей общины-пага надел в 2–7 югеров (*heredium*) с правом пользоваться общей землей пага; вне территории пага, на принадлежавшей всему народу земле — *ager publicus*, — было возможно, при наличии достаточного числа работников, возделывать новь и таким образом получить на нее права, что скорее мог сделать патрон многих клиентов, "гетайров", кредитор многих кабалных. Поскольку статус человека, особенно из знати, зависел от числа его *sodales* и клиентов, нужны были большие земельные пространства, чтобы их разместить и обеспечить. По Дионисию, когда народное собрание присудило знаменитого Фурия Камилла к штрафу в 10 000 ассов, что во много раз превосходило его состояние, эту сумму собрали и внесли за него сородичи и клиенты (*Dionys.* XIII. 5.1). То есть патрон был непосредственно заинтересован в богатстве клиентов. В принципе, взять участок на *ager publicus* мог любой гражданин, но кроме того, что у малоимущего не было соответствующих возможностей, видимо, те, кто такие возможности имел (в основном *patres*, но и кое-кто из плебеев), захватывали вновь завоеванные земли в значительной мере силой. Поэтому все агитировавшие за аграрные реформы подчеркивали незаконность захвата *ager publicus*, а захватившие его так упорно сопротивлялись попыткам ограничить их аппетиты.

При всей остроте борьбы долгое время делавшиеся плебсу уступки были незначительны: в нескольких колониях конца V в. колонисты получали всего по 2–3 югера. Только поселенные в Вейях получили по 7 югеров, а взятая там богатая добыча была отдана солдатам, как и добыча из некоторых других городов (*Liv.* IV. 47.6–7; V. 20.4–10; 24.4–5; 30.8).

Победой плебса были, как уже отмечалось выше, законы Лициния–Секстия (367 г.). О них в современной науке высказывались разные суждения — от полного отрицания их историчности до признания их подлинности или предположений о том, какими они были на самом деле (например, что максимум оккупации на *ager publicus* был установлен не в 500, а в 50

югеров²⁶). Нередко также разбирался в литературе вопрос о том, что было главным в борьбе плебса: экономические требования (аграрный и долговой вопросы) или политические (уравнение в правах, общая демократизация). Вряд ли здесь можно как-то противопоставлять то и другое, поскольку в то время полноценным, полноправным гражданином мог быть только владевший землей на территории городской общины и, следовательно, совладелец всей этой территории, верховная собственность на которую принадлежала народу — коллективу граждан. И после законов Лициния—Секстия растет как роль народного собрания, так и роль народа, в частности, жившего вне Рима сельского плебса. Так, первый известный нам закон *de ambitu* от 358 г. был, по словам Ливия, вызван амбицией "новых людей" (т.е. допущенных к консулату плебеев), которые перед выборами обходили, стараясь привлечь внимание избирателей, нундины и *conciliabula* (*Liv. VII. 15.12–13*) — большие, чем села, поселения, в которые для торговли, обсуждения своих дел и т.п. собирались окрестные *rustici*, жившие на территории вновь образованных сельских триб. А было их уже столько, что в 350 г. для войны с галлами не только из городской, но даже из сельской молодежи (*non urbana tantum sed etiam agresti iuventute*) было набрано 10 легионов из 300 всадников и 4200 пехотинцев в каждом (*Liv. VII. 25.8*). И, судя по описанию сражений тех лет, уже не патрицианская конница, как прежде, а пехота играет решающую роль. Особенно ярко это изменение проявилось в войнах с самнитами, у которых была сильная конница из родоплеменной знати. В конных сражениях римляне терпели поражения, победы одерживала пехота (*Liv. VIII. 38–39; IX. 22.9–11; X. 41.11*). В ходе Самнитских войн, сопровождавшихся войнами против большинства близких и дальних соседей Рима, все более росло значение плебейской пехоты и, соответственно, составлявших ее сельских плебеев. Богатая добыча теперь все чаще отдавалась солдатам. Они получали скот, в том числе пахотных быков, одежду, деньги и, наконец, землю в основываемых колониях. Было запрещено долговое рабство и неоднократно суду предавались ростовщики, превысившие установленный законами XII таблиц процент, так же как штрафами карались нарушившие земельный максимум и максимум голов скота, пасущегося на *ager publicus*. В ходе войн захватывались и пленные, которые частично отпускались за выкуп, частично обращались в рабство, заменяя собой рабов из избавленных от долгового рабства соплеменников. Иногда считают,

²⁶ Robert J.N. La vie à la campagne dans l'antiquité. Rome, 1985. P. 37.

что захват на войне рабов обусловил уступки плебсу, рабочая сила которого была заменена рабочей силой рабов²⁷, но скорее зависимость была обратной: победы плебса вели к развитию рабства иноплеменников.

К концу IV — началу III в. до н.э. (ко времени войны с Пирром) сложились римская *civitas* с ее основными характеристиками и римское крестьянство как основа ее гражданского и военного строя, что и обусловило победы римской крестьянской армии над противниками, использовавшими наемников, как греческие города Италии и этруски (где остры были социальные противоречия), или над самнитами (*App. Samnit. I. 1; Dionys. XV. 8.5*), которые жили в основном не в городах, а в селах, пагах, слабо связанных между собой под временной властью племенных вождей, и были обычно способны на сильное, но не очень длительное и стойкое сопротивление²⁸. На рубеже IV и III вв. в Риме образуются новые сельские трибы, почти ежегодно основываются новые колонии, несмотря на подчас кровавые столкновения римских колонистов с местными горожанами, лишившимися части земли (*Liv. IX. 23.1–4; 26. 1–6; X. 1.7–9; 3.2; 21.7–10; Per. XI*).

В ходе колонизации, образования новых сельских триб и дарования прав гражданства ряду латинских городов по Италии распространились небольшие римские крестьянские поселения (*foea, conciliabula*), с которыми сочетались — как основная община — паги, со сконцентрированными (*vici*) или разбросанными (*villulae*) жилищами, с индивидуальными участками и общими угодьями, необходимыми при небольших размерах наделов. К этому времени в результате борьбы плебса, сочетавшейся с внешними войнами, происходит то, что М. Финли назвал редчайшим для древности феноменом, имевшим место лишь в греческих полисах и Риме, — включение крестьян как равноправных граждан в городскую гражданскую общину — феномен, определивший ход истории и культуру античного мира.

Теперь добыча за исключением сдававшихся в казну драгоценных металлов отдавалась солдатам (*Liv. IX. 31.5; 35.8; 36.11–13; 37.10*), захваченные в войнах пленные продавались с торгов: например, в 308 г. было продано 7 тыс. самнитов (*Liv. IX. 42.8*). Установление стипендии воинам, захват добычи и земли делали военные походы все более привлекательными. Так, по словам

²⁷ См., например: *Peppe L. Studi sull'esecuzione personale: Debiti e debitori nei due primi secoli della repubblica Romana. Milano, 1981. P. 186.*

²⁸ *Salmon E.T. The Making of Roman Italy. L., 1982. P. 3–22.*

Ливия, в 298 и 295 гг. вести войну с этрусками и самнитами хотели и *patres*, и плебеи (*Liv.* X. 11.3; 12.3; 24.18; 25.1). Земля раздавалась и вне колоний. Так, консул 258 и 256 гг. и диктатор Л. Метелл был также квиндецемвиром по наделению участками *agris dandis* из *ager publicus* (*Plin.* NH. VII. 45.1).

Как известно, римская крестьянская армия с честью выдержала и войну с Пирром, и тяжелейшую I Пуническую войну. В этот же период формируются в среде воинов и крестьян ценности, надолго ставшие основой римской культуры, и именно тогда приобретает особую роль власть цензоров. Прежде их функции сводились к оценке имущества и распределению граждан по цензовым классам. Теперь они надзирали за правовым статусом участков частной и общественной земли (*privatorum ius publicorumque locorum* — *Liv.* IV. 8.2) и за поведением граждан. Дионисий Галикарнасский с некоторым удивлением отмечал, что греки не контролируют домашнюю жизнь людей, римляне же контролируют, так как считают, что господа не должны слишком жестоко наказывать рабов, отцы обязаны хорошо воспитывать детей, дети — слушаться родителей, братья — не ссориться из-за имущества. Не должны люди устраивать слишком роскошные пиры, пренебрегать религией, нарушать свой долг в отношении полиса, а тем более "перенимать нравы царей" (*Dionys.* XX. 13.2—3).

Тогда же утверждается принцип верховной собственности и верховного контроля *civitas* над землей. Так, было запрещено дарить земли богам²⁹ и без приказа плебса частным лицам посвящать храмы, алтари и земли; земли дозволялось посвящать только взятые у врагов и только взявшим их главнокомандующим — "императорам" (*Cic. Pro domo suo.* 127—128; *Liv.* IX. 46.6—7). Тот же суверенитет *civitas* обуславливал долг каждого гражданина хорошо возделывать свой участок как часть общего земельного фонда и преумножать состояние своей фамилии как части общего богатства. К этому же времени в большинстве своем относятся ставшие хрестоматийными рассказы о презрении к богатству "императоров, ходивших за плугом", о каре за излишнюю роскошь. Так, дважды консул и диктатор Корнелий Руфин был изгнан из сената цензором Фабрицием Лусцином за то, что приобрел серебряные вазы весом в 10 фунтов, чем подавал пример роскоши (*Val. Max.* II. 9.4). Тот же Фабриций запретил полководцам иметь более одной чаши и одной солонки из серебра (*Plin.* NH. XXXIII. 54.3). Сам же Фабриций

²⁹ За исключением Юпитера Тарпейского, о чем упоминал Ульпиан (*Fr.* XXII. 6; ср. *Cic. De leg.* II. 23; 25).

"цензом был равен беднейшим" и, получив от самнитов, своих клиентов, 10 тыс. ассов, 5 фунтов серебра и 10 рабов, отослал все это обратно, и он же отказался от даров, предложенных ему Пирром (*Val. Max. IV. 3.6*). Плиний, не упускавший случая поставить своим современникам в пример "предков", писал, что те давали золотые гривны (*torques*) только союзникам и чужеземцам, гражданам же — только серебряные (*Plin. NH. XXXIII. 10.1*). Ряд сходных рассказов собран у Валерия Максима, который в конце концов выражает недоумение, как могло быть, что "внутри одного померия" 10 фунтов серебра вызывали ненависть цензоров и вместе с тем величайшим презрением пользовалась бедность — *inopia* (*II. 9.4*). Очевидно, он имел в виду исключение неимущих из войска и центуриатных комиций. Однако здесь нет противоречия: осуждалось чрезмерное богатство, нажитое скорее всего нечестно и позволявшее своему обладателю чваниться, выделять себя из числа сограждан. Но уважалось благосостояние, нажитое трудом на земле и доблестью на войне, позволявшее хорошо воспитать и обеспечить сыновей и дать приданое дочерям. Идеалом был, так сказать, крепкий, трудолюбивый хозяин; отрицательной фигурой был и нечестный, спесивый богач, и ленивый, не сумевший наладить хозяйство бедняк, бесполезный для сограждан. Характерно возмущение, вызванное попыткой цензора Аппия Клавдия Цека распределить отпущенников и бедняков (*humiles*) по всем трибам, вследствие чего *civitas* разделялась на "честный народ" и "шайку рыночной черни" (*factio forensis*), пока цензоры 304 г. Квинт Фабий и Публий Деций не соединили их всех в четыре городские трибы (*Liv. IX. 46.10–15*). Если раньше люди "с полей" были как бы второго сорта по сравнению с горожанами, то теперь сельские трибы ставятся неизмеримо выше городских, а земледелие признается самым почтенным занятием, угодным богам³⁰.

Видимо, в эти же столетия в связи с новым экономическим подъемом, распространением денег, превращением значительной массы "людей с полей" в самостоятельных землевладельцев и развитием рабства изменяется критерий статуса человека. Происхождение, связи все еще были значимы, но определяющим было уже не число *sodales* и клиентов, а размеры земельного участка и даваемый им доход. Сама же норма оккупации на *ager publicus* определялась уже не возможностью обработать данную площадь, а, во-первых, земельным максимумом и, во-вторых, возможностью эту

³⁰ Соответствующие аргументы наиболее полно приводит Плиний. См.: *Plin. NH. XVIII. 2.1–2; 3.1–5*.

землю в пределах максимума приобрести тем или иным способом. Любопытно, что когда капуанцы были наказаны за переход на сторону Ганнибала, тем из них, которые были переселены за Тибр — в области Вей, Сутрина, Непеты, — запрещалось иметь более 50 югеров (*Liv.* XXVI. 34.10). Следовательно, в то время такая площадь считалась небольшим имением³¹. Но все же главной основой *civitas* были крестьяне, так же как в культуре и религии основными были культы и празднества общин и крестьянских фамилий, ставших основной производственной и социальной ячейкой *civitas*. Можно полагать, что в это время формируется и вытесняет иные мифы "римский миф" и вместе с тем ненависть плебеев к *viu fortes* способствовала тому, что заглох культ героев, а утвердился культ Ларов (см. выше).

Сила и прочность римской *civitas* прошла проверку во II Пуническую войну. Уже начиная с битвы на Тицине и кончая Каннами стала ясна слабость римской конницы, терпевшей поражения от нумидийской, испанской и галльской конницы Ганнибала (*Liv.* XXI. 47.1; 48.5; 55.8; 57.5; XXII. 4.3; 6—7; 44.4). В римскую армию после понесенных поражений стали набирать без учета ценза крестьян—*rustici*, сходившихся в Рим из разных мест, разоренных войной. Так, в 212 г. сенат назначил триумвиров, которые должны были — одни "в пределах до 50-го камня"³², а другие за ним — выявить всех свободнорожденных в пагах, форумах и концилиабулах и достаточно сильных, хотя бы и не достигших 17 лет, включить в армию (*Liv.* XXV. 5.5—9). Тогда же консул Фульвий набрал в свое войско крестьян у города Бовиана (*Liv.* XXV. 13, 19). Из малоимущих крестьян состояли легковооруженные отряды, которые в 211 г. по инициативе центуриона Квинта Навия в сражении под Капуей были направлены против конницы врага; метательными копьями они подрезали ноги лошадей и добивали всадников, что принесло победу римлянам и почет Навию (*Liv.* XXVI. 4.4—10; *Val. Max.* II. 3.3). Нововведение повысило значение легковооруженной пехоты против конницы; так, в конном сражении подошедший к Риму Ганнибал был отогнан (*Liv.* XXVI. 10). Победы Рима были триумфом крестьянской пехоты; в равной степени возрастало значение в жизни Рима *rustici*,

³¹ По сообщению Ливия, когда в 214 г. до н.э. не хватало матросов для 150 судов, было предписано сдавать во флот рабов в количестве, зависевшем от ценза владельцев, причем больше всего матросов должны были поставить имевшие ценз в миллион ассов и выше, т.е. очень богатые, а также сенаторы — соответственно по 7 и по 8 человек (*Liv.* XXIV. 11.5—9).

³² 50 тыс. шагов (мильные камни).

независимо от их ценза. Растущий по мере военных побед *ager publicus* стал сдаваться в аренду бедноте, были выведены новые колонии, чтобы плебс вернулся на землю. Гражданские колонисты получали небольшие наделы: например, в Парме по 8 югеров, в Мутине — по 5 (XXXIX. 55.7), в Потенции и Пизавре — по 6 (XXXIX. 44.10), в Грависках — по 5 (XL. 29), в Сатурнии — по 10 (XXXIX. 55.9).

В 201–200 гг. сенат принял решение о наделении земель ветеранов Публия Корнелия Сципиона, для чего была создана комиссия децемвиров для измерения и раздела *ager publicus* в Самнии и Апулии (по два югера за каждый год войны — (*Liv.* XXXI. 4.1–3). В 197 г. было основано пять новых колоний (*Liv.* XXXII. 29.3–4). В армию для войны с македонским царем Персеем охотно записывались, так как видели, как разбогатели легионеры, воевавшие в I Македонскую войну и против сирийского царя Антиоха IV (XLII. 32.6). В 193 г. в колонии в Вибоне 3700 пехотинцев получили наделы по 50 югеров, а 300 всадников — вдвое больше (XXXV. 40.5–6). В колонии в Бононии всадники получили по 70, остальные по 50 югеров (XXXVII. 57.7–8). Одновременно утверждается обычай помимо добычи раздавать солдатам более или менее значительные суммы по случаю триумфов и овации полководцев. Так, во время триумфа Сципиона в 201 г. воины получили по 400 ассов (XXX. 45.3), в ходе овации за победы в Испании в 200 г. — по 120 ассов (XXXI. 20.7); в 197 г. по случаю победы над галлами пехотинцам досталось по 70, всадникам и центурионам — по 140 ассов (XXXIII. 23.7), а в следующем году за победы над инсубрами соответственно по 80 и 240 ассов (XXXIII. 37.12). В 191 г. во время триумфа по случаю разгрома боев солдатам было выдано по 125 ассов, а центурионам и всадникам — соответственно вдвое и втрое больше (XXXVI. 40.13). Тит Квинций Фламинин в свой триумф роздал солдатам по 250, центурионам по 500, всадникам по 750 ассов (XXXIV. 52.11); и т.д.³³ Вследствие возросшей за время войны зажиточности неоднократно судили нарушавших законы ростовщиков (XXXV. 41.9–10; XXXV. 7.2–5). Все это повышало привлекательность военной службы, которая, судя по всему давала возможность хорошо наладить хозяйство.

В 186 г. 40 тыс. умиротворенных лигуров были переселены с гор на *ager publicus* в Самний в область Таврасии. Они получили участки земли и 150 тыс. фунтов серебра на обустройство хозяйством

³³ Brunt P.A. *Italian Manpower 225 BC – AD 14*. Oxford, 1971. P. 394; Nicolet C. *Le métier de citoyen dans la Rome républicaine*. 2 éd. P., 1976. P. 163 et suiv.

(XL. 38). По тогдашней норме это составляло 270 денариев, или 2700 ассов, или 1080 сестерциев³⁴ на главу семьи. Иными словами, на такую сумму можно было наладить хозяйство на полученном участке. Если подсчитать раздачи по случаю триумфов за 20 лет (нормальный срок службы солдата), то на пехотинца приходилось 2134 асса, вдвое больше на центуриона и втрое — на всадника³⁵. Конечно, не все солдаты участвовали во всех триумфах, но следует учитывать стипендии и добычу, в которую иногда могли входить и драгоценные металлы (так, Катон во время своего командования в Испании говорил, что пусть лучше многие, т.е. солдаты, принесут домой серебро, чем немногие, т.е. командиры из знати — золото). Таким образом, ветеран за время службы набирал достаточно средств, чтобы наладить крестьянское хозяйство. Даже небольшой пресс для оливок, по данным Катона стойивший в Помпеях и Ноле 180 сестерциев (плюс еще 30 за установку — *De agr.* 22.4; ср. 135.2), был вполне доступен. К сожалению, трудно определить цены на орудия труда и скот. Некогда бык при взимании штрафа считался за 100, овца — за 10 ассов, но их стоимость в III—II вв. неизвестна. Однако и инвентарь, и скот могли быть взяты с добычей; мог быть захвачен или куплен при распродаже также раб или рабыня. В мелких хозяйствах с рабом "марципором" или "люципором"³⁶, с которым вместе работали хозяева, отношения были патриархальные, рабы участвовали в культе фамильных и компитальных Ларов, в общих праздниках соседей — *ragani* на перекрестках в честь сельских богов.

Крестьянство, видимо, значительно расслаивалось. Судя по тому, что в 169 г. было предложено включить отпущенников, за исключением имевших сельский участок не менее 30 югеров³⁷ (*Liv.* XLV. 15.1—2), в городские трибы, предполагалось, что владевший таким наделом человек достаточно благонадежен в отличие от бедных отпущенников, сливавшихся с "городской чернью". Вероятно, надел в 30 югеров был минимумом для зажиточного, "крепкого хозяина".

³⁴ Согласно Плинию, во II Пуническую войну серебряный денарий был равен 16 ассам и 4 сестерциям, но при выплате солдатам денарий по-прежнему считался за 10 ассов (*Plin. NH.* XXXIII. 13.4 [45]), так что в сделках с частными лицами солдат выигрывал.

³⁵ В IV в. до н.э. солдат мог получить из добычи две туники и одного быка (*Liv.* VII. 37.2; ср. X. 30.10), отсюда видно, как возросли впоследствии возможности римского крестьянина-солдата.

³⁶ Т.е. раб — "отрок" Марция или Луция.

³⁷ В тексте Ливия, к сожалению, испорченном именно в этом месте, говорится буквально о сельских имениях стоимостью 30 тыс. сестерциев и выше: *qui praedium praediaque rustica plurius sestertium XXX milium haberent* (*Примеч. отв. ред.*).

Крестьяне, до этого минимума не дотягивавшие, помимо службы в армии могли подработать у подрядчиков строительных работ, на разных работах в городах, особенно в Риме, куда, как сообщает Ливий, постоянно перебирались люди из мелких поселений. По сведениям Катона, крестьяне, жившие по соседству с виллой, находили там заработок в качестве политоров, поденщиков, подрядчиков, бравших на себя уборку маслин, винограда и т.п.

Трудно сказать, какой доход могли получить крестьяне со своих участков, продавая свою продукцию. Ливий и Плиний писали о необычайной дешевизне продуктов "при предках". Зерно стоило 4 асса за модий (8,5 литра) (*Liv.* XXXI. 4.6), а некоторые народные трибуны раздавали зерно по ассу за модий, за что народ ставил им статуи (*Plin.* NH. XVIII. 4.1–2). В 149 г. по ассу стоили: модий зерна и конгий вина (3,28 литра), 30 фунтов (фунт = 327,5 г) сушеных фиг, 10 фунтов масла и 12 фунтов мяса (*Ibid.*). Даже если эти авторы преувеличивают, все же, вероятно, продукты были дешевы. Торговцев зерном — фрументариев судили, если они придерживали зерно, чтобы продать дороже. Возможно, выгоду могла дать продажа фруктов — смокв, груш, яблок, орехов разных сортов, упоминаемых Катонем. Судя по названиям, среди них были и завезенные в Италию новые сорта, и сорта, названные по имени людей, например, апициев виноград, квириниевы яблоки, лицинианские и сергианские маслины и т.п. (*De agr.* 6.1–2; 7.1; 3). Не исключено, эти сорта вывели те или иные земледельцы и могли их продавать подороже как новинку. Луцилий, например, упоминает ранние фиги, дающие хороший доход (*Lucil.* V. 14. [198]). Остальные же культуры вряд ли могли обогатить крестьянина. Отсюда и стремление поправить свое состояние войной. Так, Ливий пишет, что приток добровольцев в войско, собиравшееся на войну с Персеем, был столь велик, что даже заслуженные ветераны-центурионы вынуждены были умолять, чтобы их не назначали на более низкие, чем прежде, места (*inferiores ordines* — *Liv.* XLII. 32.6–8; 33.1–3).

Вместе с тем сенат под влиянием единомышленников Катона, стремившихся сохранить крестьянство, кроме колонизации принимал и другие меры. В первую очередь он старался сберечь от незаконных захватов *ager publicus*, без пользования которым (пастбищами, лугами, лесами, водами) мелкое хозяйство на 5–10 югерах существовать не могло. Правда, нуждаясь в деньгах, сенат через посредство квесторов продавал часть *ager publicus* участками в 50 югеров. Но самовольные захваты карались. Катон, будучи цензором, вернул в общественную собственность захваченные частными лицами для

своих домов и полей источники воды, разрушал частные здания, построенные на общественных участках (*Liv. XXXIX. 44.4*). В 173 г. сенат поручил консулу Луцию Постумию в Кампании отгородить *ager publicus* от частных земель и отобрать захваченные частными лицами земли на *ager publicus* (*ad agrum publicum a privato terminandum* — *XLII. 1.6*), а на следующий год народный трибун Марк Лукреций предложил сдать часть кампанской земли небольшими долями в пользование (*ut agrum Campanum censores fruendum locarent*), дабы пустующие земли не возбуждали жадность частных лиц (*XLII. 19.1–2*). Сохранились и надписи о восстановлении *ager publicus*, например, от начала II в. до н.э. надпись из Остии: городской претор сообщал, что по постановлению сената "эту землю присудил как общественную и отгородил от частной, простирающейся до Тибра" (*CIL. I. 2516*).

Для защиты владельцев от захвата их участков в III–II вв. издается ряд преторских интердиктов об удержании и восстановлении владения в пользу посессоров (интердикты *de vi, uti possidetis, utrobi*). Тогда же вводятся новые сервитуты, обеспечивавшие мелким владельцам право проезда, прохода, прогона скота через чужую землю, проведения и забора воды на "служащем" участке. Видимо, не поощрялось образование слишком больших имений. Так, например, некоему македонянину Онесиму за услуги, оказанные Эмилию Павлу в войне с Персеем, сенат дал из *ager publicus* в районе Тарента 200 югеров (*Liv. XLIV. 16.4–7*), тогда как ранее в Сицилии сиракузянин Сосис и испанец Мерик, способствовавшие победе Марцелла над карфагенянами, получили по 500 югеров (*XXVI. 21.9–13*).

Направленные на сохранение известного равенства граждан меры имели целью воспроизводство "великой производительной силы" гражданской общины, и в них опять-таки неразрывно сочетались экономические, политические и идеологические моменты. В этом плане должны были действовать законы против роскоши — *leges sumptuariae*, издававшиеся с конца III в. до н.э. до правления императора Августа. По сообщению Авла Геллия, они показывали, что "у древних" бережливость и скромность была делом не домашним, а общественным (*Aul. Gell. II. 24.1*). Первый закон, внесенный Орхией в цензорство Катона, ограничивал число пиров и гостей. В 161 г. был принят более строгий Фанниев закон, ограничивший сотней ассов расходы на пиры в праздники и 10 ассами в обычные дни, а число гостей — тремя—пятью. Через 18 лет закон Дидия распространил действие закона Фанния на всю Италию и привлекал к ответственности не только устроителей пира, но и

гостей. Следующий закон Лициния Красса позволял в дни календ, нон и нундин тратить на еду 30 ассов, в остальные же дни потреблять не более 3 фунтов сухого и копченого и 1 фунта соленого мяса, количество же плодов земли и деревьев не регламентировалось (*Macrob. Sat. I. 17.4–9*). По Авлу Геллию, сенатусконсулт, принятый в консульство Гая Фанния и Валерия Мессалы (т.е. в 161 г., чуть ранее закона Фанния), требовал, чтобы первые лица в городе (*principes civitatis*) клялись перед консулами не тратить во время Мегалезийских игр, когда они угощали друг друга обедами, более 120 ассов за один обед, не считая овощей, хлеба и вина, а вино употреблять не привозное, а отечественное (*Aul. Gell. II. 24.2*). Плиний, ссылаясь на Кассия Гемину, писал о законе, запрещавшем использовать рыбу без чешуи для жертвенных трапез, установленном якобы Нумой, с тем чтобы снизить цены на рыбу для частных и общественных трапез (*Plin. NH. XXXII. 10.1*). Закон Фанния старались обойти; нарушителей обличал в своих сатирах Луцилий (XIII. 1–6. [438–444]; ср. *Aul. Gell. II. 24.4*); Афиней собрал сведения о знатных людях (Элий Туберон, Рутилий Руф, Муций Сцевола), покупавших рыбу и птицу по дешевке у зависевших от них людей, чтобы обойти этот закон (*Athen. VI. 274*). Расходы на копчености и соленья, возможно, были связаны также со значительным импортом — Варрон упоминал о привозившейся из Галлии в Рим комацианской и каварской ветчине и грудинке, а также цитировал Катона, писавшего, что ежегодно инсубры (в Транспаданской Галлии) заготавливают по 3–4 тыс. кусков копченого мяса и сала (*Varro. RR. II. 4.10–11*). Здесь могла действовать та же протекционистская система, что и в известном упоминаемом Цицероном ограничении галльских виноградников и оливковых садов в пользу италийских (*De ger. III. 9.16*). Авторы законов о роскоши могли, помимо прочих соображений, помогать обеспечивать сбыт более дешевым местным продуктам из крестьянских хозяйств; из них же могли поступать и "плоды земли и деревьев", потребление которых вообще не ограничивалось. Как раз в эти века торговля в Риме быстро развивается, строятся новые таберны на Форуме, оборудуется особый рыбный рынок. Варрон писал, что рыбные садки с пресной водой для дешевых простых рыб устраивают плебеи и получают от них известный доход (*Varro. RR. III. 17*). Их торговые интересы ограничения расходов на рыбу особенно задеть не могли, так же как и на мясо, поскольку и сами крестьяне ели мясо только во время жертвоприношений свиней Церере, "богу или богине" во искупление порубки дерева в роще и принесения жертвы Марсу-Сильвану за быков, которая готовилась

из муки, жира и мяса (*Cato. De agr.* 83; 134; 139–140). Вообще же, судя по приводимым Катонем рецептам различных блюд, очевидно, взятых из крестьянского быта, они включали ячменную и пшеничную крупу, овечий сыр, молоко, мед (74; 84–88), но не мясо, хотя Катон и дает советы по откорму кур, гусей и голубей (89–90). Законы против роскоши могли задеть интересы импортеров галльских копченостей и греческого вина, возможно, скотоводов, но не мелких и средних possessоров, продававших дешевую рыбу и "плоды земли".

Неизвестно, какой в то время мог получить доход крестьянин от продажи своих продуктов, но вряд ли он был велик. Подзаработать он мог скорее на всяких работах у владельцев villas (136; 154–155). Катон говорит об условиях продажи на корню всего урожая винограда и маслин. Может быть, такие скупщики покупали продукцию и у крестьян, чтобы перепродать на городском рынке. Катон упоминает и издольную аренду стад овец: арендатор с каждой овцы давал владельцу 1 1/2 фунта сухого сыра, половину надоенного молока; ягненок, проживший сутки, шел в доход — *in fructum* — арендатора; оговаривалась продажа молока (кстати сказать, молоко и сыр в законах о роскоши не упоминались), шерсти, откорм свиней, по одной на 10 овец (*De agr.* 150). Видимо, здесь имеется в виду сравнительно крупный предприниматель; занимались ли такой арендой крестьяне, сказать трудно, но какое-то количество овец, коз и свиней, вероятно, имелось в каждом хозяйстве. Необходима была и хотя бы одна упряжка быков. Плиний считал, что такая упряжка за год обрабатывала 30 югеров, т.е. надел "крепкого хозяина". Мелкие possessоры могли арендовать упряжку быков или владеть ею совместно с соседями. Для прокорма мелкого скота и быков³⁸ крестьянину были необходимы общественные угодья. Иногда несколько соседей покупали или получали в надел общее пастбище — *ager compascuus*, но особенно большое значение имел *ager publicus* как "римского народа", так и различных городских и сельских общин. Свои общие земли паги имели еще во II в. до н.э. даже на территории самого Рима (например, на Эсквилине располагались земли пага, которыми совместно распоряжались *pagani* и их магистры — *CIL. I. 591*).

В разных местах Италии надписи на латинском и местных языках упоминали села, совместно приносившие дары богам, например,

³⁸ По Катону, на прокорм упряжки быков в год требовалось 120 модиев лупина или 240 модиев желудей, 580 фунтов сена, 90 модиев бобов, 30 модиев вики, а также трава и листья в лесу и на пастбищах (*De agr.* 60).

vicus Anninus, vicus Petinus, vicus Fistaniensis, vicus Supinas, причем в последнем уже появляются магистры-квесторы³⁹. На территории вестинов во II в. до н.э. магистры осуществили какую-то постройку "по решению села" (CIL. I. 1806); в районе Маррувия "по решению села" (de vici sententia) был сооружен амфитеатр (АЕ. 1974. № 323). О пагах дают некоторое представление надписи с территории Капуи, за союз с Ганнибалом лишенной статуса города и разделенной на паги. Паги владели общим имуществом, которым распоряжалось собрание *pagani*, и выбирали магистров. В других частях Италии паги были исконными образованиями. По пагам набирали рекрутов, выборные магистры пагов отвечали за состояние дорог на их территории, за привлечение *pagani* к общественным повинностям. Ко II в. до н.э. относится несколько надписей пагов на территории вестинов (АЕ. 1968. № 148—156); упоминаются эдилы пага, совместная постройка десятью пагами храма Юпитеру Виктору как *Compagei*. О союзе пагов идет речь и в надписи с территории Капуи (CIL. I. 571). На землях пага были и частные владения. Так, магистры пага приобрели частный участок для статуи Диоскуров (CIL. I. 569). Имели паги свой регулирующий их жизнь устав — *lex* (CIL. I. 571). Паги могли брать плату за проезд по их земле (CIL. I. 8820). Насколько естественной организацией земледельцев был паг, видно из практики селить по пагам римских граждан на месте будущей колонии. Так, в Помпеях *pagus Felix* был первоначально населен немногими римскими гражданами, помещенными туда Суллой при подготовке к основанию там колонии⁴⁰.

Некоторое представление о соотношении городских и сельских общин во II в. до н.э. дает известная "Сентенция Минуциев" от 117 г. до н.э. (CIL. I. 199), блестяще проанализированная Э. Серени⁴¹. "Сентенция" улаживала пограничные споры и регулировала аграрные порядки города Геновы и зависевших от него соседних общин-кастеллей. Из нее мы узнаем, что в кастелле Витуриев Лангетов имелась частная, не подлежащая обложению (*vectigal*) земля, которую можно было продавать и завещать; за пользование общественными землями ежегодно в казну Геновы вносилось по 400 викториатов или 1/20 урожая зерна и 1/6 вина. Владельцем земли в кастелле можно было стать лишь по решению большей части лангетов с тем, чтобы к обработке земли не допускался никто, кто не был бы лингетом или генуатом; за нарушение этого условия земля

³⁹ Letta C., D'Amato S. Epigrafia della regione dei Marsi. Milano, 1975. P. 193—204.

⁴⁰ Gatti C. Sull'ordinamento di Pompei // Atti. 1974/1975. Vol. VI. P. 177 sg.

Впоследствии известны паги римских граждан в Цирте, паг ветеранов в Далмации.

⁴¹ Sereni E. Comunità rurali nell'Italia antica. Roma, 1955.

отбиралась. На общих пастбищах — *compassium* — лангеты и генуаты могли пасти скот, брать там дрова и строительный лес. На земле, которой владели лангеты и еще четыре кастелла, против их воли никто не мог косить луга и пасти скот. Они из общей земли могли взять другие луга, но не большие, чем те, которыми они пользовались в предыдущий год. Таким образом, общины, кастеллы, соответствующие пагам в других местностях, имели и частные земли, и общинные пастбища и леса, принадлежавшие как данному кастеллу, так и нескольким соседним общинам, причем пользоваться ими могли и граждане городского центра. Леса находились под особой защитой, отчасти как посвященные богам, отчасти как общая собственность, необходимая, для крестьян, собиравших там корм для скота, строительный материал и т.п. Надписи III в. до н.э. из района Сполето и Апулии (CIL. I. 360; 401) говорят о запрещении вывозить что-либо относящееся к роще; также нельзя было ничего в ней вырубать за исключением дней ежегодных священнодействий, когда дозволялось срубить то, что необходимо для их отправления; за нарушение закона виновный должен был дать Юпитеру быка и 300 ассов штрафа. Катон по древним крестьянским обычаям предписывал искупительные жертвы за порубку дерева в роще и расчистку леса. Впоследствии агрименсоры оговаривали, что при основании колоний и межевании земли рощи должны сохранять свой прежний статус.

Традиции и институты крестьянских общин определяли и ряд черт жизни городского плебса. По аналогии с сельскими компиталиями в Риме коллегиями, включавшими рабов и свободных, справлялись праздники в честь Ларов кварталов, также именовавшихся *visi*, и это был самый демократический праздник, тоже связывавшийся с именем Сервия Туллия. И вообще римляне того времени не мыслили себе людей, не включенных в какой-то коллектив со своим культом и подобием общины. Для рабов и свободных, оторвавшихся от своих фамилий и соседств, в городах создавались коллегии с выборными магистрами и министрами, общей казной, общими культовыми трапезами, совместными посвящениями богам.

И боги, наиболее популярные среди городского плебса, были в общем те же, что почитались крестьянами. В городе также отмечались ноны, календы, иды, связанные с фазами Луны, так почитавшейся Сервием Туллем. Как в крестьянском быту, фазы Луны учитывались при исполнении ряда работ (*Plin. NH. XVIII. 75.1—2*), а крестьянки возносили небу мольбы в новолуние (*Pseudo-Acron. Carm. 23.2*). С "лунными днями" были связаны разные

поверья и приметы (*Varro. RR. I. 37*). Возможно, иногда Луна как-то сближалась с Юноной, носившей эпитет *Calendaria*, — ей были посвящены календы, первый день новой луны, и в этот день к Юноне обращались — *Covella* или *Novella*, как и к новой Луне (*Macrob. Sat. I. 15.18*). В одном случае Варрон называет луну Яна как паредру Януса, бога всякого начала, а в архаической мифологии — бога времени и творца мира. Высказывалось предположение и о сохранении в крестьянской религии древнего, в среде горожан утратившего популярность и вытесненного Юпитером культа *Sol Indiges*⁴². (Вообще, видимо, в крестьянской среде сохранились более ранние представления о богах, например, о Марсе как хранителе разного типа общин с многими функциями, что позволило отождествить с Марсом сходных богов западных провинций.) Независимо от усвоенной впоследствии астрономии египтян, вавилонян и греков римские земледельцы наблюдали за звездами и созвездиями, внешний вид, восход и заход которых определял начало и окончание разных сельскохозяйственных работ, прогнозы погоды (они делались также на основании направления ветров, поведения животных, птиц, насекомых, а также звуков, слышимых в горах, лесу, на море — *Plin. NH. XVIII. 68.6; 69.5–7; 75–90*). В соответствии с такими наблюдениями над небесными светилами давали расписание работ и римские агрономы. Плиний, считавший наблюдения "предков" не уступавшими современным ему, основанным на расчетах, писал о созвездиях, по его словам, именно для крестьян (*NH. XVIII. 5.2*). Он же, разделяя недоверие Катона к греческим врачам, давал вслед за ним различные рецепты для лечения болезней животных и людей, основанные на наблюдениях "неученых крестьян, живущих среди трав" (*NH. XXV. 6.1; XXIX. 7.1; 8.2*). Хотя обычно нам представляется, будто мировоззрение "Филэлинов" стало господствующим в римском обществе II в., можно полагать, что оно было присуще лишь весьма тонкому верхнему социальному слою. Основная же масса римлян жила представлениями, основанными на вековом опыте крестьян, идеология которых определяла и идеологию всех граждан *civitas*.

⁴² Koch C. Gestirnverehrung im alten Italien. Frankfurt a. M., 1933.

КРИЗИС КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ

Одна из важнейших проблем истории римского крестьянства — причины, приведшие гражданскую общину к кризису и роль крестьянства в ее трансформации. Об общих причинах кризиса писали и спорили во все времена, начиная с самих римлян. Соответственно разные оценки давались и даются отдельным этапам его развития, а также удельному весу в них разных социальных слоев. Важен вопрос, насколько соответствует действительности выдвинутая еще Тиберием Гракхом версия об обеднении крестьян во второй половине II в. до н.э. и каково значение этого факта для дальнейших событий.

На положение крестьян могли действовать общие моменты, определявшиеся античными авторами как "порча нравов" — развитие денежного хозяйства и быстрое имущественное расслоение, погоня за богатством, захват земли и целый ряд других. Более конкретно можно отметить прекращение выведения колоний примерно со 170 г., уменьшение площади *ager publicus* в связи с частичной сдачей его в аренду (так появились *agri vectigales*) и развитием крупного скотоводства, которое требовало больших площадей под летние и зимние пастбища, что вело к захвату *ager publicus* несмотря на штрафы, налагавшиеся на виновных скотоводов¹, а также различные интердикты и другие меры. Могло сыграть роль и уменьшение добычи и раздач солдатам, поскольку экспедиции против Карфагена и Коринфа были кратковременными, а войны в центральных и западных районах Испании — крайне тяжелыми и изнурительными и добычи почти не давали. Идти воевать в Испанию солдаты не хотели и, по-видимому, дезертировали и даже создавали там разбойничьи отряды, нападавшие на римские части (*App. Iber. XIII. 68*). Без притока средств хозяйство крестьян хирело.

О разорении крестьян ко времени Гракхов писали все авторы. Но в противоречие с ними приходят данные археологии, которые свидетельствуют, что во II в. до н.э. крестьянские "фермы" были многочисленными в Лации, Этрурии и Кампании; известное сокращение их числа заметно лишь в Апулии и Бруттии. В районе Вей во II—I вв. до н.э. растет число вилл, но они составляли лишь 10% обнаруженных жилищ, остальные же — это мелкие "фермы"

¹ Может быть, именно к этому времени относится упоминавшийся выше фрагмент из "Анналов" Кассия Гемини об изгнании плебеев с *ager publicus* из-за их слабости, поскольку, видимо, Гемини наибольшее внимание уделял событиям именно II в. до н.э.

крестьян или колоннов. В районе Капены, где были поселены ветераны, опять-таки преобладали маленькие "фермы"; только в 10% домов были найдены мозаики, следы оливководства, виноградарства и птицеводства. На юге Этрурии и на севере Лация не было разрыва между разными периодами, но и там в последние века Республики преобладали домики крестьян. На территории этрусского города Козы были раскопаны 12 крупных villas — центров имений по 500 югеров с несколькими десятками рабов, производством разных культур, но они, возможно, относились к первым векам Империи, и притом там тоже найдены маленькие "фермы". Были на территории Козы и деревни, и зоны пастбищ, но преобладали небольшие виллы и "фермы". Так же, как и в Лации, где крупные имения появляются в период Империи, во II—I вв. до н.э. заметна концентрация населения в Кампании. Некоторые виллы там были очень роскошны, но преобладали виллы типа имения Катона. Густо заселенной выглядела Апулия, покрытая средними и мелкими виллами со многими культурами. Небольшие хутора и деревни преобладали в Калабрии, много мелких жилищ раскопано и в Лукании.

В общем, даже при распространении villas сохранялось мелкое землевладение. Отмечается также преобладание больших имений на побережье, тогда как в глубине доминировали мелкие "фермы". А к примеру, в южной Этрурии, где Тиберий Гракх якобы наблюдал вытеснение крестьян крупными собственниками-рабовладельцами, раскопано много крестьянских домов². К. Николе предполагает, что античные авторы преувеличивали разорение крестьянства; оно сохранялось, но отступало на задний план по сравнению с владельцами немногих villas в разных районах Италии; в раскопанных домиках могли жить зависимые от владельцев villas колонны, политоры, батраки, поденщики и т.д.³ Должно быть, соображение это справедливо, но, возможно, следует учесть и то, что в оценке Гракхов и их деятельности греческие и латинские авторы значительно расходятся.

Аппиан и особенно Плутарх оценивают деятельность братьев Гракхов высоко, осуждают их противников и убийц и подчеркивают преданность народа их памяти. Диодор Сицилийский говорит о Тиберии Гракхе как о стойком и неподкупном борце за права народа (XXXIV. 6). Напротив, хорошо известно отрицательное отношение к Гракхам Цицерона, закономерно вытекающее из его общих

² Green K. The Archaeology of the Roman Economy. L., 1986. P. 67, 89, 103—109.

³ Nicolet C. Rendre à Cesar: Economie et société dans la Rome antique. P., 1988. P. 67 et suiv.

политических концепций. Но Гракхов осуждают и римские авторы, которые не были сторонниками оптиматов. Так, Валерий Максим, поклонник умеренности "предков" и враг роскоши богачей, рисует Гракхов мрачными красками. Тиберий у него готовил мятеж, презрев предвещавшие его гибель знамения (*Val. Max. I. 7.6*); он щедротами привлек любовь народа, держал Республику в угнетении и открыто призывал к устранению сената, чтобы все решал плебс. Против него за Сципионом Назикой пошли все добропорядочные граждане, и Гракх со своей злодейской шайкой (*cum scelerata factione*) заплатил, что должно, за свою вину (*Ibid. III. 2.17*). Тиберия Гракха, пишет Валерий Максим, справедливо считают врагом родины, так как свою власть (*potentiam*) он предпочел ее благополучию (*IV.7.1*); и по справедливости Гракхи были лишены погребения, а их близкие казнены, чтобы никто более не пожелал быть другом врагов Республики (*VI. 3.1d*). Сенат поступил мудро, продолжаят он, наказав смертью Тиберия Гракха, уничтожив причину и инициатора серьезнейшего мятежа (*VII. 2.6*).

Флор пишет, что хотя внешне могло казаться справедливым предложение Гракхов вернуть плебсу принадлежащую ему землю, но на деле их действия губили Республику, так как нельзя было возратить плебсам землю, не разорвав владеющую ею часть народа; подняв мятеж плебеев, Гракхи действовали противозаконно, превысили всякую меру и были убиты (*Flor. II. 3.13—15*). Квинтилиан, тоже противник современных ему латифундистов и сторонник боровшегося с ними Домициана, считал убийство Гракхов справедливым, как и убийство Спурия Мелия, вносившего аграрные законы, чтобы стать царем (*Quintil. II. 16.5; 7; 16.6; 13.24*). Реформы Гракхов он называет такими же ненавистными, как законы Клодия и "создавший нечто гибельное" основатель иудейского суеверия (*II. 4.37; III. 7.20—21*)⁴. Все популяры, заключает он, неизменно стремились к царской власти (*IV. 9.13*). Плиний, также почитатель умеренности предков и враг латифундий, осуждал Гракхов за то, что они призывали плебс к мятежу для оскорбления сената (*Plin. NH. XIII. 6.3; XXXIII. 8.3*). Любопытно и отношение к Гракхам такого врага нобилитета, как Саллюстий. Обрисовав тяжелое положение плебса, злодейства нобилей, он признает, что Гракхи начали освобождать плебс (*vindicare plebem in libertatem*), но не обладали должной умеренностью и хотели дурным способом победить несправедливость (*malò*

⁴ Очевидно, имеется в виду Иисус, поскольку в те времена христиан еще нечетко отличали от иудеев.

more iniuriam vincere), что привело к большому злу для граждан, так как стали одерживать верх то одни, то другие, и победители жестоко мстили побежденным (*Sall. Bell. Iug.* 42.1—4; 31.6—8). Оправдывая цели Гракхов, он осуждает их средства.

Видимо, в отношении к Гракхам проявлялась сказывавшаяся и в других случаях разница в оценке тех или иных событий и лиц между греческой и римской историографией⁵. Гракхи, которых Плутарх сопоставляет с Агисом и Клеоменом, подчеркивает дружбу Тиберия с Блоссием и Диофантом, для греков были борцами за демократию, за народ, погибшими от рук корыстолюбивых аристократов, некогда губивших и защитников демоса в Греции. В соответствии с этим в самых мрачных красках на основании речей Гракхов обрисовывается положение сельского плебса, требовавшего, как и греческий демос, передела земли и сложения долгов. Для римских же авторов Гракхи были первым делом бунтовщиками, действовавшими противозаконно и потому независимо от их целей заслуживавшими осуждения.

Вообще, в аграрном законе Тиберия Гракха не было ничего принципиально нового. Изъятие незаконно захваченного *ager publicus*, подушное наделение участками бедняков, наказание превысивших земельный максимум, — все это практиковалось и раньше. Не нова была мысль о связи состояния армии с положением земледельцев и о необходимости иметь крепкую армию для новых завоеваний⁶. Важно, что аграрный закон предполагал давать крестьянам по 30 югеров — наделы "крепкого хозяина", а оккупированные земли, не превосходившие нормы, сделать частной собственностью, не подлежащей уже переделу. И то и другое отвечало экономическим условиям времени, когда прогресс хозяйства, внедрение новых многолетних культур требовал значительных затрат на усовершенствование хозяйства и гарантированности прав собственности на землю, без которых такие затраты становились рискованными. Крестьянский надел в 30 югеров также предоставлял

⁵ Например, в оценке Александра Македонского; в отношении к рабству как справедливому или несправедливому институту и "по природе", к демократии в ее греческом понимании и т.д.

⁶ Гракхам посвящена огромная литература. Ее краткий, но ясный обзор дан в сб.: *L'agricoltura romana: Guida storica e critica / A cura di L. Capogrossi Colognesi*. Roma, 1982. В основном полемика идет вокруг места аграрного закона в политике Гая Гракха и о данных, позволяющих судить о состоянии крупного и мелкого землевладения. Необъясненным остается свидетельство Сикула Флакка о том, что Гракх запрещал иметь более 200 югеров, так как по обычаю нельзя было иметь землю большую, чем можно обработать самому. Но далее Флакк упоминает земли для оккупации (*agri occupati*), отобранные у врагов, где можно было занимать и площадь впрок, для обработки в будущем (8.136—137).

большие возможности для усовершенствования земледелия, чем мелкие наделы в 5—7 югеров.

С одной стороны, по мере развития экономики и разделения труда появляется все больше лиц, не связанных с сельским хозяйством — специализированные и высококвалифицированные ремесленники, актеры, интеллигенция, служащие при разных общественных учреждениях и т.п. Растет общий уровень жизни и рынок сбыта сельскохозяйственной продукции, спрос на все более изысканные сорта зерна, овощей, фруктов, мяса, птицы и рыбы. С другой, — владелец земли для удовлетворения такого спроса должен приобретать инвентарь у квалифицированного городского ремесленника, как и другие ремесленные изделия (например, грубую одежду, изготовлявшуюся для рабов и крестьян). Соответственно росли цены и на ремесленные, и на сельскохозяйственные продукты. Такие процессы известны во многих доиндустриальных обществах. Мелкое крестьянство, производство которого было рассчитано на натуральное хозяйство, не могло сразу приспособиться к новым условиям, беднело, жило плохо. Крупные собственники, становясь монополистами, могли взвинчивать цены на городских рынках, что ущемляло интересы покупателей, подрывало возможности развития экономики города. Выходом было именно то, что предлагали Гракхи: создание многочисленных земледельческих и скотоводческих хозяйств, выражаясь нашим языком, типа фермерских, т.е. достаточно крупных, чтобы работать на рынок и приобретать на рынке все нужное для усовершенствования сельскохозяйственного производства.

Обычно считается, что аграрная комиссия успела наделить землей 50—75 тыс. глав фамилий. В *liber coloniatum*, включенной в сочинения агрименсоров, межевые камни Гракхов упомянуты на территории Аускула, Грумента, Консентии, Тарента, Абеллина, Афины, Калеса, Суэссы, Аврунков, Велитр, Анконы, Комсина, Эклана. Список, конечно, неполный, так как ко времени его составления многие камни исчезли, а земли были снова переделены и т.д. Все же участки явно давались в старых, издавна колонизованных местах. Единомышленники Гракхов из оптиматов считали нужным поддержать крестьянство не только по соображениям политическим и военным, но и потому что владельцы villae нуждались в дополнительной рабочей силе, вербовавшейся из соседних крестьянских хозяйств⁷. Впоследствии и Варрон подчеркивал выгоды от близости к вилле не только города (*orpidum*),

⁷ Capogrossi Colognesi L. Introduzione // L'agricoltura romana... P. XXXIII.

но и села, соседской общины (*vicinia*), где можно нанять работников и ремесленников, продать лишнее и купить нужное (*Varro. RR. I. 16*). Для сохранения же крестьянского хозяйства надо было сохранить общественную землю. Из аграрного закона 111 г. до н.э. известно, что какая-то часть *ager publicus* была изъята Гракхами из раздела; в том же законе упоминаются общественные земли в городах (*oppida*) и селах; из *ager publicus*, предназначенного для пастбы установленного числа голов скота для всех желающих без уплаты *scriptura*, запрещалось выделять участок для оккупации и *comrasua*, т.е. пастбища для нескольких соседей, где каждый из совладельцев мог пасти 10 голов скота. Аппиан говорит о законе Спурия Тория (возможно, совпадающем с законом 111 г., известным нам из надписи, а возможно — с упомянутым в этой надписи, но ближе неизвестным законом предыдущего года), прекратившем оккупацию *ager publicus* (*App. BC. I. 4.27*).

Закон 111 г. в литературе часто рассматривается как победа оптиматов, сторонников превращения всей земли в частную. Но, напротив, его целью было, между прочим, сохранение нужного крестьянам *ager publicus* для бесплатного выпаса определенного числа скота, запрещение новой оккупации и выделения новых *comrasua*. Уже полученные участки в 30 югеров закон объявлял частными, т.е. свободными от ренты, от изъятия и, в принципе, особенно строго охраняемыми от захватов. Хотя достаточно эффективной охраны собственности власти обеспечить были не в состоянии. Вообще представление о Гракхах как реставраторах *civitas* времен "предков", а об их противниках как неких новаторах вряд ли справедливо. Законы Гракхов восстанавливали не столько классическое римское крестьянство с наделами в 5—7 югеров, дополненных общественными угодьями, сколько создавали "крепких хозяев" с участками в 30 югеров, на которых можно было вести более усовершенствованное и независимое хозяйство, продавать его продукцию (возможно, дорожное строительство Гая Гракха имело также целью обеспечить сообщение с городскими рынками), снарядить в армию сыновей и т.п. Если дело обстояло так, то Гракхи были скорее не реставраторами старого, а предшественниками триумвиров конца Республики — Октавиана, Антония и Лепида.

Закон 111 г. не мог быть причиной ухудшения положения крестьян, но оно, очевидно, все же ухудшилось. Многие уходили в города, особенно в Рим, в поисках работы и раздач хлеба по фрументарным законам. Когда в 107—106 гг. Гай Марий провел свою военную реформу, в армию устремилась целая масса безземельных и не имеющих заработка людей. Весьма вероятно, что

эта реформа имела целью не только пополнить легионы людьми, стоявшими ниже цензовых классов (*infra classem*) и заинтересованных в жалованье, части добычи и наделении землей после выхода в отставку, но и явилась неким противовесом закону 111 года. Ибо закон этот прекращал наделение землей, начатое Гракхами в пользу неимущих. И теперь они могли получить землю иным путем, а именно благодаря военной службе. Армия становится, кроме всего прочего, выразительницей интересов беднейшего крестьянства и самой активной силой в надвигавшейся "римской революции". Отчасти защитой интересов этих слоев объясняется исключительная популярность Мария. Интересы городского и сельского плебса все более расходились. Первый все менее был заинтересован в аграрных законах и значительно более в дешевизне продуктов питания, невыгодной крестьянам. Характерно, что Марий, в начале своей деятельности еще связанный с крестьянством, будучи народным трибуном выступал против раздач хлеба горожанам (*Plut. Mar. 4*).

Интересы сельского и городского плебса совпадали только в требовании смягчения задолженностей, поскольку они тяжело давили и на тех и на других, и в стремлении поправить свое материальное положение в том числе за счет военной добычи (*Sall. Bell. Iug. 69.2*). Когда Марий, который уже в войне с Югуртой подбадривал солдат обещаниями почестей и добычи, стал проводить свою реформу армии, записывая и неимущих (*capite censi*), его поддерживали и ремесленники, и крестьяне, которые массами стали вступать в армию (73.4—5; 86.2—3). Привлекала их не только добыча, отдаваемая Марием солдатам в отличие от командиров из нобилей, которые обогащались лично (87.1), но и земельный надел, который ветеран должен был получить после отставки. Ветераны и раньше наделялись землей, но тогда это было скорее исключением и прекратилось с завершением колонизации. Теперь наделение ветеранов землей должно было стать правилом. Достаточно известно, к каким последствиям оно привело в наступившей эпохе гражданских войн.

Одним из важнейших последствий стало изменение форм борьбы за землю, ведущей силой в которой стала армия. В результате войны в еще большей мере, чем раньше, становятся средством обогащения солдат добычей, нужной для налаживания хозяйства на полученном земельном наделе. Как известно, война между Марием и Суллой с их армиями началась за право отправиться на сулившую богатую добычу войну с Митридатом. В добычу входили и рабы.

Марий давал ветеранам по 14 югеров — меньше, чем Гракхи, но больше прежнего типичного надела в 7 югеров, и для его обработки требовалась дополнительная рабочая сила.

Немалое значение для развития крестьянства имела Союзническая война (91—88 гг.) и распространение римского гражданства на всю Италию. О Союзнической войне и роли в ней крестьянства существуют разные мнения⁸. Одни считают эту войну делом родоплеменной знати тех районов Италии, где основой был не город, а общины разных типов с сильной наследственной знатью, за которой шли крестьяне. Ведь из знатных родов, известных в IV—III вв. до н.э., выходили командиры марсов, самнитов, луканов, пелигнов, умбров и маруцинов. Другие считают, что италийские крестьяне по собственной инициативе выступили против Рима, недовольные тяжестью военных наборов, худшими условиями службы по сравнению с римскими легионерами, всяческой дискриминацией и отстранением от пользования римским *ager publicus*. Наибольшую активность проявляли области, которые были задеты раздачами земли, производившимися по законам Гракхов, а также Сатурнина для ветеранов Мария—Кампания, Лукания, Самний, Пицен, Пелигний и Апулия⁹. Вообще при колонизации местные жители сохраняли лишь часть земель, притом худших, и как поселенцы — *incolae* были фактически бесправны по сравнению с римскими и даже латинскими гражданами; кроме прочего, на них не распространялось и ограничение ростовщического процента. Получив гражданство, они могли пользоваться защитой закона и, вступив в армию, претендовать на ветеранский надел. Распространение римского гражданства снимало прежние ограничения на продажу земли — перегрины могли продавать ее и в своей общине, и римлянам, что способствовало концентрации земли в масштабах всей Италии, но не гражданам другой общины. Победа союзников обусловила также быстрое распространение городского статуса на различные поселения. Новые муниципии в общем воспроизводили старую *civitas*. Для их граждан первостепенное значение имел не *ager publicus populi Romani*, а *ager publicus* их города. Из него выделялся *ager compascuus* для соседей, и он служил общими угодьями для владельцев небольших наделов или сдавался в долгосрочную и краткосрочную аренду за ренту (*vectigal*). Она часто служила основным доходом казны города, причем город мог получить такую землю и далеко от своих границ, в другом районе, и извлекать из нее доход.

⁸ Keaveney A. Rome and Unification of Italy. New Jersey, 1987. P. 25—27.

⁹ Ibid. P. 120.

Площадь *ager publicus populi Romani*, который мог идти в наделы, сокращалась; не служившие в армии крестьяне землю не получали и беднели, попадали в кабалу. Другим удавалось нажить некоторое состояние в армии и на различных работах в городе, подрядах, аукционах и т.п. Они могли стать владельцами имений в несколько десятков югеров, весьма многочисленных, судя по данным упоминавшихся выше раскопок, и занимавших некое среднее место между участками крестьян и виллами.

Наиболее решительные перемены в аграрных отношениях Италии первой трети I в. до н.э. были вызваны войной Мария и Суллы и сулланскими проскрипциями. Приближенные Суллы, скупая по дешевке земли проскрибированных, составили себе огромные имения — такие, как владения Домиция Агенобарба, Красса и Помпея, набравших воинские отряды из сидевших на их землях колонов и клиентов. Одновременно наделы получили 20—30 тыс. ветеранов Суллы (Аппиан говорит о его 23 легионах, поселенных в Италии — *App. BC. I. 11.100*). Обычно, опираясь на данные Цицерона и Саллюстия о том, что среди сторонников Катилины были прокутившие свои средства и мечтавшие о новых грабежах ветераны Суллы (например: *Sall. Cat. 16.4; 28.4*), считают, что сулланские ветераны быстро разорились и лишились своих наделов. Но надо учесть, что ко времени заговора Катилины ветеранам Суллы было около 60 лет и вряд ли они были способны броситься в новые авантюры. Скорее Цицерон и Саллюстий, учитывая общую ненависть к сулланцам, их участием в движении Катилины хотели лишний раз его скомпрометировать.

В *liber coloniarum* упомянуты сохранившиеся еще в I в. н.э. межевые камни данных Суллой наделов на земле Бовилл, Капуи, (затем переделенных при основании колонии Цезарем), Каллатия, присоединенного Суллой к Капуе, Кассина, Габий, Нолы, Суэсулы, Тускула. По словам Сикула Флакка, камни от гракханской и сулланской лимитации оставались в некоторых районах и после позднейших ассигнаций (*Schr. Röm. Feldm. I. S. 165*). Сторонник Катилины Манлий возбуждал к мятежу крестьян Этрурии, которые со времени господства Суллы потеряли свои наделы и все добро (*Sall. Cat. 28.4*). И бедноту вдохновляли воспоминания о победах Суллы, когда некоторые рядовые воины стали сенаторами, другие — богачами, и каждый надеялся на то же и для себя, если они возьмутся за оружие и победят (*Ibid. 37.6—9*). Конфискации Суллы задела не только богатых собственников, но и многих крестьян, потерявших средства к существованию. Они резко обострили диффе-

рениацию крестьянства и аграрный кризис в целом. По словам Страбона, когда Сулла истребил самнитов, их города Бовиан, Эзерния, Телесия и др. или исчезли, или стали простыми селами; сохранились только Беневент и Венусия (*Strab. V. 2.11*). Скорее всего, к тому же времени относятся сведения Страбона о превращении в незначительные деревушки сабинских городов Куры, Требулы, Пенесты и др., а в Лации — городов Каллатия, Антемны, Фидены, Лабик и др., которые стали селами или попали во владение частных граждан (*V. 3.1—2*). В таких селах на частных землях жили, очевидно, колоны Домиция Агенобарба, Помпея и других непомерно разбогатевших сулланцев. Села на частной земле упоминает и Цицерон: получив от Атика книги, он считает себя богаче Красса и презирает его села (*vici*) и луга (*grata* — *Cic. Ad Att. III. 31*). Дион Кассий писал, что расправы приспешников Суллы с их противниками не ограничивались Римом; они убивали в других городах и в "хоре", чтобы присвоить имущество (*Dio Cass. 35.9*).

К этому времени можно говорить о нескольких слоях крестьянства.

1) "Крепкие хозяева" из ветеранов и гражданских лиц (свободнорожденных и либертинов), имеющие участки в 30 югеров и больше, пару рабов, вместе с которыми работают сами с женами, детьми и др. Они могли достаточно хорошо налаживать свои хозяйства, пользоваться хорошим инвентарем, скотом, лучшими методами возделывания земли, возможно, еще их усовершенствуя. Образец такого крестьянина — знаменитый отпущенник Фурий Кресцин, которого, по словам Плиния, за его исключительные урожаи привлекли к суду как чародея, но единогласно оправдали, когда он предъявил свой прекрасный инвентарь, своих сытых и ухоженных рабов и быков и рассказал о своих трудах и заботах. Этот слой мог составить наиболее массовую основу муниципиев, примыкая к нарождающемуся сословию декурионов.

2) Крестьяне, которые имели меньшие участки, входившие в общины различных типов — города, села, паги, соседства. Они особенно нуждались в сохранении *ager publicus*, так как без общественных угодий их хозяйство хирело. Положение их могло колебаться от сравнительно благополучного (когда удавалось продавать свою продукцию, подрабатывать по соседству и т.п.) до разорения в результате захвата их участков и общей земли сильным соседом или победившей в гражданской войне партией, а также неурожаев, эпидемий и т.п. Какая-то часть этих крестьян, даже владея своим наделом, была наследственными клиентами знатных семей. Как уже

упоминалось, по закону Ацилия наследственные клиенты и патроны не могли выступать друг против друга в суде; Марий, по словам Плутарха (неизвестно почему в современной литературе опровергаемым), будучи в наследственной клиентеле Геренниев, говорил, что получение магистратуры от клиентелы освобождает (*Plut. Mag.* 5). Сельских клиентов, несущих дары патрону (рыбу, дичь, первинки плодов), упоминают и Луцилий, и Персий, и Марциал.

3) Крестьяне, по тем или иным причинам лишившиеся своих наделов, ставшие арендаторами *ager publicus* или частных лиц, прекаристами, батраками, поденщиками либо кабальными аддиктами. Категория эта все возрастала в числе, особенно после победы Суллы. Поправить свое положение они могли вступлением в армию, поскольку надежд на успех аграрных законов для неветеранов было мало.

Формальное равенство граждан, основанное на принципе "геометрического равенства", к этому времени было нарушено. Потомки знатных предков, заслуживших почет и уважение своими трудами и подвигами на "общую пользу", использовали свое положение для личного обогащения и личной власти, оставляя народ в нужде. Ненависть к знати уже не умерялась почтением к "предкам" (*Sall. Jug.* 32—43; 73.4). Возможно, такие изменения ослабили узы древней личностной клиентелы, а новая клиентела (как на упомянутых землях Домиция Агенобарба, Помпея, Красса) основывалась скорее на экономических отношениях крупнейшего землевладельца и сидевших на его землях колонов, прекаристов и крестьян, прежде имевших участок в селах, а теперь оказавшихся на частных землях.

С ростом числа безземельных служба в армии как путь к благополучию приобретала все большее значение. Ветераны Мария получали по 14 югеров и, считая, что этого мало (*Plut. Crass.* 2), переходили к Сулле, который давал больше. Клодий, агитируя в Азии солдат Лукулла против него, говорил, что Лукулл все золото из добычи берет себе, солдатам ничего не дает, тогда как солдаты Помпея, считающего высшей честью для себя обогатить солдат, хотя они воевали только с Серторием и Спартаксом, давно живут на плодородных землях (*Plut. Lucul.* 34). Войны снова стали для римских солдат путем к земле и деньгам, но уже Сулла давал им наделы за счет не врагов, а других римских граждан, в том числе крестьян. Солдаты и ветераны, с одной стороны, выходили из крестьян, разделяли их ненависть к нобилитету, но, с другой — сами обогащались за счет крестьян, вследствие чего последние выступали за Мария против Суллы.

Вообще, дифференциация крестьянства затрудняет характеристику его места в событиях последнего века Республики, тем более что в нашей литературе на первое место выводились движения рабов и вопрос в основном ставился лишь о возможности союза между крестьянами и рабами. Эта проблематика приобрела особую остроту в связи с изучением восстания Спартака и участия в нем крестьян. В подробном анализе литературы о Спартаке на этой проблеме останавливается Р. Орена¹⁰. Он отмечает две крайности в ее решении: одни считают маловероятным участие крестьян в восстании Спартака, другие видят в крестьянах из районов, разоренных Союзнической войной и Суллой, главную движущую силу восстания, направленного против Рима, тогда как роль в нем рабов полагают сильно преувеличенной. Соответственно исследователи по-разному разбирают свидетельство Аппиана (BC. I. 541) о приходивших к Спартаку "свободных с полей", доверяя ему более или менее и выясняя значение отдельных слов. Как мы видели, Ливий и Дионисий Галикарнасский неоднократно сходным образом говорили о бедноте, набравшейся в войско в особо кризисные моменты, и нет оснований толковать иначе этот термин у Аппиана. Вообще вряд ли справедливо априорное представление о невозможности совместных выступлений сельских рабов и бедных крестьян якобы из-за изоляции рабов от крестьян, из которых даже самые бедные гордились тем, что они — римские граждане. Свободные работники на вилле трудились вместе с рабами и ими командовал тот же виллик, причем (как явствует из Варрона) свободных батраков посылали на более трудоемкие и нездоровые участки. Крестьяне вместе с рабами справляли соседские земледельческие праздники, а хранители фамилии, Лары, равно защищали младших членов ее и рабов от гнева *pater familias*. Настоятельные требования Варрона и Катона не позволять рабам выходить за пределы виллы, заводить знакомства, общаться с "авгурами из страны марсов", гаруспиками и тому подобной публикой (*Cat. De agr.* 5.4; 143.1), промышленявшей в пагах и селах, позволяют полагать, что рабы на самом деле с ними встречались и не сидели на вилле взаперти, а общались с соседними крестьянами.

Положение многих из них к тому времени было не лучше положения рабов. Несмотря на интердикты и законы (например, *iudicium M. Лукулла — Cic. Pro Tull.* 4.8), запрещавшие захваты чужой земли, отъем участков малоимущих соседей продолжался. Тяжелые последствия имел рост задолженности. Во время движения

¹⁰ Orena R. Rivolta e rivoluzione: Il bellum de Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. Milano, 1984.

Катилины (63 г.) отряды крестьян собирали Гай Манлий в Фезулах в Этрурии, Септимий Камерт в Пицене, Гай Юлий в Апулии (*Sall. Cat. 27.1*). Одновременно в Капуе и Апулии "зашевелилась рабская война" (*Ibid. 30.1*). Причины недовольства крестьян Манлий изложил в письме к командиру посланного в Фезулы отряда Квинту Марцию Рексу. Его люди, писал он, взялись за оружие не против родины, а против несправедливостей: они бедны и несчастны из-за насилия и жестокости кредиторов, многие лишились родины, чести, имущества; никому не дали возможности по обычаю предков воспользоваться законами (имеются в виду законы Петелия), чтобы, потеряв состояние, сохранить свободным тело; такова ярость землевладельцев и претора. Его люди добиваются не богатства, не власти, а свободы, которую достойный человек теряет лишь с жизнью. Они просят защиты сената и закона (*Ibid. 33.1–5*).

В битве между войском сената и отрядами Катилины и Манлия Луций Сергий Катилина, разместив свои части, среди которых были ветераны и рядовые воины, сам с отпущенниками и колонами встал около орла, некогда бывшего у Мария. В войске его противников М. Петрея и Г. Антония были и ветеранские когорты, и крестьяне, призванные "из-за крайней опасности" (*tumultu causa*), и обычные части (*Ibid. 59.1–6*). Любопытны два отмеченных Саллюстием штриха. Во-первых, то, что выстроив свои отряды, Катилина у всех забрал коней, дабы воинов воодушевляло уравнение всех в опасности (*Ibid. 59.1*). Тем самым он отреагировал на их идеал равенства и отрицательное отношение к коннице — войску высших *ordines*. Во-вторых, то, что радость победы для солдат Петрея была омрачена тем, что среди трупов павших врагов они узнавали кто — друга, кто — родственника, хотя некоторые находили и трупы своих врагов (*Ibid. 61.8*). Это иллюстрирует дифференциацию крестьян (по Цицерону, как легионеры — сторонники сената, так и катилинарии из "порочных", бежавших от долгов *rustici*, происходили из одних и тех же районов: Пицена, Апулии, Этрурии, Гальской земли — *Sic. Cat. II. 3; Pro Sulla. 19*), а также многочисленность "свободных с полей", готовых примкнуть к любому восстанию, хотя бы и рабскому. Кстати, рабы и крестьяне равным образом сражались на стороне Мария, когда по возвращении из Африки он собирал земледельцев из самнитов, луканов и др. и "отпирал эргастулы", включая рабов в свою гвардию.

Было бы ошибочно, как то неоднократно предпринималось в нашей литературе, причислять к "классу рабовладельцев" крестьяни-

на, имевшего 1–2 рабов. В известной маленькой поэме "Моретум"¹¹ описан скудный завтрак бедного крестьянина Симила, приготовленный им самим; он имеет помогающую ему в стряпне рабыню-негритянку, что отнюдь не позволяет зачислять его в один класс с Варроном и Цицероном, которым он был гораздо более чужд, чем своей рабыне. Скорее, напротив, с рабами сближались кабальные должники, опять попавшие в тяжелую зависимость. О них, как мы видели, упоминал в своем письме Манлий. Цицерон, перечисляя разные казусы в судах, называет и дела о пехум (*Deorat. I. 38.173*)¹², а должника, потерявшего свободу, приравнивает к рабу. В одной из контroversий Сенеки Старшего приводится речь юриста Лабиена, направленная против "блаженных собственников, нарушающих все законы природы и справедливости", где говорится и об их огромных полях, которые они заставляют возделывать свободных людей, запертых в эргастулы (*Sen. Contr. V. 33*). Посидоний отмечал, что в Риме многие отдают себя под покровительство других, чтобы получить средства к существованию, расплачиваясь за них своим трудом (*Athen. VI. 263*), что также сближается с распространенным толкованием пехум.

В приводимой Саллюстием речи Лициния Макра тот говорит, что плебс считал свободой отмену телесных наказаний и право выбирать место жительства, но крестьяне-*rustici* лишены этого права: их как дары раздают по провинциям (*Sall. Hist. III.4*). Иными словами, аддиктов использовали не только в италийских имениях кредиторов, но и в провинциальных. Поэтому Варрон и писал об аддиктах в Азии, Египте, Иллирике (букв.: *obaerarii* — *Varro. RR. I. 17.2*). Эти слова часто считали доказательством отсутствия такой практики в Италии, но скорее там она временно ослабела после издания *lex Iulia de cessione bonorum* — закона, в общем повторявшего закон Петелия и изданного, вполне возможно, не Августом, а Юлием Цезарем¹³.

Таким образом, "свободные с полей" имели полное основание примыкать ко всем выступлениям против "блаженных собственников". Однако, говоря о возможности союза рабов и крестьян, естественно, нельзя не учитывать дифференциацию последних. Ведь

¹¹ В переводе С.А. Ошерова эта поэма приведена в его ст. См.: Ошеров С.А. Крестьянский быт в поэме "Моретум" // Быт и история в античности. М., 1988. С. 114–126.

¹² Если после закона Петелия пехум, т.е. отдача себя в рабство за долги, был отменен и остались только аддикты, отработавшие долг по приговору суда, то, видимо, к концу Республики пехум снова возродился.

¹³ Nicolet C. *Rendre à César*. P. 265. Not. 95.

к *rustici* в "Кратком наставлении о соискании консулата", приписываемом Квинту Цицерону, причислены и те люди по всей Италии, поддержкой которых должен заручиться кандидат — люди, влиятельные в пагах, селах, соседствах (*Comm. pet. VIII.31*). Они были лояльны существующим порядкам. "Переверотов" желали бедняки, но достичь желаемого они могли не участием в восстаниях и борьбе за аграрные законы, а только вступив в армию.

Против аграрных законов кроме знати был отчасти и городской плебс, на раздачи которому шла часть ренты со сданных участков на *ager publicus*. Цицерон осуждал закон Спурия Тория, временно отменивший эту ренту (*Cic. Brut. 36*), что было выгодно крестьянским арендаторам и не выгодно горожанам. На этом же противоречии играл Цицерон, когда выступал против аграрного закона Сервилия Рулла о разделе *ager publicus*, упирая на то, что народу выгоднее получать ренту с арендаторов, а не мучиться, возделывая свои участки (*Leg. agr. I.1—9; II.5—6; 14; 29—31*). Важно также, что, по словам Цицерона, от закона Рулла выгадают те, у которых он купит огромные земли, захваченные при Сулле — их владельцы, во-первых, всем ненавистны, а, во-вторых, не возделывают их должным образом, так как не хотят вкладывать средства в земли, которые у них могут отобрать по какому-нибудь новому аграрному закону (*Leg. agr. I.5; II.26*). Законопроект Рулла был провален, как и следующий аграрный законопроект народного трибуна Флавия (*Cic. Ad Att. I.19*). Зато в пользу ветеранов Помпея был принят аграрный закон Цезаря; его же закон о наделении бедных граждан землей в Капуе (по 10 югеров на фамилию) вызвал бесконечно долгие прения (*Cic. Ad Att. II.16; Ad Q.fr. II.5; Ad fam. I.9; III.10; App. BC. II.2.18; Plut. Pomp. 47; Suet. Iul. 20.3*).

В войне Цезаря с Помпеем италийский плебс, сельский и городской, был на стороне Цезаря. *Agricolae*, по мнению Цицерона, были готовы признать даже царя, лишь бы жить в мире и покое (*Ad Att. VII; VIII.13*). В армию Помпея добровольно не шли, а были насильно набраны враждебные ему (*Cic. Ad Att. VII.15*). Даже Пизен, на который Помпей возлагал надежды в силу старых клиентских связей, его не поддержал (*Ad Att. VII.16.21; VIII.1.10*). В Италии, с горечью писал Цицерон, и муниципии, и *rustici* приносят обеты за здоровье Цезаря и видят в нем бога, и это ошибки оптиматов вызвали ненависть к Помпею и любовь к Цезарю (*Ad Att. VIII.13; 14; IX.12; 15*).

Придя к власти, Цезарь начал раздавать земли ветеранам. В 45 г. измерялись земли Вей и Капены (*Cic. Ad fam. IX.17*); в наделы

должны были идти земли Волатерры, и Цицерон просил пощадить город (*Ad fam.* XIII.4), но, видимо, просьба его не была удовлетворена, так как затем он просил сохранить имение Г. Курция, когда земли города будут делить (*Ad fam.* XIII.5); просил он и за Г. Альбина по случаю наделения землей ветеранов в Цизальпинской Галлии (*Ad fam.* XIII.8). В *liber coloniarum* перечислены данные Цезарем наделы в Вейях, Бовиане, Капуе, Эзернии, Минтурнах, Теренте, Вольтурне, Клибах, Аускуле, Ардее и Арпане, где уже были наделы, данные Гракхами. Конечно, и здесь перечислено далеко не все. Как писал Плиний, нелегко проследить местоположение и основание колоний: так, например, лигурам иногда давали землю 30 раз (*Plin. NH.* III.6.8).

Но все же, видимо, наделов было дано не очень много. Стремясь избежать конфискаций (*App. BC.* II.13.94; *Dio Cass.* 38.1.3—7; 7.3; 42.52.6; 55.26.2; 43.47), Цезарь покупал участки, решил осушить Помптинские болота, чтобы дать плодородную землю многим тысячам крестьян (*Plut. Caes.* 58), но нет сведений, успел ли он это сделать. По Светонию, Цезарь расселил в колониях 80 тыс. человек (*Suet. Iul.* 38.2; 49.1), но неясно, сколько из них было поселено в Италии, а сколько вне ее. Во всяком случае известно, что во время убийства Цезаря в Риме находилось много его ветеранов, ожидавших наделения землей. Вообще, он больше старался награждать своих воинов большими денежными раздачами (*Suet. Iul.* 26.3; 38.2; *App. BC.* II.15.102).

Внешние войны Суллы, Лукулла, Помпея и Цезаря по открывавшимся перед солдатами и командирами возможностям обогащения превосходили все предыдущие. Плутарх писал, что благодаря огромной добыче в лагере Лукулла бык стоил одну, а раб — четыре драхмы, но солдаты и этим были недовольны и требовали, чтобы им давали грабить не только сельскую местность, но и города (*Plut. Lucul.* 14). Известен анекдот о ветеране, который на вопрос обедавшего у него Августа, правда ли, что в Сирии солдаты разграбили храм богини Анаит и разломали ее золотую статую, ответил, что теперь они пируют за счет ее ноги и что все его богатства происходят оттуда же (*Plin. NH.* XXXIII.24.1).

Большие возможности обогащения открывались в Галлии, но давались эти богатства нелегко. Достаточно почитать "Записки о галльской войне" Цезаря, чтобы понять, какие труды и опасности терпели там его воины. Не легче была судьба солдат Помпея, с боями шедших по Кавказу, Азии и Сирии. Была и опасность поражения, какое потерпел Красс от парфян. Вступая в армию, солдат знал, на что идет, но требовал возмещения — не только денег и

ценностей, но и земли, так как по многовековой римской традиции, усвоенной также и созданными Римом городскими общинами, только владелец земельного участка на их территории был полноценным гражданином. Он мог, при удаче, стать муниципальным магистратом (поскольку таковым мог быть лишь владелец недвижимости определенной стоимости), мог надеяться, что его сыновья пойдут еще дальше, начнут службу в армии не простыми солдатами, а центурионами и перед ними откроется путь в сословие всадников, а то и сенаторов. Одни только деньги без земли к таким результатам привести не могли.

Часто в гражданских войнах конца Республики видят борьбу за власть, в которой армия была орудием конкурентов. Борьба за власть, конечно, имела место, как то бывает всегда в период кризисов и социальных движений, размах которых способен потрясти всю структуру общества. Но борющиеся за власть создать такие условия не способны, а могут только воспользоваться ими. В римской державе соответственные условия были многообразны и многочисленны. Но одним из самых существенных была борьба вступивших в армию бедных крестьян за землю. Все ее значение проявилось особенно ярко в ходе событий, последовавших за убийством Цезаря.

Наиболее характерные данные содержатся в сочинениях Цицерона, которые отражают обычно свойственное обреченным правительствам непонимание истинного положения дел, неоправданные надежды на преданность "порядочных граждан", способных противостоять немногочисленным "развращенным смутьянам". Антоний, писал Цицерон Аттику, обхаживает ветеранов, чтобы они помогли ему санкционировать акты Цезаря (Ad Att. XIV.24); он собирает их в Рим из разных мест, так что Риму угрожают большие опасности (XV.5). Цицерон надеялся противопоставить Антонию Дециму Брута, ведущего войну у Альп, чтобы добычей укрепить солдат "на защиту нашего дела" (Ad fam. XI.4). Надеялся он и на Октавиана, который "переманил ветеранов" из Каллатия и Казилина, дав им по 500 денариев, и намерен обойти другие колонии, привлечь ветеранов, городской плебс и всех прочих людей — *boni viri* (Ad Att. XVI.8). К Октавиану удивительно расположены муниципии — когда он пришел в Самний, все сбегались к нему навстречу (XVI.11); он привлекает крестьян, лучших граждан, ветеранов, "Марсов" и Четвертый легионы, назвавшие Антония врагом и перешедшие на сторону защиты и спасения Республики (Ad fam. XI.7). За Республику стоят твердо солдаты Гирция и

Пансы, вся Галлия (за исключением Бононии, Пармы и *Regium Lepidum*) и вся Италия, весь римский народ (XII.5). Одновременно в "Филиппиках" он все более резко нападал на Антония и ветеранов. Антоний-де ссылается на волю народа, но угождает ветеранам, рассчитывающим на новую добычу (*Philip. I.2*). Он, якобы по закону Цезаря, назначает в декурию судей центурионов и рядовых из легиона Алауды, без учета их ценза (*Philip. I.8*). Он еще при жизни Цезаря расселил ветеранов по городам Италии, а теперь обещает им новые колонии, захватывает чужие земли (*Philip. II.25; 39, 40*). Цицерон рекомендует сенату, приняв постановление против Антония, наградить почестями "Марсов" и Четвертый легионы (*Philip. III.15*). Сенат, говорил Цицерон, обращаясь к народу, по его предложению постановит воздать почести и хвалы этим легионам за великие заслуги, готовность защищать свободу римского народа и авторитет сената (*Philip. IV.4; V.2*). Никакой речи о земле для "верных легионов" у него нет, а вскоре Цицерон заявляет, что проведенные Антонием раздачи земли будут объявлены недействительными, как и все прочие его законы; сенат объявит, что не было никакой комиссии септемвиров для наделения землей и все ею сделанное недействительно (*Philip. V.7*). Он предложил консулам Гирцию и Пансе расследовать, какие земли в колониях даны ветеранам и кто получил землю незаконно, а затем подумать о наградах солдатам легионов, верных сенату, — дать освобождение им и их сыновьям от военной службы, кроме экстренного набора (*tumul. Gallicum Italiumque*), после войны выдать им деньги, обещанные Октавианом, и такие земли, какие можно будет дать без несправедливости к частным лицам — *sine iniuria privatorum* (*Philip. V.13*).

И сенат действительно аннулировал ассигнации Антония, уничтожил акты комиссии септемвиров, и получившие от них наделы были изгнаны и, по уверению Цицерона, уходили спокойно, поскольку ничего на устройство там хозяйства не затратили, не имея средств и не веря в прочность владения (*Philip. VI.5*). Цицерон уверял, что все муниципии продолжают оказывать помощь людьми и деньгами против Антония, за которым идут нищие, негодяи и разбойники, жаждущие присвоить добро порядочных людей. Сенат же обещает своим солдатам свободу, право, законы, достоинство, мир, власть над "кругом земель" (*Philip. VII.9; VIII.3*). Когда сенат послал к Антонию делегацию для переговоров о мире, Антоний сказал, что готов распустить свои шесть легионов и стать частным человеком, если его легионерам, коннице, преторианским когортам сенат даст добычу и земли и утвердит наделение их землями,

дарованными им вместе с Долабеллой (т.е. во время их консульства), а именно землями в Кампании и у Леонтин в Сицилии, которые, по мнению Цицерона, при предках считались "оплотом анноны" (Philip. VIII.9). За Антонием идут крестьяне (*rustici, agrestes*), "гречишки", негодяи, готовые делить Италию на основании закона, который сенат объявил "принятым под действием насилия", а потому недействительным (Philip. X.10). Незачем бояться ветеранов, время ветеранов Цезаря прошло, надо опираться на молодежь, избранную из цвета Италии, — именно они ведут войну, одобренную всем народом, и их ждет награда (Philip. XI.15).

Все же попытки лишить ветеранов земли, за которую они столько лет сражались, как и известные из истории других стран и эпох попытки отобрать землю, отвоеванную крестьянами, оказались губительными для их инициаторов.

Чем кончилось дело в данном случае, достаточно хорошо известно. О триумвирах Аппиан писал, что они нуждались в солдатах, чтобы править, а солдаты в них, чтобы сохранить данное им. В армии, знавшей, что командиры в них нуждаются, не было ни порядка, ни дисциплины, провинившихся солдат не наказывали (App. BC. V.2.12–17). Еще раньше Децим Брут писал Цицерону, что "Октавиан никому не повинуется, а ему не повинует его войско" (Cic. Ad fam. XI.10). После битвы при Филиппах и разгрома Брута и Кассия на землю стали претендовать и легионы Антония (всего 34 легиона) и получали ее за счет городов и проскрибированных (App. BC. V.3.21–22). Когда после победы над Секстом Помпеем Октавиан обещал солдатам послать их против иллирийцев и других варваров, где их ожидает богатая добыча, и стал раздавать легионерам почетные награды, а центурионам и трибунам одежду с пурпурной каймой, назначая их членами советов в разных городах, трибун Офилий воскликнул: "Все это детские игрушки, а награда солдатам — деньги и земля", — и вся толпа поддержала его криками "хорошо сказано" (App. BC. V.13.128).

Дион Кассий замечает, что во время проскрипций триумвиры рассылали солдат по Италии наблюдать за конфискованным имуществом, а специально назначенные люди делили землю и селили солдат в колониях, а наиболее видным своим сторонникам раздавали имущество казненных, назначали на разные должности, в том числе и жреческие, которые ранее занимали их жертвы; а на аукционы, где распродавалось имущество казненных, позволяли ходить только воинам (Dio Cass. 47. 14.4–5). Он добавляет, что Октавиан давал

солдатам землю с инвентарем и рабами, забирая имущество у всех, кроме ветеранов, ранее получивших наделы, а также тех, чьи участки были не больше ветеранских (Ibid. 48. 6.1—5; 8.5). Солдаты бунтовали, требуя все больше земли, и только после победы над Секстом Помпеем Октавиан почувствовал себя увереннее, не считая более нужным быть рабом солдат, и начал раздавать земли не конфискованные, а купленные (Ibid. 49. 14.1—5).

Ясно, что на первом этапе "борьбы за власть" она была всецело подчинена требованиям армии, считавшей, что солдатам нужны не почести, а земля и средства для налаживания хозяйства. Попытки не сразу удовлетворить их вызывали мятежи, грозившие гибелью "вождям воинов", как их называет Аппиан. Медлительность Цезаря, не сумевшего совместить *clementia* с удовлетворением ожиданий ветеранов, слепота партии Цицерона, попытавшейся вырвать у солдат полученную ими землю, привели их к гибели. Триумвиры, а затем Октавиан учли этот урок. *Clementia* была включена в их лозунги только после того, как воины получили то, что требовали.

Судя по *liber coloniarum*, триумвиры для различных местностей установили несколько разную величину центурий (в 200, 210 и даже 50 югеров) и ширину дорог и межей, разделявших наделы (Schg. Röm. Feldm. I. S. 30). В зависимости от качества земли ветераны получали по 20, 25, 50 и 60 югеров. Триумвирами были выведены колонии в Флоренции, Тедере, Волатерре, Юнонии у фалисков, Непете; в Пицене были разделены *agri selviensis*, как и в *Sena Gallicae*, в *Firma Picena*, в Пицене (*ager Ricinensis*), были учреждены также колонии Аквин, Алифа, Беневент, Касентий, *Ligures Bebiani*, *Ligures Corneliani*, Сигния, Сетия, Улубры. Колониями Августа там же названы Купра, Труент, Атерна, Сизерра, Ателла, Алатрий, Каудий (присоединенный к Беневенту), Кумы, Фрузинон, Форум Попилия, Фунды, Литерн, частично Ланувий, бывший колонией Цезаря, Нуцерия, Нола, Путеолы, Приверн и Сидицин.

Очевидно, тогда же окончательно была оформлена практика землемеров, хотя дошедшие до нас их сочинения относятся к первым векам Империи. Особенно важны приводимые ими категории земель с точки зрения владельческих прав и общего устройства. Так, земли могли быть *divisi et assignati* — данные в собственность отдельным владельцам, измеренные и огороженные участки, за этими владельцами закрепленные, внесенные в кадастр и ценз под их именем, с тем чтобы они за них отвечали и несли повинности, например, по уборке и ремонту дорог, отводу вод и т.п. Кроме того, были земли, измеренные только по периметру и, наконец, вовсе не

измеренные *agri arcifini*. Измеренные по периметру *agri per mensura comprehensi* предоставлялись всей *civitas*, всему ее народу, который мог такие земли сдать за ренту (*vectigal*) отдельным лицам или коллективу съемщиков либо использовать их как *ager publicus* сограждан, как *comprascua*, которые во многих местах Италии именовались *communiones* и могли служить пастбищами для соседей. Иногда горные леса, где собирали желуди и т.п., делили между владельцами; иногда на границах колоний горы и леса не делились и оставались в общей собственности, а сервитуты давали доступ к ним через чужие земли (*Schr. Röm. Feldm. I. S. 48, 50, 152*). В других случаях городу выделялась земля, изъятая с чужой территории, а также участки и сальтусы для получения с них дохода (*Ibid. S. 15, 26*). Земли *civitas* могли быть городскими (*urbani soli*), например леса, из которых вывозили материал для общественных зданий, и сельскохозяйственные (*agrestis*), предназначенные для общих работ (*quod publicis operibus est datum*), т.е. для совместной обработки и использования (*Ibid. S. 18*). Такие *loci publica* могли возникать из включенных в *civitas* префектур и концилиабул (*Ibid. S. 26, 55*). При учреждении колоний часть земли могла быть оставлена прежним владельцам, и они могли или быть, или не быть под юрисдикцией колонии (*Ibid. S. 116—119*). Выводившие колонии всегда санкционировали, чтобы священные участки, святилища, кладбища, общие водные источники, сельские дороги, *vicinalia* и *comprascua*, оставались в прежнем положении (*Ibid. S. 120*), т.е. чтобы не нарушалась общественная собственность населения, часть земли которого отходила колонии. Наделы иногда давались всем равные, иногда в соответствии с воинским званием — по одной, полторы и две меры площади. Некоторым выделялось по две и более центурий; 25 центурий составляли сальтус (*Ibid. S. 156—158*). Вообще не позволялось иметь надел бóльший, чем устанавливалось эдиктом (имеется в виду данный колонии устав — *lex coloniae*, регулировавший все стороны ее жизни), но особо заслуженные лица — *benemeriti* — получали право изымать свои земли из территории города. Они не подлежали его юрисдикции и не несли затрат на его нужды. Это были так называемые *fundi excepti* (*Ibid. S. 197*). Видимо, именно они и составляли латифундии из нескольких центурий и сальтусы (*Ibid. S. 110*). Во многих районах поссессоры имели не сплошные наделы, а небольшие части в разных местах, чересполосно с другими наделами, и к своим они могли проходить по *viae vicinales* или получив сервитуты от соседей (*Ibid. S. 152*). Такая чересполосица, как и общие угодья, способствовала сохранению

общинных связей: в этом направлении должна быть действовать и тогдашняя практика поселения вместе ветеранов одного или двух легионов, привыкших к товариществу за много лет совместной службы (Ibid. S. 194).

Ager arcifinius вовсе не измерялся. Границы его определялись естественными рубежами: лесами, горами, реками. Поссессоры сами разделяли землю между собою, иногда составляли соответственные карты, но все это не имело юридической силы. Там, видимо, особенное значение имели исконные общины — паги, села. Если основатель колонии брал участки из таких территорий, он должен был указать в "форме" (т.е. на плане), что взял землю вне лимитации, с такой-то горы, из такого-то пага (*monti illo, pago illo*) столько-то югеров или землю, принадлежавшую тому-то (*illi agrum illum qui fuit illius* — Ibid. S. 160). Паги имели некие границы. И если о них заходил спор, они проверялись по маршруту, которым шли магистраты при обряде люстрации пага; следует также установить, как и сколько они должны всем обществом предоставлять проходящим мимо воинам и обозу продовольствия, вывозить деревья, соломы, какие *civitates* накладывают такие обязанности на какие паги, а также какие священнодействия отправляют паги, так как каждый паг имеет свои обряды (Ibid. S. 164). Магистры пагов отвечали за повинности пагов, например за ремонт и проведение дорог (Ibid. S. 146). Очевидно, они распределяли их между поссессорами пага по общей договоренности. Паги-общины существовали и на территории городов, подвергавшейся цензуриации и лимитации, могли входить в территории разных городов, но, возможно, наиболее полно они сохранились на землях, поделенных не в официальном порядке, а лишь по договоренности членов общины, удержавших общие угодья и священнодействия и совместно, через магистратов, отвечавших за повинности.

Крестьянские хозяйства сохранялись и на территории городов, поскольку триумвиры не конфисковывали наделы, не превосходившие наделы ветеранов, минимальный размер которых равнялся 20 югерам, но доходил и до 60. Продолжали существовать и мелкие крестьянские участки, и участки "крепких хозяев". Обычно считается, что со времени Суллы и до правления Августа включительно ветераны получили около полумиллиона наделов¹⁴. М.И. Ростовцев считает это число очень небольшим, поскольку воссоздать крестьянские хозяйства не удалось. Напротив, Т. Франк полагал, что про-

¹⁴ *Rostoutzeff M.I. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich*. В.; Leipzig, 1931. Bd. 1. S. 27–30.

скрипции подорвали крупное и укрепили мелкое и среднее земле-
владение¹⁵. Спор этот не окончен и поныне, но, очевидно, следует
учитывать наделы не только ветеранов, но и крестьян, чьи участки
не превосходили ветеранские. Таких было не так уж мало, тем более
что число их пополнялось за счет вольноотпущенников, которые, не
участвуя в войнах, могли лучше заботиться о своих хо-зяйствах.
(Как мы увидим далее, Плиний называет неоднократно либертинов,
которые вывели новые сорта плодов и дали им свои имена.)

Раздачи земель ветеранам умножили слой "крепких хозяев".
Именно они могли способствовать прогрессу сельского хозяйства,
культивируя на своих сравнительно больших наделах более
требовательные многолетние растения лучших сортов, и служить
наиболее массовой опорой режима Августа. Тем более что он, начав
создавать государственный аппарат империи, мог более эффективно
обеспечить защиту законами владельческих прав посессоров.

Но помимо них оставались мелкие крестьяне на неподеленных
землях, в селах, пагах и соседствах с более или менее прочными
общинными порядками. Из них по-прежнему вербовались батраки,
поденщики, колонны и прекаристы. Но на некоторое время они были
избавлены от долговой кабалы и с развитием городской жизни и
разделением труда получили большие возможности сбывать свою
продукцию, особенно дававшую более или менее значительный
доход. Варрон вспоминает владельца 10 коз, ежедневно выручавше-
го в Риме по денарию с каждой козы (*Varro. RR. II.3*). Пишет он и
об осле, проданном за 60 тыс. сестерциев (*II.1*). Конечно, то был
случай исключительный, но выращивать ослов и мулов, отвечавших
требованиям покупателей, можно было и на небольших участках.
Мяснику в городе продавали свинину, имевшуюся в каждом
хозяйстве (*II.4*). Варрон особенно подчеркивает, что доход можно и
должно получать не только от традиционных отраслей — посевов и
скота, — но и от других, более новых видов деятельности. Хороший
доход давали куры, голуби, гуси, журавли, дрозды, павлины и т.д.
От них можно было получить с небольшой виллы доход большой,
чем с целого имения; большую прибыль давали рыбные садки
(*III.2*). Конечно, Варрон в первую очередь имеет в виду богатых
владельцев, ставивших дело на широкую ногу и имевших рабов,
специально обученных уходу за птицей, рыбой и дичью в охотничьих
парках. Но кое-что мог сделать и обыкновенный *pater familias*.
Куры, писал Варрон, есть у всякого; небольшой, в 1—2 югера,

¹⁵ *Frank T. Economic Survey of Ancient Rome. 2 nd Ed. Baltimore, 1940. Vol. 1. P. 29—30, 107.*

участок годится для разведения зайцев (III.3). Два брата Вейантии, которые унаследовали маленькую виллу и участок в один югер, разбогатели, поставив вокруг виллы ульи и разведя сад с тмином и мелиссой. Ежегодно за мед они выручали 10 тыс. сестерциев, а используемый в медицине прополис продавался еще дороже, чем мед (III.16). Неплохой доход дают рыбные садки с пресной водой, имеющиеся и у плебеев (III.17). Таким образом, крестьяне, не лишившиеся земли, при известной предприимчивости могли себя обеспечить.

Конечно, в результате гражданских войн и проскрипций крупное землевладение не было уничтожено (сменились лишь в значительной мере владельцы больших имений). Но, очевидно, на какое-то время было укреплено мелкое и среднее землевладение — крестьянство, верхний слой которого сближался с муниципальными собственниками вилл, нижний — с беднотой, поставляя дополнительную рабочую силу для вилл. Одна его часть входила в состав общин городских, другая — внегородских: пагов, сел, соседств. Август и пропагандисты его программы (о чем подробнее будет сказано в следующей части) стремились показать, что при нем было восстановлено римское крестьянство вместе со всеми обычаями и добродетелями предков. Но это было уже совсем не то крестьянство, которое составляло основу классической римской *civitas*. В последней оно было еще тесно связано со своими истоками — плебейским сословием общества, которое стояло на стадии разложения родового строя, сословием, которое в том или ином виде присутствовало во всяком стадийно сходном "социальном организме", но в Риме стало не эксплуатируемым классом более или менее зависимых общинников, а носителем политической и законодательной власти в возродившей на новой основе свою общину римской *civitas*. Крестьянство оставалось сословием (*ordo*) по месту, занимаемому им в политической, военной и экономической структурах, наряду с другими *ordines*, каждое из которых в принципе вносило свой вклад в труд на "общую пользу" — на сохранение, воспроизводство и расширение ресурсов гражданской общины, еще не бывшей государством. А так как в этом роль крестьянства была главной, то его идеология стала основой идеологии и культуры всей общины граждан.

Но с усложнением всех сфер жизни Рима, с его превращением в столицу огромной державы, с обострением имущественного неравенства и развитием рабства неизбежно внутри общины из старых *ordines* и новых социальных слоев стали формироваться классы-сословия и, соответственно, в ходе конфликтов и гражданских войн

складываться государство. И когда оно (хотя в далеко еще не окончательном виде) возникло вместе с принципатом Августа, крестьянство так же постепенно превратилось в класс-сословие, состоящее из различных слоев, определяемых имущественным положением, принадлежностью к городским или внегородским общинам, которые сохраняли статус граждан как члены народного собрания, но утрачивали свое место в политической жизни. Становясь классом-сословием, крестьянство все более отделяется от городского плебса и от высших классов-сословий не только по месту в экономической и политической жизни и по образу жизни, но и по уровню и характеру своей культуры, вследствие чего определение *rusticitas* становится синонимом невежества и противопоставляется *urbanitas* (воспитанности). Крестьяне остаются носителями своих, римских традиций и верований, эллинистическая культура горожан и высших слоев становится им все более чуждой.

Борьба ставших солдатами крестьян за землю, протекая в органической связи с другими процессами, ведущими к созданию Империи, в конце концов, без их на то воли, привела к упомянутым результатам. С учетом их в давнем споре о том, было ли крушение Республики революцией, на этот вопрос следует, видимо, ответить положительно, поскольку социальный строй общества претерпел коренные изменения.

ЧАСТЬ II

РИМСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

ГЛАВА I

КРЕСТЬЯНСТВО В I в. н.э.: БОРЬБА МЕЛКОГО И КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Результаты мер триумвиров и Августа¹ по наделению земель ветеранов в современной литературе оцениваются по-разному. М.И. Ростовцев считал, что за 50 лет гражданских войн и годы правления Августа земельные наделы получили около полумиллиона ветеранов в Италии и некоторое довольно значительное число солдат и плебеев — в провинциальных колониях Цезаря и Августа. Но в Италии целью наделения земель ветеранов (особенно это относится к Августу) он полагает не возрождение римского крестьянства и римской крестьянской общины, а укрепление слоя муниципальных собственников, живших в городах и лично сельским хозяйством не занимавшихся, а оставлявших свои имения на попечение вилликов. Поэтому чем дольше, тем большие наделы отдавались ветеранам, например 60—140 югеров в Бононии и Аквилее. Крестьянство же, некогда составлявшее римскую общину и римскую армию, исчезает и превращается в колонов. Процесс этот, считает Ростовцев, начался со II в. до н.э., усилился в I в. до н.э. и закончился с началом империи. Поэтому нельзя считать, что установление власти Августа знаменовало какие-то значительные изменения в аграрном строе Рима. Как и в I в. до н.э., утверждает Ростовцев, продолжало господствовать более или менее крупное землевладение, рассчитанное на товарное производство для сбыта на местных и внешних рынках; комфортабельные, украшенные мозаикой и живописью сельские виллы и городские дома прежних и новых землевладельцев оставались наиболее характерной чертой итальянского пейзажа как до, так и после гражданских войн².

¹ Об аграрной политике Августа см.: Кузищин В.И. Генезис латифундий в Италии. М., 1976. С. 130—152.

² Rostovtzeff M.I. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. В.; Leipzig, 1931. S. 53—56.

По-иному подошел к вопросу автор одной из новых капитальных работ по истории правления Августа М.А. Леви. Он считает, что важнейшими мероприятиями по установлению социального порядка в римско-италийском государстве, имевшими наибольшее значение, было наделение земель ветеранов. Исходя из приведенной Августом в его "Деяниях" цифры в 600 млн сестерциев, потраченных им на покупку земель для ветеранов, а также из средней стоимости земли 1 тыс. сестерциев за югер, автор пишет, что Август мог дать по 5 югеров 120 тыс. людей в добавление к 264 тыс. ветеранов, вышедших в отставку в 30 г. до н.э. Кроме того, Август роздал деньгами 400 млн сестерциев 30 тыс. ветеранов для покупки земли. Правда, замечает автор, в условиях развития латифундий наделение ветеранов землей имело значение скорее политическое, чем социально-экономическое, но Август, выступая как патрон всего народа и действуя в интересах имущих, не оставлял без защиты и "маленьких" людей. Так, в пользу крестьян он намеревался отменить фрументарные законы для предоставления городской бедноте субсидии деньгами; в пользу городской бедноты был принят "Закон Юлия об анноне", устанавливавший максимальные цены на зерно, но зато финансовая политика Августа и обилие чеканенной при нем монеты обусловили снижение процентов на заем долгового процента с 12 до 4%, что облегчало положение как должников из числа мелких землевладельцев, так и арендаторов. В общем, считает М.А. Леви, Август развивал начинания Гракхов в области аграрных и фрументарных мероприятий, а также в сфере оживления денежного обращения³.

Один из ведущих специалистов по социально-экономической истории Рима, Ф. де Мартино считает, что мелкая крестьянская собственность не исчезала, хотя к сообщению Августа о наделении земель 300 тыс. ветеранов предлагает отнестись осторожно. Неясны размеры наделов. С одной стороны, Тенни Франк определял их в 8—10 югеров, и действительно, Август не ставил целью уничтожение латифундий и новые латифундисты выходили из числа его сторонников и соратников. С другой — в известной Велейской таблице наделы первоначальных владельцев, получавших их от Августа (если исходить из их указанной цены и принять стоимость югера в 1 тыс. сестерциев), окажутся от 50 (самые маленькие) до 1600 югеров (самые крупные). В Помпеях наделы насчитывали по 15, 20, 40 югеров, но были и по 80 и по 250⁴.

³ Levi M.A. Augusto e il suo tempo. Milano, 1986. P. 441, 442, 448, 453—456.

⁴ De Martino F. Storia economica di Roma antica. Firenze, 1978. P. 219, 225, 230.

Интересны в связи с нашей темой некоторые наблюдения над аграрной и фрументарной политикой оптиматов поздней Республики, сделанные И. Буркхардтом. Ссылаясь на обширную новейшую литературу о Гракхах, он характеризует Тиберия Гракха как "консервативного реформатора", желавшего возродить нужное для комплектования армии крестьянство. Поэтому его поддерживали такие нобили, как Аппий Клавдий и Муций Сцевола, и консул 132 г. до н.э. Публий Попилий Ленат или консул 128 г. Тит Анний Руф. Один из них мог быть автором знаменитого элогия из Полю, в котором хвалился, что первым заменил на *ager publicus* пастухов на пахарей, выстроил дорогу и основал форум, что могло быть ответом сената на закон Семпрония, попыткой привлечь плебс соответствующими аграрными мероприятиями, противопоставляя себя Гракху. Гай Гракх, по оценке новейших исследователей, ставил своей целью полную реформу всей существующей системы, приспособление ее к новой, обусловленной завоеваниями и притоком богатств ситуации. Оптиматы, противопоставляя его планам различные демагогические проекты, не приводили в исполнение аграрных законов (например, Ливия Друза Старшего об основании 12 колоний, закона 111 г. до н.э.), свели на нет законы Гракхов и не допускали выдвижения новых. Но зато они шли на уступки в деле снабжения зерном городской бедноты, одобряв несколько фрументарных законов (прежде всего, восстановив их после того, как Сулла отменил раздачу зерна), причем автором одного из них был в 63 г. Катон, предложивший раздать по 5–6 модиев зерна 101–120 тыс. плебеев⁵.

Иначе говоря, оптиматы считали нужным расположить к себе городской плебс (за счет раздач зерна, полученного как подать из провинций), но никоим образом не желали поступаться интересами крупных землевладельцев в пользу обедневшего крестьянства — момент, важный для уточнения расхождений между "программами" оптиматов и популяров. Наибольшее число соображений об аграрных законах, в том числе и Августа, содержится в последнем издании капитального труда Бранта о численности италийского населения в период между 224 г. до н.э. и 14 г. н.э.⁶ На основании различных гипотез и подсчетов он доказывает почти непрерывное уменьшение числа крестьян с середины II в. до н.э. в результате

⁵ Burkhardt J.A. Politische Strategien der Optimaten in der späten Römischen Republik. Stuttgart, 1988. S. 32–34, 41–42, 222–224, 232, 249–251.

⁶ Brunt P.A. Italien Manpower 226 B.C. — 14 A.D. Oxford, 1988.

войн, задолженности, переселения крестьян в города в поисках заработков, наборов в легионы⁷.

Реформы Гракхов, по его мнению, не дали стойких результатов, лишь очень ненадолго возрастает число граждан в цензах за счет получивших наделы. Говоря о наделении земель ветеранов Августа, Брант, с одной стороны, сомневается в данных *liber coloniarum* (хотя почему они могут быть недостоверны, не оговаривает), с другой — использует и их, и гипотезы о возможном числе убитых в различных битвах солдат и об оставшихся в живых после Акция претендентах на наделы, считая, что их было не более 30 тыс. Многие другие, так же как лишенные земли граждане, были поселены в провинциях. Затем, за время правления Августа, землю, по его расчетам, получили еще 101 тыс. ветеранов частично в Италии, частично в провинциях, откуда стали набираться солдаты⁸. По расчетам Бранта, наделение земель ветеранов в эпоху гражданских войн начиная с Суллы не вело к росту мелких землевладельцев. Проскрипции Суллы только заменили одних латифундистов другими, ветераны же (Брант считает, что их было около 80 тыс.) занимали место прежних крестьян, лишенных земли за сопротивление Сулле. К тому же сулланские ветераны быстро разорялись, не умея вести дело и роскошествуя, тем более что тогдашние условия вообще были неблагоприятны для быстро бедневшего крестьянства⁹. Также и аграрные законы Цезаря не могли увеличить число крестьян, многие из которых погибли в гражданских войнах; проскрипции триумвиров, как и проскрипции Суллы, также вели лишь к замене прежних латифундистов сторонниками триумвиров, скупавших конфискованные земли, а раздачи ветеранам (Брант считает, что их было не более 50 тыс.) — к замене одних средних собственников другими¹⁰. В общем, заключает Брант, из деятелей эпохи гражданских войн никто, кроме Цезаря, не ставил себе целью увеличить число крестьян, исправить социальное зло, а стремились только в борьбе за власть удовлетворить армию, от которой зависели. Цезарь давал по 10 югеров поселенцам в Кампании и выводил в колонии не только солдат, но и городских пролетариев. Триумвиры и Август давали, как в Волатерре, по 25, 35, 50, 60 югеров или даже 1/3

⁷ Правда, он на основании сопоставления цензов замечает, что число граждан ко времени Гракхов не уменьшилось, что как будто опровергает сведения о массовом разорении, но предполагает, что в ценз могли вноситься и немущие, и колонны, а не только собственники (с. 72). Но, как уже упоминалось, данные археологии тоже расходятся с данными о разорении крестьян.

⁸ *Brunt P.A.* Op. cit. P. 237—241.

⁹ *Ibid.* P. 307—311.

¹⁰ *Ibid.* P. 321—328.

центурии. О делении центурии на три части при ассигнации земли пишет Гигин, хотя, возможно, он имел в виду наделы центурионов. Учитывая разноречивые данные о числе колоний триумвиров и Августа в "Деяниях Августа", а также списки колоний у агрименсоров и их упоминания у других авторов, Брант считает невозможным установить точное число колоний, но можно полагать, что примерно их было 44—50¹¹.

Брант опровергает мнение о преобладании в римской армии добровольцев, доказывая, что вербовка солдат была принудительна и способствовала упадку крестьянства начиная с войны с Ганибалом и особенно в период гражданских войн, когда армия поглощала до 25% мужчин¹². Отмечает он также пагубную для мелких и даже более состоятельных землевладельцев широко распространенную практику насильственного захвата участков вооруженными бандами их богатых соседей и бессилие противодействовавших ей законов и интердиктов¹³. Как видим, мнения современных исследователей об аграрной политике деятелей от Гракхов до Августа и о ее влиянии на положение крестьянства разноречивы.

Конечно, найти бесспорную истину, учитывая не только состояние источников, но и дополнительные трудности, внесенные их современной критикой (например, сомнения в *liber coloniatus*, хотя надо полагать, что агрименсоры по роду своей деятельности были более осведомлены о римских колониях и вообще об ассигнации земли, чем их современные критики, или столь же мало обоснованное сомнение в том, что Август, по его словам, основал в Италии 28 процветающих колоний), невозможно, но все же можно упомянуть некоторые обстоятельства. Август в своих "Деяниях" явно избегает упоминания о времени проскрипций и их результатах, поскольку и он, и его сторонники старались предать забвению и время террора, и роль в нем Октавиана. Роль эта сводилась к набору войска для восстановления свободы угнетенной господином *factio* Республики с согласия сената и народа и наказанию убийц Цезаря (RGDA. I—II). Он говорит о более 300 тыс. поселенных в колониях или их муниципиях, получивших земли и деньги в знак признания их заслуг (III.3). В свое третье консульство (29 г. до н.э.) он роздал по 1000 сестерциев каждому солдату в колониях (XV.3). Дважды он дал муниципиям землю, купленную для солдат, всего 600 млн

¹¹ Ibid. P. 331—344; 608—610.

¹² Ibid. P. 415, 426, 512.

¹³ Ibid. P. 551—557.

сестерциев за землю в Италии и 260 млн сестерциев за землю в провинции. Четыре раза — в 7, 6, 3 и 2 гг. до н.э. — он давал деньги ветеранам, оставшимся в своих муниципиях, всего 400 млн сестерциев (XVI.1–2). Август имел в виду свои раздачи после битвы при Акции, после которой он демобилизовал легионы свои и Антония. Затем он предпочитал не селить ветеранов одного легиона всех вместе, а давать деньги им на покупку земли в тех муниципиях, из которых они происходили и куда возвращались после отставки. Из надписей известно несколько ветеранов Августа, занимавших должности магистратов в городах и тративших свои средства на городские нужды. Но вряд ли это дает возможность заключить, что триумвиры и Август имели целью только пополнить число муниципальных собственников ("городской буржуазии", по Ростовцеву), составлявших сословие декурионов, и что крестьянство от их действий ничего не выгадало.

Здесь, естественно, возникает вопрос о размере наделов ветеранов. Точных данных у нас нет, так что, как мы видели, этот вопрос спорный. Де Мартино полагал, что ветераны получали по 5 югеров, другие исследователи — что их наделы равнялись имениям средней величины и наделам декурионов.

Действительно, вряд ли упомянутые у агрименсоров наделы в Волатерре были каким-то исключением, так же как и надел в 1/3 центурии. Известно, что нередко ветеранам давали имения с домами, инвентарем и рабами прежних владельцев, и, очевидно, они превосходили обычный крестьянский надел. Ветераны в качестве покупателей участвовали в аукционах по распродаже земель проскрибированных, причем иногда на такие аукционы допускались только солдаты, так что представление о замене одних латифундистов другими, по дешевке скупавшими конфискованные земли, не совсем обоснованно. В Велейской таблице, как уже упоминалось, первоначальные наделы, данные колонистам при Августе, весьма различны по размерам, некоторые совсем мелкие. Так, некий Марк Антоний Приск среди других имел два Альбонианских Вибуленских имения и еще два Антонианских общей стоимостью в 18 тыс. сестерциев, и он же заявляет о двух других имениях в 49 658 сестерциев, трех имениях в 32 тыс., четырех имениях стоимостью в 46 тыс. и одном имении ценой в 35 тыс. сестерциев (CIL. XI.1147.35). Луций Сульпиций Вер среди других своих владений закладывал и имение Луцилионское Дицианское стоимостью 40 тыс. сестерциев (Ibid. 11). Марк Моммей Персей среди многих других имений в 20–30 тыс. сестерциев закладывал и Валерианское имение за 85 тыс., имение Старый Кабардион за 210 тыс., имения

Гранизийское и Фурианское Мунитийское за 12 тыс., Сатрианское имение за 56 тыс. (Ibid. 13). Гай Антоний Салин закладывал Валерианское имение стоимостью в 74 тыс. (Ibid. 23). Марк Варий Феликс заложил два имения общей стоимостью в 24 тыс. и еще одно стоимостью в 12 тыс. (Ibid. 22). Гней Антоний Приск среди других владений заложил имение Витурианское Вирианское Сатрианское стоимостью 133 тыс. и имение Миницианское Лаппонианское стоимостью 19 830 сестерциев (Ibid. 28); Минуция Полла среди других закладывала имение Венскианское Тарентианское Домитианское Петронианское стоимостью 35 000 (Ibid. 32).

Как видим, наиболее распространено имение стоимостью 20—30 тыс. сестерциев, т.е., видимо, площадью 20—30 югеров. Есть отклонения в ту и другую сторону, объяснимые, согласно правилам, указанным агрименсорами, качеством земли (почему, скажем, в Кампании, где земля была наиболее плодородна и наилучшим образом возделана, достаточно было 10 югеров, дававшихся Цезарем), а также чином наделяемого — пехотинца, всадника или центуриона. Неоднократно встречаются имения с двумя, тремя, даже пятью названиями, видимо выделявшиеся соответствующему числу лиц, владевших ими совместно. Возможно, здесь действовало древнее правило, предписывавшее соизмерять надел с возможностью получателя его возделывать. Как мы убедились в первой главе, согласно этому правилу некогда были разделены между плебеями строительные участки на Авентине: тот, кто мог построить дом своими силами, получал целый участок, кто не имел такой возможности, получал его вместе с совладельцами, компаньонами по постройке жилья. Возможно, что и колонисты маломощные, не имевшие ни соответственного инвентаря, ни скота, ни достаточно большой фамилии, получали участок в совместную собственность, дабы объединить свои средства для наилучшей обработки земли.

В списках имений в Лигурах Бебианских (CIL. IX.1455) стоимость имений также разнообразна, но в общем выше, чем в Велейской таблице: 60 тыс., 30, 46, 49, 30, 120, 110, 240, 48, 80, 19, 35, 92, 15, 30, 122, 27, 40 и 20 тыс. Однако эти цифры из района Беневента, вероятно, в меньшей степени, чем данные Велейской таблицы, отражают размеры первоначальных наделов, поскольку здесь земля многократно (по свидетельству Плиния — 32 раза) переделывалась, названия имений и их размеры могли меняться. Но данные Велейской таблицы примерно соответствуют размерам участков в Волатерре и разделенной на три части центурии, а также общему впечатлению рассказов о проскрипциях, когда ветераны

получали участки с жилищами, инвентарем и рабами. Соотносятся они и с известным рассказом Горация о некоем Офелле, некогда состоятельном землевладельце, который стал колоном у того, кому было отдано его имение, но не утратил бодрости духа, как подобает мудрому человеку, спокойно относящемуся к ударам судьбы. Наделы ветеранов, очевидно, могли быть и мельче, и крупнее, хотя у рядовых воинов и не достигали размеров имения декурионов. По данным Плиния Младшего, минимальный ценз декуриона равнялся 100 тыс. сестерциев; вряд ли он был намного ниже при Августе, когда муниципальные магистраты уже тратили значительные средства на нужды города и сограждан, должны были поддерживать соответствующий положению образ жизни и дать хорошее образование детям.

Но трудно согласиться с приводившимся выше мнением о практической безрезультатности аграрной политики триумвиров и Августа. Нельзя забывать, что во время проскрипций земли не отбирались у тех, чье имение не превосходило размерами участков, даваемых ветеранам, а значит, не просто новые землевладельцы заменяли старых, но число лиц, владевших соответственными имениями, если не удвоилось, то все же значительно возросло. Как во время проскрипций, так и впоследствии, когда ветераны получали деньги за покупку земли в муниципиях, уже не вытесняя старых владельцев, а приобретая земли, почему-либо оказавшиеся ненужными их владельцам, будь то частные лица или город, и оставленные без обработки.

Несомненно, не лишено значения и приводимое у агрименсоров запрещение иметь земли больше, чем дозволено по эдикту (эдикту основателя колонии, составлявшего ее устав — *lex*), кроме особо заслуженных лиц (*benemerite*), имение которых изымалось из территории города (так называемые *fundi exserti*). Неясно, действовало ли то же правило в муниципиях, также имевших свои *leges*. Но все же на какое-то время рост крупного землевладения был затруднен. *Benemeriti* — приближенные Августа, получавшие от него имения в несколько центурий, составлявших ядро будущих латифундий, были не столь уже многочисленны, чтобы играть определяющую роль в сельском хозяйстве. Август в своих "Деяниях" пишет, что в его правление существовало 700 сенаторов, 83 из которых были консулами (RGDA. 25.3). По сравнению с общей численностью населения Италии (его обычно принимают в 4—5 млн), количество это невелико. Еще меньшим было число самых богатых *benemeriti*, ближайших друзей Августа, таких, как Волузий, Статилий, Бальбы, Клавдий, Нероны, Азинии, Корнелии Лентулы, Мессалы, Пизоны,

Юнии Силаны, Кальпурнии Пизоны, Мунаций Планк и некоторые другие богатые люди не из сенаторов, но нет сведений об их особенно обширных имениях. Известно сообщение Плиния Старшего об исключительно богатом отпущеннике Гае Цецилии Клавдии Исидоре. Хотя он, по словам историка, многое потерял из-за гражданских войн, в составленном в 8 г. до н.э. завещании он перечисляет свое имущество: 4116 рабов, 3600 пар быков, 257 тыс. голов другого скота и 60 млн сестерциев (*Plin. NH. XXXIII. 47.2*). О его земельных владениях речи нет, и скорее всего можно предположить, что пастухи Исидора пасли его стада на летних и зимних общественных пастбищах, на горах, а от быков и их погонщиков он получал доход, сдавая их в аренду малоимущим землевладельцам. (Колумелла доказывал, что поля под зерновыми, редко посещаемые господином, выгоднее сдавать в аренду колонам, так как рабы без надзора работают небрежно, портят скот и сдают быков на сторону, следовательно, практика аренды пахотных быков была достаточно распространена.) Значит, могла быть какая-то категория людей богатых, но не имеющих собственной земли и в первую очередь заинтересованных не в приобретении таковой, а в сохранении достаточной площади *ager publicus* для зимних и летних пастбищ. Расположенные на горах в отличие от пахотной земли в долинах и земель под виноградниками на небольших холмах, эти пастбища не шли в наделы ветеранам и другим получателям земельных участков¹⁴ и не входили также в состав латифундий сторонников Августа.

И все же нет достаточных оснований считать столь незначительными результаты аграрной политики триумвиров и Августа. Из приведенных, конечно далеко не исчерпывающих, данных можно предположить, что эта политика имела существенные последствия. К таковым можно отнести: 1) конфискацию и дробление огромных владений, которые возникли после проскрипций Суллы и были населены многочисленными колонами, находившимися в клиентской зависимости от таких известных собственников, как Домиций Агенобарб, Помпей, Красс;

2) образование новых владений ближайших сторонников и соратников Августа, которые стали ядром развивавшихся при Империи латифундий, но первоначально не столь обширных (как уже упоминалось, агрименсоры говорили о пяти центуриях, т.е. 1000 югеров);

¹⁴ Возможно, что этим объясняется различие у агрименсоров между *pagi* и *montes*: основатель колонии, если ему приходилось брать недостающую для наделов колонистов землю из другой территории, указывал, из какого *pagus* или *mons* взята эта земля. Расположенная на горе, она могла относиться к *ager publicus* для пастбищ.

3) рост количества имений в 100—150 югеров, которые раздавались центурионам и всадникам, составившим ядро сословия декурионов, владельцев вилл и рационально поставленных рабовладельческих хозяйств;

4) увеличение за счет раздач земель ветеранам и сохранения земли за владельцами, чьи участки были не больше, чем ветеранский надел, числа как имений в 20—40 югеров, так и меньших наделов в 10—15 югеров, т.е. хозяйств более или менее зажиточных крестьян;

5) крестьянские, но не подвергшиеся центуриации и лимитации суммарно измеренных земель с естественными границами участки в общинах пагов и сел; они не были затронуты переменами, хотя, конечно, отдельные общинники могли и пострадать от неизбежных в гражданских войнах грабежей и насилия, могли вступить в армию и или погибнуть, или как ветераны получить большие и официально закрепленные за ними наделы.

Видимо, в целом при Августе завершился процесс, начатый предложенными Гракхами реформами. Как уже отмечалось, обычно вслед за Плутархом цель реформ видят только в восстановлении боеспособной крестьянской армии, почему некоторые историки называют Тиберия Гракха "консервативным реформатором", хотя за Гаем Гракхом признают более широкий ум, более решительные планы общих реформ. Однако, кроме упадка армии в результате разорения крестьян и отчасти роста значения всадничества как носителя денежного хозяйства, общая обстановка в ее связи с планами Гракхов и начатой ими борьбой оценивается недостаточно полно.

Несомненное развитие товарно-денежных отношений и товарного производства обуславливало углубление разделения труда и повышение качества и разнообразия продукции. В сельском хозяйстве, как мы видели, осваивались новые культуры. В ремесле все в больших количествах производились не только усложнявшиеся орудия производства, оружие, одежда, обувь, но осваивалось и производство предметов роскоши. Из надписей конца II и I в. до н.э. мы знаем, какая специализация уже возникла в ювелирном деле, парфюмерии, выработке тканей, окрашенных пурпуром, вышитых цветными и золотыми нитями, изготовлении посуды из драгоценных металлов и в художественной керамике. Колоссально выросло строительство общественных и частных зданий и, соответственно, потребность в кирпиче, черепице, мраморе и изделиях из мрамора и т.д. Хлеб, прежде выпекавшийся в домах, стали покупать у мастеров-хлебопеков и кондитеров, появились и специалисты-повара, нанимавшиеся для приготовления блюд на общественных и

частных празднествах, трактирщики, цирюльники и многочисленные крупные и мелкие торговцы сельскохозяйственной и ремесленной продукцией.

Все эти люди из свободнорожденных плебеев и отпущенников, посланных на заработки или поставленных ведать мастерскими и лавками рабов, образовывали массу населения Рима и других значительных городов, таких, как Капуя, Минтурны, Путеолы, Синуэсса, Помпеи и многие другие. Полагать, что горожане состояли исключительно из бедноты — люмпен-пролетариата, рассчитывавшего только на подачки от магистратов и частных лиц, можно, только игнорируя огромное число надписей и полагаясь на римских моралистов, которые обличали ленивцев, только и знавших, что сидеть в цирке и хлопать в ладоши вместо того, чтобы занять руки работой. На самом деле основную массу горожан составляла не безработная беднота, а именно мелкие торговцы и ремесленники. Их неоднократно упоминает Цицерон в качестве и мятежных сторонников Клодия в его коллегиях, и "черни", бесчинствовавшей на Форуме, куда, заперев мастерские и лавки, их владельцы устремлялись при всяком намечавшемся скандале.

Римская гражданская община, естественно, не могла не реагировать на новые явления в своей жизни и оставить без внимания эту новую категорию своих членов, тем более что ремесленники были ей необходимы и испокон веку считалось, что ремесленные коллегии (по преданию, основанные Нумой) работают для общей пользы. В коллегии организовывались теперь не только ремесленники, но и оторвавшиеся от своих фамилий, занятые в ремесле и торговле отпущенники и рабы. В них они воспроизводили некое подобие фамилий, или общин — с магистрами, министрами, общинными трапезами, поскольку человек тех времен не мог стоять вне какого-то коллектива, вне культа общего этому коллективу божества. Занятые полезным для граждан делом, горожане должны были обеспечиваться общиной хотя бы в минимальной степени, вот поэтому фрументарные законы, начиная с закона Гая Гракха, не отменялись надолго и каждый раз возобновлялись в том или ином виде.

Как известно, раздачи дешевого, а затем дарового зерна не обеспечивали потребности получателей в других видах продуктов питания (как минимум, овощах, масле и вине, не говоря уже о мясе и рыбе) и, конечно, в одежде, жилье и т.п. Для обеспечения городских плебеев сельскохозяйственными продуктами, а крестьян и более крупных землевладельцев ремесленной продукцией, уже не производившейся в домашнем хозяйстве, надо было в какой-то мере

помочь развитию товарности сельского хозяйства. В этой задаче, как и во многих других, возникавших в разное время перед римской общиной, неразрывно соединялись политические и экономические цели — обеспечение гражданства, носителя политического суверенитета и военной мощи Рима. В большей степени товарным крестьянское хозяйство могло стать с увеличением крестьянского надела и укреплением прав на него. Участок в 30 югеров позволял оставлять часть земли под паром и разнообразить культуры, обеспечивая как фамилию хозяина, так и городского покупателя. Кроме того, он позволял завести помимо пахотных быков и нескольких коров, овец, коз, свиней, а также домашнюю птицу, крольчатник и рыбный садок для продажи продуктов на рынке. Это давало возможность достать деньги для покупки ремесленных изделий, для снаряжения в армию сыновей и т.д. Но такая мера не только задевала интересы лиц, имевших на *ager publicus* владения, превосходившие некий максимум, но и нарушала восходивший к "нравам предков" уклад, при котором крестьянин имел небольшой надел и пользовался дополнительно общинными землями пага или села и общественной землей римского народа; в то же время осуществлялся некий выгодный для нобилей симбиоз крупного землевладения знати с мелким крестьянским. Последнее поставляло для рабовладельческих вилл необходимую дополнительную рабочую силу — поденщиков, кабальников, политоров, колонов. Владельцы этих вилл расширяли свои владения за счет как оккупации *ager publicus*, так и присвоения силой или за долги земель соседей.

В соответствии с этим и предложения Гая Гракха о подрядах на строительство дорог и о поощрении интересов всадников должны были повысить роль денежного обращения и облегчить доставку товаров на рынки как крестьянам, так и ремесленникам и торговцам. Наделение земель ветеранов Мария, Суллы и Помпея оказывало действие в том же направлении. Особенно показательна в этом отношении политика Цезаря. Он не только особенно строго соблюдал изданный им новый закон о роскоши, но запретил иметь в доме более 60 тыс. сестерциев, с тем чтобы остальные суммы были вложены в какое-нибудь дело, что стимулировало рост количества денег в обороте. Ему же, видимо, принадлежал и *lex Julia de cessione bonorum*, который позволял должнику, передав все свое имущество кредитору, сохранить свободу и право на то, что он сможет приобрести впоследствии. Как уже говорилось, этот закон на какое-то время ликвидировал кабалу. Не случайно Варрон писал, что аддикты имеются не в Италии, а в провинциях.

Точно не известно, кому, Цезарю или Августу, принадлежит "Закон Юлия об анноне", запрещавший поднимать цену на зерно сверх определенного максимума. Как известно, и тот и другой сокращали число получавших зерно по фрументарным законам, возможно, за счет отправки части римских плебеев в организуемые в провинциях колонии. Но число получателей зерна было еще достаточно велико — 150—250 тыс. человек. Они снабжались за счет поставок из провинций, и колебание в численности получателей не могло задеть интересы землевладельцев Италии. Однако раздачи имели место только в Риме. В других городах, а также в таких небольших центрах, как форумы, концилиабулы и префектуры, где тоже имелись ремесленники и мелкие торговцы, обслуживавшие соседних земледельцев, хлебных раздач не было. Только время от времени местные магистраты, декурионы и просто богатые люди устраивали для народа угощения, раздавали зерно, масло и т.п. Закон же об анноне охранял интересы городских плебеев в таких не обеспеченных раздачами центрах. Правда, он мог быть не выгоден земледельцам, которые рассчитывали нажиться на повышении цен на зерно в неурожайные годы, но все же скорее крупным собственникам, которые засевали зерном для продажи большие поля, нежели крестьянам, вряд ли имевшим значительные излишки для продажи сверх того, что шло на прокормление собственной фамилии.

Как известно, Август заботился о популярности своего режима среди городского плебса, отпущенников и рабов, занятых производительной деятельностью, тем, что объединял их в коллегии культа компитальных Ларов и своего Геня. Ежегодно выбиравшиеся в римских кварталах и италийских городах магистры и министры коллегий должны были тратить известные средства на нужды культа (совместные трапезы и т.п.), а значит, они принадлежали не к числу неимущих люмпен-пролетариев и паразитов, а к людям обеспеченным — ремесленникам, торговцам, мелким подрядчикам, служащим при магистратах и аукционах, т.е. людям при гражданской общине необходимым, которые должны были быть защищены.

Следовательно, и в этом плане Цезарь и Август продолжали и развивали политику Гракхов, разумность которой, очевидно, еще и в их времена понимали и некоторые представители нобилитета. В результате ее осуществления сложилось некое равновесие внутри отдельных отраслей экономики и между ними — равновесие, обусловленное развитием товарного производства и денежного обращения, которое стимулировалось постепенным увеличением ко-

личества чеканившейся монеты, особенно возросшего при Августе¹⁵.

В сельском хозяйстве существовали сравнительно немногочисленные латифундии (видимо, в среднем размерами в 1000 югеров, т.е. в соответствии с земельным максимумом Гракхов)¹⁶ наряду с виллами средней величины (размеры их различались в зависимости от качества земли и положения получивших или сохранивших их владельцев) и с крестьянскими хозяйствами (также различных размеров: от 10—12 до 30—40 и более югеров, приближавшихся к виллам); в городах также существовали немногочисленные крупные предприятия типа мануфактур и деловых товариществ наряду со средними и мелкими мастерскими и лавками. Эти ячейки были равным образом связаны с рынком и неизбежно нуждались друг в друге, а потому шли на взаимные уступки, в первую очередь в регулировании цен. Вместе с тем и в сельском хозяйстве, и в городском производстве при всем развитии рабства и вольноотпущенничества сохранялась потребность в труде вербовавшихся из свободных, недостаточно обеспеченных или вовсе не обеспеченных работников. Владельцам имений нужны были батраки и поденщики в страдную пору, арендаторы (колоны, политоры), ремесленники, нанимавшиеся для разных работ поодиночке и артелями, поставляемыми подрядчиками. В городах осуществлялся наем подсобных работников в мастерские, для строительства зданий и дорог, на разные подсобные работы (носильщики, погонщики мулов, перевозящие грузы и т.п.).

И в сельском и в городском хозяйстве потребность в такой дополнительной рабочей силе могла удовлетворяться за счет крестьян, продолжавших жить в сельских общинах (селах, пагах, кастеллах) на суммарно измеренной и отведенной общине земле¹⁷.

Паги сохраняли свое значение и после всех изменений, имевших место в результате действий триумвиров и Августа. Так, Сикул Флакк, перечисляя разные категории дорог, говорит о *viae vicilanes*, идущих от общественных дорог (*viae publicae*) в поля. За ремонт таких дорог отвечали паги, точнее, магистры пагов, которые обычно требовали у посессоров предоставления для охраны и ремонта дорог рабочей силы. Другие дороги, частные, идущие через земли посессоров, ремонтировались и охранялись посессорами на их же средства (SRF. § 116). *Viae vicinales* именовались так потому, что

¹⁵ Levi M.A. Op. cit. P. 431—439.

¹⁶ Гигин упоминает владения одного человека размерами в 1360 югеров, но как редкость.

¹⁷ По данным агрименсоров, земля в Италии принадлежала колонии или муниципию, кастеллу (см. выше).

вели в села (*vici*) или соседства (*vicinia*). Таким образом, они включались в паги, магистры которых были обязаны следить за дорогами, налагая на общинников трудовую повинность, тогда как частные поссессоры за ведущие в их земли дороги отвечали сами. Далее Сикул Флакк поясняет, что во многих районах некоторые поссессоры имеют владения не компактно, но частями их в различных местах, и между ними располагаются участки других владельцев, а потому проводится много *viae vicinales*, чтобы каждый владелец мог на законном основании проходить к своему участку. Иногда некоторые получают от соседей сервитут, чтобы идти по их земле. Проход через чужие поля устанавливается и там, где у соседей имеются общие и "как бы общественные" (*quasi publicus*) леса, где только они могут рубить деревья и должны иметь к этим лесам свободный доступ (*Ibid.* § 152). Выше уже подчеркивалось, что такая чересполосица обычно укрепляла общинные связи не меньше, чем совместное владение общественными лесами, пастбищами и водными источниками. Паги были обязаны не только охраной и ремонтом дорог, но и другими повинностями проходящим войскам, городам, а также гужевой повинностью. Ответственность за это, повторим, также несли магистры, привлекая к исполнению их сочленов пага. Более того, магистры и жрецы совершали ежегодную люстрацию пага, обходя его территорию по раз навсегда установленным его границам, которые сохранялись и в случае, если паг делился между территориями разных городов (*Ibid.* § 165).

Со временем паг приобретает и значение административного подразделения; скажем, в официальных документах указывается, в каком паге какого города расположено то или иное имение. Но это не противоречит тому обстоятельству, что паг по-прежнему означал также соседскую общину¹⁸ со своими границами, культами, праздниками, собраниями, общественной собственностью, совместно на общий счет возводимыми зданиями и так далее.

Трудно за отсутствием данных сказать, отличалось ли положение крестьян, имевших свои наделы на территории колонии, пага или муниципия, гражданами которых они были, от положения крестьян, имевших землю на территории, торговым и судебным центром которой был кастелл, форум и т.п. Вероятно, какая-то разница существовала, но определить ее точно невозможно, если только не исходить из мнения о большей гарантированности прав крестьянина на участок земли на территории, которая подверглась

¹⁸ Так, восходящее к *pagus* французское слово *paus* (как и испанское *país*) может означать и деревню, и область, и страну.

центуриации и занесена в кадастр, чем на территории, не разделенной официально между совладельцами, вследствие чего границы участков могли меняться без каких-либо официальных процедур — по соглашению между соседями, возможно, с магистрами пагов.

Но как бы ни оценивать значение аграрных мероприятий триумвиров и Августа, не приходится сомневаться, что, так же как и наступивший после гражданских войн мир, они благотворно действовали на италийское сельское хозяйство, и в частности на положение крестьян разных категорий и различного имущественного ценза.

Конечно, это уже не были римские крестьяне "времен предков", и роль их в жизни и структуре общества была иной. Но и в I в. н.э. она была немаловажна, а возможности и защищенность по сравнению с прошедшим столетием значительно укрепились. Преторские интердикты и законы, имевшие целью обеспечить владельческие права поссессоров, были как известно, весьма мало действенны, и захват чужих участков был обычен. Законы же Августа *De vi publica* и *De vi privata*, помимо прочего каравшие и за изгнание кого-либо из его владений, были достаточно надежно подкреплены созданным Августом полицейским аппаратом и судами. Закон о долгах (уже неоднократно упоминавшийся) освобождал от кабалы, тяжело угнетавшей крестьян в первой половине I в. н.э. Теперь должники сами могли решать, отработать ли им долг, сохранив имущество, или пожертвовать имуществом, сохранив свободу. Окончательное утверждение принципа профессиональной армии с определенным сроком службы, в основном на границах Империи, разрушало неразрывную ранее связь крестьянина с военной службой, что на первых порах было для него немалым преимуществом. Лица, получившие сравнительно с прошлым более значительные наделы земли, могли внедрять некоторые новые отрасли хозяйства, включаться в торговлю, становиться, говоря нашим языком, "фермерами", связанными с рынками как местными (в селах, форумах, кастеллах), так и с городскими (в колониях и муниципиях), где был спрос на продукты сельского хозяйства. Вместе с тем, расцвет вилл давал возможность заработка в качестве наемных работников и на виллах, и в городах. Таким образом, экономическое равновесие между сельским хозяйством и ремеслом, нарушенное кризисом римской гражданской общины, в период правления императора Августа восстановилось, хотя и на иной основе.

В значительной мере именно это обстоятельство лежало в основе "золотого века" римской культуры во времена Августа, когда с

новым режимом связывались большие надежды, в некоторой мере оправдавшиеся. Общий настрой сказывался, между прочим, в особом подъеме веры в возможности человеческого разума, что ярко отразилось, например, в "Астрономике" Манилия, прославлявшего способности людей познавать устройство космоса и тайны богов, сумевших "овладеть молнией Юпитера". Отголоски тех же мотивов сохранились и у Сенеки, который в своих "Естественных вопросах" написал, что "мы знаем больше предков, а наши потомки будут знать больше нас", а в знаменитом хоре из "Медеи" он заявлял о будущих открытиях, которые сделают дерзающие исследовать мир люди¹⁹. Уже этот оптимизм подтверждает их искреннее сочувствие основанному Августом строю принципата, опровергая нередко высказывавшееся предположение о том, что поэты времен Августа прославляли его только по обязанности, из "сервилизма", и что тот же "сервилизм" лежал в основе обожествления Августа еще при жизни, посвящения ему святилищ и праздников или формирования коллегий августалов, отправлявших его культ. Хотя, конечно, некоторый нажим или, вернее, поощрение сверху не исключались.

Как известно, одним из лейтмотивов, занимавших значительное место во всех прославлениях заслуг Августа, было вызванное его политикой процветание сельского хозяйства. С ним тесно связаны были и многие иные обязательные элементы идеологии правительства Августа и ее пропагандистов. С возрождением крестьянства связывались восстановление "нравов предков" — семейных добродетелей, скромности, умеренности, реанимация древних культов, в основном происходивших непосредственно из культов аграрных, необходимых земледельцу и пастуху, а также подчеркнутое уважение к власти римского народа, который обязан ею доблести предков, и к самим этим предкам, к истории римского народа и его великим людям, "императорам, ходившим за плугом".

Свое отражение все эти моменты нашли, как известно, в творчестве поэтов и писателей времени Августа. Особое место в связи с "крестьянской" политикой принцепса занимают "Буколики" и "Георгики" Вергилия. Мнения в обширнейшей литературе, посвященной им, высказываются самые разнообразные. Для нас важны предположения о том, какого читателя имел в виду Вергилий, особенно когда он по инициативе то ли Мецената, то ли собственной писал "Георгики". Так, В.И. Кузищин, подробно анализируя

¹⁹ Подробнее об этой стороне идейной жизни времен Августа и его непосредственных преемников см.: *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 193, 197 и след.

содержащиеся в поэме советы по земледелию, виноградарству, скотоводству и пчеловодству, доказывает, что Вергилий имел в виду хозяйство крестьянина типа Симила из "Моретума" — небогатого, мало связанного с рынком, живущего, в общем, натуральным хозяйством, за счет труда своей семьи и, возможно, одного-двух рабов²⁰.

На иной позиции стоит известный французский исследователь римских агрономических трактатов Р. Мартен, уделивший много внимания "Буколикам" и "Георгикам"²¹. Он согласен с теми, кто считает, что Меценат подсказал Вергилию только тему III книги — о скотоводстве, которое интересовало его как латифундиста. Остальные части "Георгик" Вергилий, по мнению Мартена, писал по собственной инициативе, обращаясь не к бедным крестьянам, а к тем же, для кого писал Варрон, — к богатым образованным собственникам рабовладельческих вилл, преследовавших главную цель — максимальный доход; хотя, замечает автор, в отношении Вергилия могло проявляться и исконное противоречие между землевладельцами и собственниками огромных стад. Вергилий решительно стоит на стороне первых, ценя выше всего труд земледельца, будь то крестьянин или богатый муниципальный советник. Всему классу сельских жителей он приписывает любовь к миру, мудрость, даваемую близостью к природе, ориентацию на Италию, а не на заморские земли.

К тем же богатым и образованным читателям были обращены "Буколики", персонажи которых, доказывает Мартен, не рабы, не крестьяне, а некие лишенные всяких реальных черт "пастухи" и "земледельцы". От "Буколик" до "Георгик" (хотя они и связаны) Вергилий, по мнению Мартена, прошел долгий путь, приведший его к доктрине труда. Провозгласив, что Юпитер сменил золотой век железным, чтобы заставить людей трудиться для их же пользы, Вергилий, пишет автор, пошел против всей античной концепции труда как зла. Ни у кого другого сходной с Вергилием концепции нет; только он соединил противоречивые темы "золотого века" и прогресса, показал разницу между неподвижным, данным свыше счастьем и радостью все новых побед и достижений, что для Вергилия непосредственно связано с сельскохозяйственным трудом и даваемыми им наградами и радостями. Свою теорию Мартен заключает восторженным панегириком Вергилию как величайшему и

²⁰ Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье I в. до н.э. — I в. н.э. М., 1973. С. 11—52.

²¹ Martin R. Recherches sur les agronomes latins et sur leurs conceptions économiques et sociales. P., 1971. P. 165—210.

единственному мыслителю античности, понявшему, что человек трудом должен преобразовывать природу и себя, что надо не только объяснять мир, но и его переделывать.

Вряд ли можно согласиться с интерпретацией Мартемом Вергилия как почти марксиста. Но важно, что он связал действительно уникальную концепцию смысла смены золотого века железным со всеми элементами августальской идеологии и пропаганды, обусловленными решением аграрного, а особенно крестьянского, вопроса. Правда, при всей оригинальности Вергилия его концепция поисков и свершений близка к упоминавшейся выше линии Манилия, Сенеки и других мыслителей, так или иначе отражавших общий настрой оптимистической веры в возможности человеческого разума. И труд отнюдь не всегда трактовался только как проклятье. Общеизвестна теория "левых" киников, провозглашавших очистительную силу труда (соответственно, например, трактовался Геракл как вечный труженик, очистивший Авгиевы конюшни, чтобы доказать, что никакой труд не презренен). Общим местом стало восхваление труда земледельца, а также афоризм, который гласил, что боги помогают не тому, кто молится, а тому, кто трудится, и иллюстрировался примерами прилежного крестьянина, которому Геракл помог вытащить завязший плуг, и ленивого, которому он в помощи отказал, предложив самому потрудиться в поте лица, а уж потом звать бога. Ярким образцом такой же концепции служит и басня Федра о пчелах и трутнях, пытавшихся завладеть их сотами, мораль которой гласит, что продукт труда должен принадлежать тому, кто его произвел.

У Вергилия, конечно, концепция труда выражена с предельной четкостью. Как и его изречение "все побеждает труд" (*omnia vincit labor*), она была связана не только со значимостью земледельческого труда, но и с некоторой эволюцией всего умонастроения эпохи.

Мы, со своей стороны, не беремся решать вопрос о том, какому читателю предназначались "Буколики" и "Георгики". Думается, что в последних, в общем, не так уж много оригинальных (по сравнению с сочинениями других агрономов) и новых важных советов земледельцу, чтобы быть ценным подспорьем любому хозяину, будь то вилла или крестьянский двор. Более вероятным представляется, что "Георгики" были как бы продолжением "Буколик", хотя в несколько ином ключе, но со сходным замыслом: дать некую идеализированную картину сельской жизни со многими реминисценциями греческих мифов, понятий и образов, вряд ли доступных простому крестьянину.

"Буколическая" направленность в разные эпохи в разных

культурах хорошо известна. Обычно она возникала и входила в моду в периоды кризисов в сельском хозяйстве, изменений положения крестьянского населения, обострения его конфликтов с другими социальными слоями. Яркий тому пример — "пастушеская" тематика в литературе и изобразительном искусстве Франции XVIII в., накануне французской революции. Идеализация крестьянства, крестьянской общины, ее религиозности, чистоты нравов была присуща и ряду направлений русской мысли во второй половине XIX в., когда "крестьянский вопрос" особенно обострился. При всей разнице эпох и самих произведений²² в них всегда присутствовали сходные элементы, вызванные сходными условиями: более или менее сознательное отступление от печальной реальности, придание ей "лакировки", сентиментальной "красивости", попытки внушить надежду на лучшее будущее, обусловленную некими залогами прошлого или настоящего, преодолением отрицательного и тяжелого.

"Буколики" вполне соответствуют такой схеме. Однако в них еще живы воспоминания о проскрипциях, неоднократны намеки на людей, проводивших конфискации и передел земель (Vocol. II. 1; VI. 64; IX. 7; 10). Еще "неблагодарными" называются города, по толкованию Сервия (Ad Vocol. I. 34), потому, что они кормятся трудами селян (rustici), а граждане городов над ними смеются и платят им несправедливую цену за их продукты. Но все это маскируется прелестями жизни и любви пастухов и пастушек, с пением, музыкой, любовной магией, праздниками пагов на перекрестках в честь сельских богов (III.3), а, главное, надеждами на Августа (тогда еще Октавиана Цезаря) и верой в "золотой век", который, судя по знаменитой, хотя и доньне до конца не понятой IV эклоге, должен был вот-вот наступить. Однако за девять лет, прошедших между окончанием "Буколик" (в частности, IV эклоги) и публикацией "Георгик", стало ясно, что "золотой век" не может наступить сам собой, что благополучие получивших и сохранивших земельные наделы людей может быть достигнуто только

²² Ближе всего, как известно, к эклогам Вергилия стоят идиллии Феокрита. В 16-й идиллии, посвященной Гиерону, тот прославляется как покровитель муз, мирной жизни, когда оружие покрылось паутиной и стада пасутся в мире и безопасности, что сходно с прославлением Августа как творца мирной жизни, процветания и сельских радостей. Можно полагать, что пастушеские идиллии Феокрита, связывавшиеся с Сицилией, также были откликом на многочисленные бурные события — тиранию, войны гражданские и внешние, потрясавшие Сицилию в III в. до н.э., — и на приход к власти Гиерона II, который упорядочил положение крестьянства своим податным уставом и включил в свою программу умиротворение и возрождение благополучия земледельцев и пастухов.

напряженным трудом. Видимо, этим и объясняется переориентация Вергилия в "Георгиках" на советы по ведению хозяйства и знаменитое сопоставление "золотого" и "железного" века Сатурна и Юпитера. В своих комментариях к "Георгикам" Сервий, в частности, выделял и мысль Вергилия о необходимости прилагать к природным вещам силу, которая повернет их в лучшую сторону, а если к природе не прилагать насилие (*violentia*), то все придет в худшее состояние, и поэтому Вергилий говорит о победе над всем труда (*Serv. Ad Georg. I. 198*) и что трудом (*industrio*) самые неблагоприятные участки земли можно сделать плодородными (*Ibid. II. 35*).

Вместе с тем, признавая необходимость напряженного и тяжелого труда (например, говоря о *labor improbus* (*Georg. I. 146*) и имея в виду, согласно анонимному комментатору "Георгик", труд огромный и никем не любимый), Вергилий и в "Георгиках" не порывает с мотивами, столь характерными для идеализации сельской жизни в "Буколиках", для ее, так сказать, приближения к простоте "нравов предков". Так, например, он приводит "древние наставления" (*vetera praecepta*) об изготовлении сохи из срубленного хорошего дерева путем приделки к нему нужных приспособлений (*Georg. I. 168*). Вряд ли современные ему земледельцы в условиях развитого ремесла (не только городского, но и сельского) действительно следовали "древним наставлениям" вместо того, чтобы купить плуг, если у них такового не было. С большой симпатией и красочностью описываются сельские праздники в честь Цереры после жатвы (*I. 293*), игры соседей на перекрестках в честь Вакха, когда члены пагов состязаются на призы в хоровом пении и плясках, в шутках и комических сценках, качаются на качелях, надев маски из древесной коры (*Georg. II. 386—387*). Сюда же относятся его знаменитые восхваления жизни крестьянина: он живет вдали от вооруженных раздоров, земля доставляет ему легкую пищу, у него нет роскошного дома и толпы клиентов, он не смотрит с завистью на золото и пурпур, у него надежный покой и досуг среди гротов, ручьев, лугов и мычання быков, сладкий сон под деревом; там с детства привыкшее к трудам юношество довольно малым, здесь Юстиция, покидая Землю, оставила свой след (*Georg. II. 458—474*). Счастлив тот, кто может познать причины вещей и попать все страхи и неумолимый Фатум, но еще счастливее тот, кто знает богов полей, Фавна, старца Сильвана и нимф, его не манят фаски и пурпур (*II. 490—510*). Земледелец своим трудом кормит родину, в его доме царит целомудренная стыдливость, его окружают жена, дети, его стада; он справляет свои праздники на лугу, вокруг костра,

с сотоварищами осушая кратеры вина. Так жили древние сабины, Рем и его брат, так росла сильная Этрурия, так стал прекраснейшим Рим (II. 510—535). Старик, имевший пару югеров, непригодных для зерна и скота, насадил сад, груши и сливы, привил их, завел ульи и, имея некупленную пищу, считал себя равным царям (III. 127—146).

Как видим, здесь присутствуют обычные для идеализации сельской жизни элементы: добродетели и заслуги, ею порождаемые, добрососедские отношения в общине, почитание исконных богов, трудолюбие, простота и чистота нравов, подсказанные самой природой радости, награждавшие за труд.

Этой тематике так или иначе отдавали дань и другие поэты того времени. Проперций советует своей возлюбленной Цинтии уйти из Рима в поле, где нет разврата, где она будет наслаждаться видом простоты бедных земледельцев, скота, пашущих быков, серпа, срезающего гроздь. Там в простом святилище растет сельский плющ и редко несут туда дорогие плоды (*Propert.* II. 19). Сам он небогат, у него нет бокалов, украшенных драгоценными камнями, не пашет для него в плодородной Кампании тысяча упряжек, но он не горюет: равны Крез и нищий, Марий и Югурта (III. 5). В Риме нет ни верности, ни благочестия, все золото сделало продажным — и право и закон; гораздо счастливее сельские юноши, богатство которых — жатва, плоды и цветы; там вожак баран ведет стадо овец и боги и богини хранят поля и очаги в домах (III. 13). Аналогичные черты прослеживаются в элегиях Тибулла. Некто собирает себе богатства, золото, земли, враждует с соседями. Он же, *rusticus*, живет бедно у маленького очага, сажает грозди и плодовые деревья, в поле и на перекрестках (*trivia*) украшает венками камни, приносит венки из полевых цветов и колосьев Церере и дар стражу садов Приапу, а очаг стерегут бедные Лары. Собравшиеся в круг крестьяне молятся о хорошей жатве и урожае винограда. Он рад работать двузубцем, загонять опоздавших быков, привести домой заблудившегося козленка или ягненка, он ежегодно подвергает свой мелкий скот люстрации, молится, чтобы его щадил волки и воры, совершая возлияния молока мирной Палее. Ему не нужны богатство и слава, он не презирает бедную глиняную чашу, сделанную земледельцем (*Tibul.* I. 1). Прекрасна была жизнь в золотом веке, когда не было границ полей и запоров на дверях, дуб давал мед, овцы — молоко, не было войн, войск и ремесленников (*faber* — I. 3). Теперь жажда наживы (*lucra*) заставляет крестьянина впрягать быков в плуг и тяжело трудиться на земле (I. 9). У бедных предков жила верность (*fides*), у них маленький божок из дерева стоял в святилище из глины, по обету ему приносили лепешку, а он давал

колосья и гроздья крестьянам, счастливый принять честную жертву, увенчав голову миртом, тогда как воина ждет смерть и ужасы (I. 10). Селянин призывает Вакха и Цереру, очищая поля по обычаю дедов; в праздник отдыхает земля; плуг, пахарь, быки украшены венками; пряжа изготавливает шерсть. Крестьяне просят отеческих богов отвратить зло от их границ. Сельские боги и поля — наставники жизни, научившие запрягать быков и украшать их; благодаря им люди ушли от дикости, сады стали давать плоды и мед. Мальчики плетут венки Ларам, женщины прядут шерсть, земледелец, идя за плугом, поет крестьянские песни (II. 1).

Увлечение сельской тематикой вызвало насмешку сатирика Персия. Мы видим, говорит он, ремесленников (*artifices*), не умеющих в сатурах хвалить рошу и сельскую жизнь — *rus*. У них все смешано — корзины и очаги, и свиньи, и дымящие сеном Палилий и Рем, и зубастый плуг Цинцинната, которого трепещущая перед быками чернь облакает диктатурой, а ликтор уносит в дом его плуг (*Pers.* I. 69—75).

Косвенно отдал дань моде и Овидий, подробно и с любовью описывая в "Фастах" исконные обряды и праздники, отправлявшиеся фамилиями и соседями в сельской общине, тогда как общегородские праздники описаны у него гораздо бледнее и в значительно большей мере переплетаются с греческими мифами о богах, которым был посвящен тот или иной праздник.

Так, он пишет о празднике после посева, когда земледельцы проводят люстрацию пага и совершают возлияния очагам пага, ублажают мать плодов Теллус и Цереру, моля их охранить посевы (*Ovid. Fast.* 669—694). Для февраля он пишет о приношениях Манам предков на их гробницах цветов, плодов, соли, вина, о священных молитвах у очагов; старуха, окруженная девушками, совершает священнодействия богине Таците: тремя пальцами берет три зерна ладана и бросает под порог и поворачивает во рту семь черных бобов, разбрызгивая вино (*Ibid.* II. 532—587). В день поминовения (*caristia*) за трапезой собираются родные — живые, а умершие выходят из своих гробниц, и с ними присутствует согласие. Они кормят Ларов, разливают вино, молятся, чтобы всем было благо, молятся за Цезаря, отца отечества (II. 617—626). Наутро воздается почесть богу межей Термину, будь то камень или ствол дерева. Соседи подносят ему два венка и две лепешки, крестьянка приносит огонь в черенице, старик разводит костер, ребенок трижды бросает в огонь первинки зерен; преподносят Термину вино и ягненка. Соседство (*vicinia*) собирается за простой трапезой и поет хвалу Термину — хранителю мира и границ (*Ibid.* II. 617—626). По

словам Овидия, он особенно чтит Палилии и подробно описывал связанные с ними обряды (Ibid. IV. 720—805), как и обряды Рубигалий (Ibid. IV. 905—910) — праздников не столько общих для всех граждан Рима, сколько исконно крестьянских. Характеризует он и древний ритуал ночных Лемурий, связанных с молчаливыми подземными Манами предков. Богобоязненный отец фамилии встает ночью, босой, обгоняет идущую ему навстречу тень, трижды оmyвает руки, берет в рот черные бобы, бросает их позади себя, говоря, что искупает ими грехи своих и себя, девять раз ударяет в медь, заклиная тень, и девять раз призывает удалиться отеческих Манов (Ibid. V. 421—444). Говоря о богине Весте, Овидий также в основном останавливается на обрядах, связанных с домашним очагом, а не с общеримской Вестой. Здесь же он рассказывает о "сыне очага" Сервии Туллии, его убийстве, его связи с Фортуной (Ibid. VI. 257—317). Очевидно, что имеется виду популярность преданий о Сервии Туллии как рабе, сыне Лара, любимце Фортуны, блюстителе простого народа, которому он роздал землю, избавив от необходимости работать на других, и был убит по наущению врагов плебса — сенаторов. В этом Овидий придерживается популярной в народной, в первую очередь крестьянской, среде версии о происхождении Сервия Туллия, тогда как Тит Ливий считает его сыном знатной Окризии, попавшей в плен уже беременной, так что сын ее был не рабом, а человеком хорошего рода, как и подобало римскому царю.

Овидий, в своем творчестве обычно рассчитывавший на вкусы "золотой молодежи", видимо, обратился к сельской тематике, которая всегда была или стала ему близкой, а потому дает и соответствующую взглядам сельского плебса историю Сервия Туллия. (Стоит отметить, что Вергилий в изложенном в "Энеиде" перечне римских царей вообще не упоминает Сервия Туллия — упущение загадочное, но скорее всего связанное как-то с официальной идеологией Августа, которой "Энеида" отвечала в наибольшей мере.)

В отношении к крестьянской тематике несколько особняком стоит Гораций, очевидно, слишком независимый, чтобы полностью поддаться влиянию официальной версии, и вместе с тем не решавшийся полностью ею пренебречь, рискуя вызвать неодобрение Мecenата и Августа. В соответствии с требованиями времени он готов осуждать жажду богатства, воспевать суровую бедность Фабриция и Курия Дентата, свою маленькую землю и сельские радости (Od. I. 18—31), счастливую золотую середину (Od. II. 10). Он осуждает новых хозяев земли, занимающих цветами поля, предназначенные

для пашни и оливковых деревьев; не так предписывали жить Ромул и Катон, когда частный ценз был мал, а общественный велик (Od. II. 15). Особенно осуждает он скупца, который все более расширяет свои владения, опрокидывает границу полей своих соседей и изгоняет своих бедных клиентов с земли, на которой жили их предки (Od. II. 18). Он скорбит об испорченности нравов своих современников, столь отличных от победителей Ганнибала и Антиоха — сыновей крестьянских воинов, мотыгой поворачивавших землю, послушных своим строгим матерям и т.д. (Od. III. 18). Как и Овидий, Гораций умилен сельским праздником, Фаунилиями в ноны декабря, когда скот играет на траве, отдыхает бык, отдыхает паг, ягненок не боится волков и пахарь, радуясь, трижды попирает ногой землю (Od. III. 18). Он советует крестьянке Фиделе умиловить ладаном рождающуюся Луну, а Ларов — первинками зерен, тогда посевы и виноград не испытывают болезней. Не следует маленьких богов умиловлять убийствами жертв, лучше чистыми руками увенчать их миртом и розмарином, принести лепешку из полбы с солью (Od. III. 20).

Он благодарит Августа за то, что теперь, в мире, бык идет по лугам, Церера кормит поля, царит верность, законы изгнали несчастье, каждый на своих холмах ведет к дереву виноградную лозу, а затем льет вино в честь Августа и Ларов (Od. IV. 5). Он пишет об Офеле, колоне на маленьком поле, которое прежде ему принадлежало. Когда-то он в обыкновенные дни ел кроме овощей копченую свинину, а если приходил друг, сосед угощал его не купленным в городе, а своими козленком, виноградом, орехами, фигами, вином. Но он не горюет из-за того, что новый хозяин завладел его полем, не чувствует нужды. Природа ни его, ни меня не поставила господином земли. Он меня изгнал и сам будет изгнан своими пороками или тяжбой. Поле ничье, собственность nulli rrogius, а переходит в пользование от одного к другому (Sat. II. 2).

Сельской жизни он противопоставляет трудности жизни в Риме — суету, шум, зависть. Он приводит басню о сельской и городской крысах — последняя расхваливает городские развлечения и утонченный образ жизни и приводит полевую крысу в роскошный дом, где угощает ее изысканными блюдами, но внезапно появляется собака и крысы в испуге убегают, а сельская крыса говорит, что такая жизнь не по ней — она предпочитает свою жизнь в безопасности (Satir. II. 6).

Вместе с тем он зло высмеивает прославление сельских радостей и жизни вдали от дел, на отцовском поле, сельских трудов и их плодов, сельских быков и простых блюд, изготовленных женами,

вкладывая все это в уста "будущего крестьянина" ростовщика Альфия, который произносит похвалы сельской жизни, пряча в иды деньги, назначенные быть данными в рост в календы (Epid. 2). Он рассказывает о цирюльнике Валтее Мене, который получил в дар 7000 сестерциев и столько же в долг и завел хозяйство, но его скот погиб, зерно не уродилось и он просит вернуть его обратно в город (Epist. I. 7). В разговоре со своим виликом Гораций упрекает его за то, что, бывший в городе простым чернорабочим и мечтавший о сельской жизни, тот теперь скучает в имении, столь любимом Горацием, скучает по играм, баням и трактирам; он недоволен тем, что должен пахать запущенную землю, заботиться о быках, в дождь делать плотину, чтобы не было залито поле.

Очевидно, Гораций не мог не видеть преувеличенности и надуманности идеализации сельской жизни и крестьянского труда, нереальности попыток вернуть к нему отвыкших от него горожан. Да и сам он, как известно, неоднократно признавался, что при всей любви к своему имению не может жить без Рима, без своей славы, без покровительства Мецената, что он не только отлично понимает разницу между Римом Ромула и Рема и Римом Августа, но и приветствует видимый во всем прогресс, несмотря на уважение к доблестям "предков", прогресс, между прочим, сказывавшийся и в наиболее близкой Горацию области — поэзии. Она возникла некогда на сельских праздниках в честь сельских богов, когда хоры обменивались с сельской свободой шутками. Но затем жестокие шутки со злобой и яростью стали обращать против порядочных домов (*honestas domos*); тогда в заботе об общем благе стали караться такие песни и страх вернул людей к хорошей речи — *benedicendi* (Epist. II. 1).

Но хотя родилась поэзия среди крестьян, совершенства она достигла только во времена Горация и современных ему поэтов, как показывает он в своем "Искусстве поэзии", говоря о сочетании природного таланта и культуры, умения как обязательной основы искусства.

Возрождение "нравов предков" в тесной связи с возрождением крестьянской основы добродетелей, возвеличивших древний Рим, было популярной частью пропаганды Августа. Наделение сотен тысяч ветеранов землей, широкая колонизация провинций, уменьшившая число неимущих римских граждан в Италии, могли придавать известную достоверность этой пропаганде. Но, конечно, люди мыслящие не могли не видеть, что новый слой созданных Августом земледельцев — отнюдь не римские крестьяне времен "предков".

Частью это были, как уже подчеркивалось, "фермеры", "впрягавшие быков в плуг в поисках прибыли", т.е. связанные с рынком, частью — мелкие крестьяне пагов и сел. Они оказались теперь связаны не столько с еще сохранявшимся *ager publicus roruli Romani*, сколько с общественными землями различных городских и негородских общин, с *comprascia* соседей, общими лесами и холмами-пастбищами. Земледельцы были сильно дифференцированы. Одни по своему имущественному положению приближались к муниципальным землевладельцам, могущим войти в состав декурионов, другие, малоземельные или безземельные, становились колонатами на землях городов и частных лиц. С утратой народным собранием своей роли они перестали участвовать в общегосударственных делах и могли влиять лишь на собрания своих городских и сельских общин. И главное, италийский крестьянин чем далее, тем менее оставался солдатом в имперской профессиональной и дислоцированной на границах армии, что не искупалось службой италиков в преторианских когортах, несмотря на льготные условия службы и более высокое жалованье. Военская добыча, служившая солдатам подпорой в налаживании своего хозяйства после возвращения домой, теперь им не доставалась. А без подобной "подкормки" крестьянские хозяйства, подверженные стихийным бедствиям, неурожаям, эпизоотиям и воздействию денежных отношений, оказывались еще менее прочными, чем в догракханские времена. Все это стало особенно ясно при преемниках Августа, когда начала рассеиваться навеянная его политикой эйфория.

* * *

За наиболее ярко отраженной в источниках борьбой правивших в I в. н.э. императоров-"тиранов" с сенатской оппозицией остается скрытым тот факт, что с установлением Империи продолжалась борьба мелкого и крупного землевладения, в значительной мере влиявшая на отношения между "республиканцами" и императорской администрацией.

Принцепсы, "на которых народ перенес свою власть и величество" (*Inst. Iust. I. 2.6*), получили прежде принадлежавшее римскому народу право верховной собственности на всю, как частную, так и общественную, землю государства и, в принципе, право контроля за ее использованием — действовавшее на всем протяжении римской истории право отбирать у владельца участок, который два года не обрабатывался и не приносил доход, с тем чтобы его взял другой гражданин. Право это некогда обус-

ловливалось стремлением римской общины видеть всю землю возделанной для "общей пользы". В том же были заинтересованы и новые правители римского государства, основную социальную и экономическую базу власти которых составляли владельцы имений разных размеров, граждане и кормильцы городских общин — ячеек и опоры создаваемого ими государства. Между тем, по известным свидетельствам как Колумеллы, так и Плиния Старшего, латифундии с рабами, возникавшие со времен Августа, обрабатывались небрежно и были малорентабельны (*Colum. I. 3; Plin. NH. XVII. 35.32; XVIII 67.10*), как и всякое крупное производство, основанное на труде рабов и требовавшее огромного числа разнообразных надсмотрщиков. К тому же в это время, как известно, владельцы латифундий из числа высшей знати тратили свои доходы не на улучшение и расширение производства, а на непомерную роскошь, которая уже не ограничивалась законами. Повторялась ситуация, знакомая нам по агитации за закон Сервилия Рулла и другие аграрные законы I в. до н.э., — плохо возделанные крупные имения (тогда они возникали в результате проскрипций Суллы и захвата конфискованной земли его приспешниками) предлагалось отобрать и разделить между другими владельцами. Но в эпоху Империи исполнить это могло уже не народное собрание, а заменивший народ император. Обычно близко стоявшие к императорам юристы, которые составляли их совет и занимали высокие должности, все вновь и вновь подтверждали право лишить собственника, или поссессора, фруктуария, арендатора, земли, им не обработанной и не давшей дохода²³.

Даже наиболее богатые и оппозиционные "тиранам" сенаторы в принципе не отрицали соответствующих прав принцепсов. Так, Сенека (*De benef. VII. 4—6*) писал, что по аграрному праву все принадлежит царю, но его достояние разделено между отдельными владельцами, которым оно дано и ассигнировано, так же как есть, например, территория кампанцев, поделенная между соседями пограничными знаками. То же говорил и Плиний Младший в "Панегирике" Траяну, вспоминая "беззакония" Домициана: все принадлежит императору, как пекулий раба господину, но хороший император и хороший господин не отнимают имущество у гражданина, а пекулий у раба. Конечно, подобные дискуссии имели не только теоретическое значение. Императоры конфисковывали земли оппозиционных сенаторов, недовольных утратой сенатом его

²³ Подробнее см.: *Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 49—99.*

прежнего значения и власти. Но и аграрный вопрос как таковой, видимо, играл немалую роль.

Оппозиция против латифундистов была не менее сильна, чем в конце Республики, и не только потому, что они небрежно относились к своим имениям, погрязли в нелепой и расточительной роскоши, но и потому, что они обижали и разоряли простых граждан, крестьян. Аналогичные настроения ярко отразились в сборниках риторических упражнений Сенеки Старшего, Псевдо-Квинтилиана, Кальпурния Флакка, охватывавших весь I век. В среде интеллигенции из высших классов к таким упражнениям в риторике относились с презрением. Скажем, Тацит в "Диалоге об ораторах" противопоставляет красноречие великих республиканских ораторов, рожденное битвами в суде и народных собраниях по важнейшим политическим вопросам, школярским речам на выдуманные, никому не близкие и никого не волнующие темы (*Tac. Orat.* 35—46). Однако Тацит сильно преувеличивал "неактуальность" тем своих современников, так как если они действительно были никому не интересны, то непонятно, почему выступления риториков собирали, как известно, столь большую аудиторию. По словам Квинтилиана, слушатели риториков были трех сортов: те, кто хочет развлечься, те, кто надеется почерпнуть полезные советы, и те, кто хочет составить о деле собственное мнение (*Quintil.* III. 2). Квинтилиан подчеркивает, что слушающие оратора — обычно люди неученые (*rustici*), с ними надо говорить привычными для них словами (*IV.* 1.45; 14.29). Из детей тех же *rustici* — более или менее обеспеченных крестьян — вербовались ученики риторических школ, поскольку изучение права и красноречия стало единственным путем к продвижению в социальной иерархии для людей, не обладавших цензом сенатора, всадника или декуриона. И Квинтилиан, приближенный к "тирану" Домициану (он обучал внуков его сестры), разделял воззрения тех слоев населения, которые одобряли антисенатскую, антилатифундистскую политику императоров I в. н.э. Признавая необходимость изучения греческих авторов, он отдает предпочтение римским, "как и всему римскому вообще", неоднократно выступает против философов, как известно, бывших весьма непопулярными у римского плебса, советует арбитрам постоянно ссылаться на римскую религию и мораль предков и на воплощавших ее римских героев. "Доносчиков" (*delatores*), выступавших в суде против неугодных императорам сенаторов и в сочинениях авторов из сенатской оппозиции, представленных вместилищем всех пороков, Квинтилиан склонен оправдывать, если только они действуют не ради денег, а исполняя долг защищать

республику и принцепса не только от порочных людей, но и от таких, которые сами по себе не плохи, но не соответствуют интересам государства (XII. 1.35; 41)²⁴. Вредными для республики людьми, по справедливости в свое время убитыми, Квинтилиан считал Спурия Мелия, Манлия Капитолийского, Гракхов, Сатурнина, Катилину, Клодия — т.е. всех популяров, поднимавших мятежи, сюда же он причисляет и "ненавистного основателя иудейского учения", видимо подразумевая Иисуса, из-за которого христиане, тогда еще не отделившиеся от иудеев, тоже проявляли непокорность (II. 4.37; 16.5, 7; III. 7.20—21; IV. 11.6). Популяры, выступая защитниками народа, на деле, считает он, стремились к царской власти (IV. 9.13). Так, свои гнусные намерения они маскировали хорошими доводами (III. 8.47). Осуждая мятежи, ведущие ко многим бедствиям — утрате гуманности и юстиции, он вместе с тем признает, что народ ненавидит богатых и их роскошь, жадность, пороки (IX. 9.2; 32; 84; 89). Соответственно, среди тем декламаций Квинтилиан рекомендовал и казус, когда богатый обижает бедного (IV. 5.7). Такие казусы (причем знаменательно, что бедный — всегда крестьянин, а богатый — соседний с ним латифундист) постоянно разрабатывались в сборниках речей.

Выше уже упоминалась "контroversия" Сенеки Старшего, воспроизводившего речи популяра Лабиена против беззаконий "блаженных имущих" (*Sen. Controv. V. 33*). В другой "контroversии" выступает сын убитого богачом бедняка, жалуясь на безнаказанность богачей, окруженных толпой клиентов и паразитов, обижающих бедняков, которые не смеют даже обвинить их в суде (*Ibid. V. 30*). В другом случае богатый сосед поджигает дерево, росшее на участке бедного соседа, якобы ему мешавшее, и вместе с деревом сгорают дом бедняка. Тит произносит речь против богатых, поля которых обширнее, чем города, с водами и рощами; пресыщенный всем, богач развлекается тем, что сжигает дом бедного соседа, и не думает, как мешают всем толпы его рабов, стены его домов, что его бескрайние владения оттесняют бедных от общественных земель. Поля, которые некогда вспахивал народ, теперь заняты эргастулами отдельных владельцев, а их вилики распоряжаются именными большими, чем царства (*Sen. Excerpt. in controv. V. 5*).

В Псевдо-Квинтилиановом сборнике тема обиженного бедняка

²⁴ Взаимоотношения между принцепсами, знатью и "маленькими людьми" отражены в двух эпиграммах Марциала о льве и зайце: лев не лъстится на такую мелкую добычу, как заяц, напротив, он его защищает, и если заяц хочет спастись от укусов собак, то пусть быстро бежит под покровительство льва (*Mart. I. 49; 52*).

развивается еще более подробно. В одном случае богач убивает сына бедного крестьянина (*Quintil. Declam. VIII. 3*), в другом — богач похищает дочь бедного крестьянина, притворившись, что счел ее рабыней, пользуясь безнаказанностью, которую ему дают его огромные поля, многочисленность рабов, серебра и т.п. (*Ibid. 52*). Близка по теме и другая декламация, в которой бедняк, дочь которого выбрали жрицей вместо дочери богача, рассказывает, как тот из мести велел своему параситу похитить его дочь (*Ibid. 301*).

Одну из речей произносит крестьянин, отрекаясь от сына, ставшего параситом у богача вместо того, чтобы честно трудиться на земле деда и отца (*Ibid. 298*). Аналогичные примеры можно было бы значительно умножить.

Особый интерес представляет одна из декламаций Псевдо-Квинтилианова сборника, в которой вся гнусность богача выступает особенно ярко. Речь произносит бедный крестьянин. Его садик соседствовал с садом богатого, и его пчелы летали на цветы богатого; тому это не понравилось, и он отравил пчел; бедный решился привлечь его к суду, хотя судей может удивить подобная смелость маленького человека, но он не может более терпеть жестокости соседа и ему больше нечего терять и незачем жить, если такие дела остаются безнаказанными. У него оставалась только маленькая земля, негодная ни для виноградника, ни для зерна, но ему эта земля и стоящая на ней хижина были дороги, и он жил там вдали от волнений, честолюбия нечестивого века и от дел правления. Некогда вокруг него жили равные ему хозяева и согласное соседство (*vicinia*) возделывало маленькие участки. Но все то, что кормило граждан, стало собственностью одного богача, уничтожившего межевые знаки соседних полей, разрушившего дома и отеческие святыни, и с женами и детьми, озираясь на родных Ларов, ушли старые земледельцы, и возникла неразделенная обширная пустыня (*solitudo*). Сам он еще сохранил свой участок и тяжелым трудом преодолевал сопротивление неплодородной почвы; земли богача отрезали его от пастбищ, и он не мог на старости лет, когда силы его уменьшились, вместо земледелия завести стадо. Ему осталось только развести пчел. Но богач грозно приказал ему не пускать пчел в его частные владения. Бедняк готов был уйти, бросив свой домик, но нигде не мог найти участка, не соседствовавшего с латифундиями богача. Богачи захватывают не только чужие участки, но и сальтусы и леса, превращая их в пустыни, и присваивают себе всю воду. Угнетены ими слабые и послушные, и плебс в рабстве у немногих. Он почитал своего богатого соседа, посылал ему первинки плодов, все лучшее для его стола. Но стада богача заполнили все рощи, его

поля пашут стада быков и такое множество рабов, что их не знают даже вилики. В его житницах зерно целого народа, но все равно бедный сосед и его пчелы в тягость богатому. Он дает своим рабам пекулии, но не терпит, чтобы бедняк хоть чуть-чуть выбился из нищеты. И в таких случаях, заканчивает бедняк, можно ли считать, что у нас есть свобода и равные для всех законы?

Кстати, достойно внимания, что автор речи, противопоставляя рабов с пекулиями свободным бедным крестьянам, вместе с тем повторяет довольно распространенное уже в те времена утверждение о равной природе людей, свободных и рабов, которых только несправедливости войн превращают в добычу победителя, рожденного по тем же законам судьбы, что и они, имеющего душу от того же неба, что и побежденные; не природа, а судьба дает рабам господина — тезис, резко отличный как от утверждения, что есть рабы по природе, так и от противопоставления "не терпящих рабства римлян" другим народам, более или менее легко мирящимся с рабством. Если принять предположение, что данная декламация (как и многие другие) была рассчитана на аудиторию, состоящую из *rustici*, то она показывает, как могло подготавливаться слияние тружеников, независимо от их юридического статуса, в один класс, со временем ставший основным эксплуатируемым классом. Декламация эта наиболее отчетливо показывает, каковы были причины конфликтов мелкого и крупного землевладения: изгнание крестьян с их наделов, захват дорог, ведущих к их участкам, высокомерие латифундистов, требовавших от бедных соседей знаков почтения и покорности и остававшихся безнаказанными за свои злодеяния, что противоречило законности, юридическому равноправию и свободе гражданина, которые составляли основу неписаной римской конституции со времен побед плебеев над патрициями.

Из данных "Декламаций" и сочинений Квинтилиана, в общем рассчитанных на одну и ту же публику, можно сделать и другой вывод: как ни силен был протест против латифундистов, *rustici* были решительно настроены против популяров прошлых времен, аграрные законы которых привели к мятажам и гражданским войнам, бедствия которых были еще хорошо памятливы, особенно современникам Флавиев, пережившим только что гражданскую войну, возникшую после свержения Нерона. Борьбу с несправедливостями и невыгодами латифундий и их владельцев, по их мысли, должны были возглавить императоры, также страдавшие от непокорности, заговоров и поношений представлявших крупное землевладение сенаторов. Отсюда и оправдание Квинтилианом *tex delatores*, которые действовали не из корысти, а защищая республику и

принцепсов, и его слова о людях, возможно, и хороших, но не полезных по теперешним временам, под которыми скорее всего имеются в виду герои сенатской оппозиции, выступавшие против принцепсов.

Насколько мы можем судить, политика правительства I в. н.э. не только поддерживала антилатифундиальную пропаганду, но и опиралась на нее²⁵. Недаром, например, Плиний Старший, близкий Веспасиану и считавший его образцом человека, уподобляющегося богу благодаря своим благодеяниям другим людям, осуждал латифундии и идеалом считал крестьянское хозяйство трудолюбивого рачительного владельца, подобного Фурию Кресцину²⁶. Хорошо известны его постоянные выпады против современной ему роскоши, против толп рабов, калечащих землю, дававшую богатые урожаи во времена, когда свои небольшие участки пахали свободные граждане, его советы владельцам земли работать самим.

Следует заметить, что раскопки последних десятилетий несколько ставят под сомнение данные авторов о столь катастрофическом распространении латифундий, "погубивших Италию". Выше уже отмечалось несопадение результатов раскопок в Этрурии с сообщениями о вытеснении там крестьян рабами богатых землевладельцев, которое поразило Тиберия Гракха, решившего под этим впечатлением начать борьбу за свой аграрный закон. Такие несоответствия набираются и по данным для первых двух веков н.э., хотя точное распределение материалов раскопок по векам не представляется возможным. На территории этрусского города Коза 70% земли приходилось на 19 вилл с многоотраслевым хозяйством и рабами — примерно по 40 человек на виллу. Очень большая вилла, преимущественно скотоводческая, содержала помещения для многих пастухов, колонов, мастерские для производства амфор и других ремесленных изделий. Там же было найдено еще шесть одинаковых вилл, возможно принадлежавших Сестиям, клейма которых на амфорах известны. В общем, не создается впечатления, что одна латифундия вытеснила все остальные хозяйства на территории Пренесты, Анагнии, Тибура и Коры ранее II в. н.э. Сохранялись поселения на холмах и в долинах. Крупные виллы появились лишь во II—III вв.

Например, известно, что в I в. на побережье несколько вилл

²⁵ Против латифундий выступали разные авторы, например Сенека, но конфискаций не одобряли, апеллируя более к моральному чувству богатых, чем отличались, видимо, от крестьян, страдавших от насилий. См.: Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье... С. 152—158.

²⁶ Там же. С. 163—165.

перешли в руки одного собственника, но не образовали латифундии, как и 57 вилл по 80—130 югеров и меньше, может быть зависевших от более крупных. Много было небольших самостоятельных вилл в I в. и в Лации. Значительна концентрация земли в роскошных виллах Кампании; села, хутора и виллы в 80—130 югеров в это время многочисленны на севере Италии. Не подтверждают раскопки и наличия больших пастбищ в Апулии, густо заселенной мелкими владельцами, производившими масло и вино; довольно многочисленны были хутора и деревни в Калабрии. В Бруттии 30% жилищ появляются в I в. до н.э. — I в. н.э. Есть среди них и мелкие, и более крупные, дававшие колонам²⁷. В южной Этрурии наибольшее число поселений и вилл наблюдается как раз в период Ранней империи, причем постоянно они сдвигаются к Риму, где находился самый большой рынок сбыта продуктов. В северной Этрурии было найдено 35% мелких хижин и 43% небольших ферм, однако с каменными строениями, фресками и мозаиками, 22% больших вилл, развившихся частично из более скромных построек; при некоторых существовали святилища, каменоломни, керамические мастерские; иногда несколько (4—9) вилл как бы соединены в одно хозяйство (практика, упоминавшаяся и агрономами). В долине реки Лириса в 100 км от Рима со времен Республики до VI в. н.э. сохраняется примерно одна и та же плотность населения, то же число скромных ферм. Такой же континуитет отмечен для территории Метапонта. Крупные имения располагались большей частью по берегам моря и рек; в отдаленных от побережья местностях мелкие фермы оказывались более устойчивыми. Но в общем материалы раскопок не совпадают с данными античных авторов. Плотность сельского населения поднимала роль местных небольших рынков, с которыми связывается, например, большое количество грубой керамики из локальных мастерских²⁸.

Возникает вопрос, чем можно объяснить такое расхождение между сведениями авторов и результатами раскопок, по существу обнаруживших только одну несомненную латифундию, центром которой была огромная вилла в районе Козы, разными авторами приводимая как пример крупнейшего латифундиального производства? К. Николе высказывал предположение, что какое-то число жилищ, обозначаемых археологами как мелкие фермы, были домами колонов, арендовавших участки у латифундистов, которым

²⁷ Vallat J. Les structures agraires d'Italie // Annales E.S.C. 1987. № 1. P. 196—208.

²⁸ Green K. The Archaeology of the Roman Economy. L., 1986. P. 87—109.

принадлежала вся земля, занятая такими фермами²⁹. Вероятно, в некоторых случаях это имело место, но тогда это были уже не латифундии "со стадами рабов" более многочисленных, чем целый народ, и виликами, "повелевающими территориями бóльшими, чем царства". Кроме того, домики колонов латифундий скорее всего были бы расположены несколькими компактными группами на землях нескольких латифундий; на картах же раскопок "фермы" представляются разбросанными по территории и перемежаются с виллами.

Скорее можно предположить, что, хотя концентрация земли и рост крупных имений, без сомнения, происходили, антилатифундиальная агитация значительно преувеличивала число и роль латифундий. Тем самым оправдывались меры императоров против части наиболее богатых сенаторов и правительство призывалось выступить на защиту крестьянства — опоры и носителей "отеческих нравов". Этим удовлетворялась все более распространившаяся в разных кругах мода осуждать богатство и прославлять бедность, дающую-де независимость (по крайней мере, духовную) от сенаторов и господ, которые имеют власть покупать повиновение людей, даруя им материальные блага или угрожая их отобрать.

Императоры I в. н.э. действительно старались поддерживать крестьянские хозяйства разных размеров разнообразными способами. Более или менее интенсивно продолжались конфискации земель репрессированных сенаторов. Из "Панегирика" Плиния Младшего известно, что "тиран" Домициан делил эти земли между своими вольноотпущенниками и другими приспешниками. Агрименсоры упоминают, что, когда изгонялись "сильные люди" (*rotentes*), их земли делились между сидевшими на них многочисленными людьми — очевидно, колонами, клиентами, прекаристами и т.п. — и что нередко земля, прежде принадлежавшая одному господину и одинаково культивированная, оказывается разделенной между многими владельцами (*SRF. I. S. 129, 161, 164*).

Большой ущерб крестьянскому хозяйству наносили захваты частными лицами общинных и общественных земель, даже отведенных под святилища и священные роши. Об этом сообщают и землемеры. Фронтин писал, что часто общинные пастбища захватывают и возделывают могущественные (*Ibid. S. 19*) или что частные лица захватывают и обращают в поля общественные участки, горы, леса на границах колоний, оставшиеся неподделанными, а в Италии из-за плотности владений поссессоров (*densitas possessorum*) захватывают даже освященные участки (*loca sacra et*

²⁹ Nicolet C. *Rendre à César: Economie et société dans la Rome antique*. P., 1988. P. 68.

religiosa) и даже участки храмов и те места, где предки устраивали собрания, а также такие, которые сдавались за ренту-vectigal (Ibid. S. 56–57). Видимо, положить этому предел намеревался император Клавдий (41–54 гг.), составив новые кадастры, поскольку в *liber coloniarum* упоминаются выдержки из "Комментариев Цезаря Клавдия" и кампанские города по списку округов — *ex libro regionus* (SRF. I. S. 230).

В широком масштабе аналогичные мероприятия провел Веспасиан (69–79 гг.). По всей Империи были составлены новые земельные кадастры и захваченные общественные земли возвращены их коллективным владельцам. К этому времени относится и знаменитый кадастр из Оранжа (римский Араузион), дающий возможность наглядно представить себе, как выглядела размежеванная на центурии территория колонии с ее частными и общественными участками. Надписи из разных мест и упоминания агрименсоров показывают, что изъятие у частных лиц незаконно присвоенных общественных земель проводилось очень последовательно и в широких масштабах³⁰. Одновременно устанавливались границы между отдельными общинами во избежание споров и захватов общинных земель одного пага поссессорами из другого. Видимо, учитывались и земли собственно городских общин и общин соседских — пагов, сел, а также поселений квазигородских — форумов, кастелей, префектур. Упоминаются такие земли, выделенные в размере сальтусов (сальтус составлял 25 центурий — Ibid. S. 158). Сальтусы предназначались для обработки и для общих лесов и пастбищ, но и сами они становились объектами захватов. В Велейской таблице неоднократно упоминается *saltus sive fundus*, т.е. ставший частным сальтус, возделанный и таким образом перешедший в категорию *fundus*. Может быть, проводя лимитацию по распоряжению Веспасиана, агрименсоры возвращали общинам такие незаконно занятые сальтусы.

Нерон и Веспасиан селили ветеранов в колониях. О дальнейшей судьбе 14 колоний Веспасиана неизвестно. Что касается Нерона, то, по свидетельству Тацита, раздачи им земли ветеранам в Капуе и Нуцерии, Таренте и Анции оказались неудачными, так как большинство ветеранов предпочли вернуться в провинции, где они служили в армии. По мнению Тацита, неудача Нерона объяснялась отступлением от прежней практики, при которой в колонии селился целый легион со своим командиром и ветераны благодаря связывавшему их согласию и расположению образовывали республику.

³⁰ Кузищин В.И. Генезис латифундий в Италии. М., 1976. С. 168–171.

При Нероне участки раздавали ветеранам из разных легионов, не знавшим друг друга и потому не образовывавшим настоящей колонии (Тас. Анн. XIII. 31; XIV. 27). Можно полагать, что практика эта объяснялась сокращением службы в армии италийских крестьян. Тацит упоминает недостаток добровольцев для армии. Только преторианские когорты набирались за счет исконных италийских областей: Этрурии, Умбрии, Лация, наиболее старых колоний (IV. 4—5). По данным составленной П. Брантом на основании надписей таблицы, из Цизальпийской Галлии в 41 г. известны 135 легионеров, из остальной Италии — 30. В 41—68 гг. — соответственно 88 и 10, в 68—117 гг. — 58 и 11, в 117—284 гг. — 10 и 4. Преторианцев в 103 г. из Цизальпийской Галлии было 403, из остальной Италии — 435³¹.

Уже начиная с правления Августа армия все больше пополняется за счет римских граждан из провинциалов, предпочитавших после отставки приобретать землю в провинциях, где они несли службу и обычно имели сожительниц из местных женщин, брак с которыми, как и прижитые дети, узаконивался после отставки. Италийское крестьянство, кроме самых бедных (о чем там же упоминает Тацит), служба в армии на далеких границах в течение 20 лет при сравнительно небольшом жалованьи и без особых видов на добычу не привлекала. Точно так же мало пополнялось крестьянское население за счет ветеранов.

В целом поддержать крестьянство императоры I в. н.э. старались не только раздачей конфискованных земель и возвращением городским и сельским общинам захваченных у них частными лицами лесов, пастбищ и сальтусов, но и упорядочением границ между общинами для предотвращения новых захватов земель сел, пагов и общин, имевших лишь общие границы без внутреннего оформления официального размежевания. Уточнялись кадастры для городских территорий с точным указанием, какие участки принадлежат неким частным лицам; какие оставлены городу как целому (без права их продажи или сдачи в аренду); какие земли выделены коллективу граждан для общего пользования или сдачи в аренду, в крайнем случае — продажи; какие из общественных земель и кому сданы в аренду — краткосрочную или долгосрочную, а какие выделены в совместные пастбища группе соседей.

Меры эти были особенно необходимы именно для крестьянских хозяйств, поскольку владелец виллы в несколько сот югеров имел на своей земле и пастбища, и рощу, и водный источник, тогда как

³¹ Brunt P.A. Op. cit. P. 201.

владельцу даже нескольких десятков югеров, не говоря уже об участках в 8—10 югеров, остро нуждался в пользовании общественной землей, а лишившись ее, попадал в бедственное положение крестьянина из приводившейся выше 13-й декларации Псевдо-Квинтилиановского сборника.

По-видимому, с той же политикой связано умножение сервитутов сельских владений (*praediorum rusticorum*). Исконными сервитутами, о чем подробно говорилось в части I, были проезд, проезд и прогон скота через чужие владения по проселочным дорогам. При Империи количество сельских сервитутов гораздо больше, причем большинство из них должны были облегчить хозяйствование на небольших участках. Таковы сервитуты, позволявшие проводить воду через чужие владения, черпать воду на чужой земле, добывать на чужих участках мел, известь, песок и камень, пасти на чужом участке скот и прогонять скот на водопой, отводить на свой участок воду, очевидно, необходимую для полива посадок. В принципе считалось, что сервитуты устанавливаются по взаимному соглашению, но их мог установить претор, а может быть, и другой магистрат, когда это было необходимо, чтобы мелкий надел не оказывался совершенно бездоходным. Как мы знаем, получение дохода (*fructus*) было первейшей обязанностью всякого владевшего или управлявшего имением (мужа, управлявшего имением жены, опекуна или человека, временно действовавшего за наследника, находившегося в отсутствии, и т.п.). Сервитуты должны были помочь крестьянину извлекать из своего надела доход в случае, когда он почему-либо не имел доступа к общественным лесам, лугам, водным источникам, каменоломням, другому строительному материалу.

Спорадически принимались и другие меры в пользу землевладельцев, в том числе и крестьян. Так, при Тиберии в Риме был выстроен овощной рынок (*Tac. Ann. II. 43*). Овощи же были одним из основных продуктов крестьянского хозяйства, шедших на продажу. Тот же Тиберий, по требованию городского плебса снизив цену на пшеницу, продавцам доплачивал по два нумма за модий (*Ibid. II. 87*).

Клавдий, по рассказу Светония, привлек к работе 30 тыс. человек, чтобы осушить Фуцинское озеро, очевидно, намереваясь раздать новую землю для обработки. Веспасиан, по версии того же Светония, часто устраивал богатые угощения, чтобы помочь торгующим на рынке (*Suet. Vesp. 19*). Варрон, в свое время советуя культивировать дорогие овощи, фрукты и цветы, писал, что все это находит хороший сбыт в Риме благодаря постоянным общественным

и частным пирам. Веспасиан, вообще известный простотой своей жизни и не одобрявший роскошь, все же старался дать возможность заработать земледельцам из окрестностей Рима.

Домициан (81—96 гг.) собирался издать эдикт, запрещавший убивать быков (*Suet. Domit. 9*), несомненно, чтобы цены на небожимый крестьянам рабочий скот не повышались из-за уменьшения поголовья. Плиний Старший сообщал, что "предки" карали за убийство быка, как за убийство своего колона; и вообще тема быка как слуги Цереры, находившегося под защитой богини, была весьма распространена в литературе того времени.

Таким образом, можно полагать, что римское правительство I века стремилось как-то компенсировать крестьянину потерю возможностей, дававшихся службой в армии (жалованье, экстраординарные раздачи, добыча, наделение землей после отставки), которые могли и умножить число крестьянских хозяйств, и компенсировать неизбежные в таких хозяйствах убытки (стихийные бедствия, неурожай, эпизоотии, понижение цен на продукты сельского хозяйства и повышение цен на изделия городского ремесла, нужные земледельцу).

Есть основания считать, что для крестьянского, вернее, "фермерского" хозяйства, связанного более или менее с рынком, т.е. такого, какое старались создать и Гракхи и Август, конъюнктура в I веке складывалась благоприятно именно благодаря расширению рынка, обмена с ремесленниками, и не только в Риме, но и в других городах, в это время процветавших, и в поселениях типа форумов, сел и кастеллей, где также имелись свое ремесло и свои местные рынки.

В одной из последних работ по римской деревне Л. Робер на основании данных Колумеллы и Плиния Старшего об удобрении земли (18—24 повозки навоза на 1 югер, при месячной норме 1 повозка от мелкого и 10 от крупного скота) приходит к выводу, что крестьянин не мог иметь нужного количества скота и получать такие, как на виллах, высокие урожаи и мог только-только прокормиться³². Соображение это справедливо для самых мелких участков; более крупные участки, в 20—40 югеров, могли прокормить достаточное количество скота, если на части земли засеивали кормовые культуры — репу, тыкву, свеклу, шедшие в пищу и людям и скоту, а также кормовые травы. По сведениям Колумеллы, например, особенно полезна животным люцерна, и 1 югер люцерны может целый год кормить трех лошадей (*Colum. II. 10*). К тому же скот

³² Robert L.N. La vie à la campagne dans l'antiquité. Roma, 1985. P. 227 et suiv., 240.

можно было пасти на общинной земле, на которой дозволялось и косить сено. Владелец "фермы" имел известные преимущества перед владельцем виллы, которой ведал вилик и другой персонал, надзиравший за рабами. Так, Колумелла считал очень полезным разбирать черенки винограда по сортам, поспевающим раньше и позже, но признавал, что нужная в таком деле тщательность может быть проявлена только самим хозяином, от рабов же ее добиться не удавалось никому (III. 20). Известен приводимый Плинием Старшим пример Ацилия Станелы, сына отпущенника, который продал за 400 тыс. сестерциев возделанный им виноградник в 60 югеров в районе Номенты, где вообще земля была дешева (*Plin. NH. XV. 5. 3—4*). Несомненно, и в исполнении многих других работ, требующих особого внимания и аккуратности (например, в уходе за пчелами или прививке деревьев), работавший сам "фермер" мог обеспечить лучшие результаты, чем вилик или надзиратель за "бригадой" рабов. Недаром одной из тем басен было противопоставление работы хозяина работе рабов, наемников и пришедших помогать соседей.

Тщательность в обработке, как писал Вергилий, могла сделать выгодным и небольшой, не особенно плодородный участок. Некоторое представление о совсем мелких владениях дают обнаруженные в Помпеях незастроенные земли, использовавшиеся под сады и виноградники. Например, к северу от амфитеатра участок в 75 × 85 м (т.е. 6375 кв.м), немногим больше двух югеров, был засажен оливковыми и фруктовыми деревьями между рядами виноградных лоз. Здесь же был трактир, где подавались различные блюда; в доме владельца находились прессы для вина и долины на 1850 литров. На другом участке в 1700 кв.м, т.е. меньше одного югера, имелись огород, цветочный сад и 240 молодых деревьев³³. Конечно, в Помпеях условия для продажи овощей, фруктов, цветов и вина были более благоприятны, чем в местах, от города удаленных. Но и там были трактиры. Судя по надписям, их заводили часто на придорожных участках. Существовали и рынки, где продукты покупали как ремесленники, так и окрестные землевладельцы.

Установить, каковы были цены на сельскохозяйственные продукты, практически невозможно. Они менялись в зависимости от местности, спроса и предложения, моды на те или иные продукты и их качество; так, на одной вывеске на трактире, зазывавшей клиентов, мы читаем, что порция (объем ее неизвестен) простого вина стоила асс, вина получше — 2 асса, а фалернского — 4.

³³ Green K. Op. cit. P. 95f.

Из постоянных сетований Плиния Старшего на роскошь богачей явствует, что какие-то сорта капусты, обычной пищи бедняков, стали настолько изысканными и дорогими, что были доступны только богачам. Но, не имея возможности установить какие-либо надежные цифровые данные³⁴, мы можем, хотя бы приблизительно, судить об открывавшихся в I в. н.э. перед владельцами небольших имений перспективах извлечения *fructus*. Речь идет о весьма значительном расширении набора продукции, способной найти спрос на рынке, причем такой продукции, которая могла быть произведена скорее именно в небольшом хозяйстве, чем в крупных имениях, рассчитанных на оптовую продажу зерновых, вина и оливкового масла.

Плиний пишет, что "люди выдумали" 195 сортов вина, а если учесть и разновидности сортов, то их будет вдвое больше (*Plin. NH. XIV. 29.2*), сортов же винограда он называет 91 (*XIV. 4-13*). Но кроме виноградного вина он перечисляет и множество вин, изготовлявшихся из других плодов (*XIV. 19-66*), например, из груш, фиг, яблок, проса, гранатов, тыквы, мирта, нарда и др. Он пишет о способах посадки оливковых деревьев и называет некоторые их сорта (*XV. 1.1-2; 4.1-2*), а затем говорит о сортах растительного масла (всего 48) из сезама, миндаля, орехов, лавра, желудей, нарда, предназначенного, как и масло из цветов, и для еды, и для ароматных мазей, и для освещения, и др. (*XV. 7-48*). Плиний здесь называет 11 сортов мирта, из которого также изготовлялось масло. Любопытно, что во времена Цезаря масло из мирта было новшеством, многим не нравившимся (*Plut. Caes. 53*); при Плинии оно уже было широко распространено, как и другие масла. Абрикосы, пишет Плиний, известны в Италии 30 лет и сперва 1 штука стоила денарий, а некоторые продавались за 30 сестерциев. Распространились и новые сорта уже известных фруктов, благодаря прививкам выводились пользовавшиеся особым спросом некоторые плоды, прославившие, как пишет Плиний, своих творцов и названные их именами. Это груши, яблоки, вишни, сливы. Некоторые из сортов назывались по месту своего происхождения (*Plin. NH. XV. 15.1-2; 17.2-3; 30.2*). Несколько десятков сортов груш и яблок называет и Колумелла (*Colum. IV. 10*). Примечательно, что ряд сортов вывели отпущенники. Вероятно, они служили вилками, акторами или садовниками у богатых владельцев, где хорошо изучили сельское хозяйство. Получив свободу, они смогли применить свой опыт для собственной пользы, создав нашедшие

³⁴ В упоминавшейся книге Л. Н.Робера автор признает, что его попытки установить размеры доходов с имений различных категорий сугубо гипотетичны и ненадежны.

хороший сбыт сорта. Как мы видели, к этой же категории относился и Ацилий Стенелл. Фруктовые деревья, замечает Плиний, в пригородных имениях дают ежегодно доход в 2 тыс. сестерциев, благодаря изобретению скрещивания деревьев (*Plin. NH. XVIII. 1.6*). Плодовые деревья выращивать и прививать для получения новых сортов можно было и на небольших участках и без большой затраты труда, так что с этим делом мог справиться хозяин со своей семьей. То же относится и к разведению цветов, требовавшихся для изготовления ароматических мазей. Такие мази стоили от 35 до 200 денариев за фунт (*XIII. 3.8*), так что, вероятно, специалисты-парфюмеры (*unguentarii*) платили хорошую цену за нужное им сырье. То же относится к красящим веществам. Обычно они импортировались, и цены на них могли очень сильно подниматься (*XXXIII. 57.3*). Но и для ароматов, и для красителей импортных и дорогих находились заменители, изготавливавшиеся из местных растений, которые также могли разводиться в небольших хозяйствах (*XIII. 4.9; XXII. 1-3*).

Колумелла советует крестьянам не пренебрегать разведением овец, дающих молоко и сыр для стола как простых земледельцев, так и людей утонченных (*elegantium*) (*Colum. VII. 2*), а также доходами от цыплят, голубей и гусей (*VIII. 6; 13; 10*). Он советует сеять лук и травы, служащие приправой к бобам — обычной пище работников, разные сорта капусты, именуемые по городам Италии (*XI. 2*), хрен, репу, тыкву и свеклу (*XII. 3*). Плиний перечисляет сыры многих сортов из молока овец, коз и коров (последний сорт был более редким и употреблялся преимущественно у варваров). Причем сорта различались в зависимости от пастбищ в разных местностях (*Plin. NH. XI. 97; XXXVIII. 34-35*). Очень много внимания (кн. XX—XXII) Плиний уделяет лекарственным растениям, как дикорастущим, так и культивируемым. Можно думать, что сбор и разведение таких трав и цветов могли давать неплохой доход владельцу именно небольшого участка. Его дети могли присматривать за посеянными травами и собирать дикорастущие. По расчетам юристов известно, что некий доход господину мог приносить раб с пятилетнего возраста. Очевидно, и крестьянские дети с малолетства трудились в хозяйстве отца, и сбор трав, желудей и тому подобного мог быть для них как раз подходящим занятием, тогда как в больших имениях такие мелочи вряд ли были интересны владельцу и его управляющим. О доходах от пчельников, доступных и бедному крестьянину, речь уже шла выше.

Подробный перечень различных деревенских продуктов дает Марциал в XIII книге, содержащей эпиграммы, которые сопровождали посылавшиеся им друзьям подарки. Это — напиток из пше-

ницы (alica), он по средствам бедному, тогда как богатый мог подарить сладкий медовый напиток mulsum; бобы — если уметь ими довольствоваться, то можно не принимать приглашений богатых; полба, пшеничная мука, из которой так много всего делает пекарь и повар; овес — его покупают трактирщики и берут для мулов; репа — ее едят приправленной луком и перцем; латук — мы заканчивают трапезу; лук, брюква, капуста, спаржа, свекла, фиги, айва с медом, сливы, сыр из Луки, от вестинских стад из Велабра, из Требуль; оливки, лимоны, свинина из Пиздена, поросенок, козье молоко, козленок, яйцо, куры, грибы, гранаты, персики с привитого дерева, виноград, дрозды, утка, горлица, гусиная печень, кролик, рябчик, куропатка — для богатых, так же как фазан, павлин, журавль, бекас, мурены, палтус, устрицы, морской еж, морской волк, дорада, осетр (эту редкость приносят в дар Цезарю), заяц, кабан, лань, олень, гарум из скумбрии, рассол из тунца, венафрское масло, аттический мед, сицилийский мед, различные вина, из них вино марсийо из района марсов предназначается для отпущенников, а вино из Массилии — для клиентов получателя подарков. Деликатесы, предназначавшиеся для богачей, — это, в основном, либо специально выращенные редкие птицы, либо особо ценившиеся продукты охоты и рыболовства, которые разводились также в особых угодьях леса и рыбных садках, упоминавшихся Варроном. Как мы уже видели, площадь их была невелика и могла быть выделена и не очень богатым "фермером". Остальные же продукты обычны для крестьянских хозяйств. Из других эпиграмм Марциала явствует, что он и другие лица покупали на рынке продукты для подарков и собственного употребления несмотря на то, что имели свои виллы. Так, некто Басс едет с повозкой, нагруженной богатствами, счастливо за город (beati ruri). Он везет капусту, чеснок, лук, латук, дроздов, зайца, поросенка, а яйца несет бегущий впереди курьер. Может быть, Басс едет в Рим? Нет, за город (rus ibat). У Фаустина на вилле полная чаша: с полей приходит приветствовать его крестьянин, неся мед в сотах и сыр; другой несет из леса сонь, третий — козленка, двое колонов приносят дары в корзинках. А вот Бассу в его пригородное имение все доставляет город (Mart. III. 47, 58). Марциал посылает другу птицу, фиги, яйца, козленка, оливки, овощи, и тот, наверно, думает, что все это с его земли (nostra rura), но нет. Все это куплено на Субуре (VII. 31). Одно из преимуществ Испании перед Италией поэт видит в том, что в Испании продукты для трапез происходят из леса и моря, в Италии же — с городского рынка (X. 37).

Некто Цецилий готовится блюда для себя из тыквы и овса; так что на многие блюда тратит не более асса (XI. 51). В другом

месте Марциал, адресуясь к земледельцу, говорит, что амфора вина стоит 20 ассов, модий пшеницы — 4 асса (XII. 86). Обращаясь к некоему Паннику, Марциал пишет, что тот купил несколько югеров и оставил городские владения, тяжбы и небольшой, но верный доход. — Когда ты был в городе pragmaticus (очевидно, доверенным лицом, аукционистом), ты продавал пшеницу, овес, ячмень и бобы. Теперь, став земледельцем (agricola), ты их покупаешь, — восклицает поэт (XII. 72).

Насколько допустимо судить на основании эпиграмм Марциала (какое-то отношение к действительности они должны были иметь, иначе не производили бы впечатления на читателей), покупали сельскохозяйственную продукцию (как простую, употреблявшуюся и самими крестьянами, так и более изысканную) не только горожане, но и владельцы вилл, предпочитавшие обращаться к городскому рынку, а не заниматься самим выращиванием овощей, фруктов, кур, свиней, коз и овец. Такое положение расширяло для крестьянина возможности сбыта. Правда, если судить по тому же Марциалу, цены на простые продукты были невелики и хороший доход от их продажи могли получить только крупные землевладельцы, продававшие большие количества таких продуктов. Но, с другой стороны, в крестьянском хозяйстве и затраты были неизмеримо меньше, поскольку не было поместной администрации, на которую шла значительная часть прибавочного продукта, а потребности крестьянина и его семьи были минимальны. Наконец, крестьянин, а особенно "фермер", мог, при известной предприимчивости и инициативности, на своих 20—40 югерах завести культуры, приносявшие значительный барыш, дополнить их рыболовством, охотой, разведением и сбором растений, шедших на изготовление лекарств, ароматов и красителей, заменявших дорогостоящие импортные вещества. И, как уже упоминалось, раскопки показывают, что в это время часть первоначально маленьких и простых крестьянских домиков перестраивается, расширяется, украшается мозаикой и фресками.

Меры, предпринимавшиеся императорами I в. н.э. для поддержания крестьянского хозяйства и создававшие для него благоприятные условия, еще способствовали продолжению зародившихся при Августе буколических мотивов в творчестве поэтов и художников. Последние известны нам по помпейским фрескам, в это время особенно часто изображавшим идиллические сельские пейзажи, которые упомянутый уже Л. Робер сопоставляет с французской живописью XVIII в.³⁵

³⁵ Robert L.N. Op. cit. P. 121.

Идеализации сельской жизни в противоположность городской отдал дань Марциал (II. 5, 66; XII. 57). Кальпурний издал при Нероне сборник "Эклог", посвященный жизни и труду неких идеализированных сельских жителей. Так, во второй эклоге пастух, садовник и огородник воспевают свои дела — прививку плодовых деревьев яблони к груше, сливы к персику, скрещивание белой овцы и черного барана, сооружение ирригационных систем для поливки овощей. Они поминают богов-покровителей: Флору, Помону, Палес, Ларов, которым приносят первинки садовых плодов, а также Приапа — ему приносят лепешки из муки и мед. Пастух говорит, что тысяча тарентийских овец дает ему шерсть и весь год он прессует сыр; у садовника растет тысяча смоковниц и столько же каштанов.

В третьей эклоге пастух Ликид укоряет некую Филис, променявшую его на Мопса. Ведь у того меньше коз, чем у него быков, коров и телят, и он часто дарил ей горлиц, зайцев, первые лилии и розы. Мопс же беден, кормится жалкими овощами, счастлив, давя между двух камней простой овес. В четвертой эклоге пастух Коридон говорит, что его песня подходит не изысканному вкусу, а "нашему пагу" и, может быть, лучше, чем служить музам, идти в город продавать молоко. Так он думал раньше, но теперь все изменилось благодаря дороге цезаря. Им уже не приходится удовлетворять голод дикой мальвой и желудями, без его доброты им пришлось бы уйти в дальние земли, где течет Бетис и где нападают мавры. Благодаря цезарю земледелец берется радостно за свой труд, может принести Церере первые колосья, Либеру — первое вино, и толпы сытых сельчан аплодируют магистру (т.е. магистру пага), приносящему жертву на перекрестке. Благодаря цезарю можно весело петь, трижды отбивая такт ногой. В мирные леса вернулись Пан, Фавн, Наяды и Ореады. В пятой эклоге старый пастух Микап поучает молодого, как весной выпускать на пастбище коз и овец, принеся жертву Палес, зажечь огонь из трав на алтаре, призвать Гениев места, Фавна, Ларов и принести им лепешку с солью. Он объясняет, как надо доить коз, овец, не допуская, чтобы из любви к прибыли от продажи сыра были обделены ягнята. При стрижке овец не следует смешивать тонкую длинную белую шерсть с грубой короткой черной. Говорит, как надо лечить порезы от стрижки, как ухаживать за животными зимою и т.д. В "Эклоггах" Кальпурния сочетаются черты, взятые из реальной жизни³⁶, с присущей жанру

³⁶ Особенно интересны упоминания прививок деревьев, выведения новых пород овец скрещиванием, проведения каналов — все факты, подтверждающие усовершенствования в хозяйстве "фермеров".

условностью. Крайне интересна благодарность цезарю (т.е. Нерону) за то, что крестьянам не придется уходить в далекую Испанию (очевидно, колонию), а можно счастливо жить и трудиться на родине. Может быть, имелась в виду колонизация Нерона, которая затрагивала не только ветеранов, но и бедных плебеев, а возможно, и проводимые им конфискации земель проскрибированных сенаторов и раздел их между нуждающимися из сельских плебеев — практика, упоминавшаяся агрименсорами.

Однако, несмотря на благоприятные условия, вытекавшие как из политики правительства, так и из общей экономической конъюнктуры, часть крестьян оказывалась в неблагоприятном положении.

Как мы говорили, Варрон писал, что в Италии нет кабальных должников, видимо, потому, что они были освобождены по закону Цезаря о праве должника сохранить свободу, отдав кредитору свое имущество. В течение I в. н.э. в связи с новым обострением долговых вопросов и нарушений закона Цезаря о ростовщичестве (*Тас. Апп. VI. 16—17*) аддикты (кабальные рабы) появляются снова и, очевидно, в немалом количестве. Кабальники, по словам Колумеллы, трудились вместе с закованными рабами в латифундиях (*Colum. I. 9*). В той или иной связи кабальники нередко упоминаются другими авторами I в. Так, Квинтилиан рассматривает в общем не очень осязательную разницу между рабом и аддиктом, отрабатывающим свой долг у кредитора, которому закон повелевает быть в рабстве, пока он не расплатится. Квинтилиан приводит по этому поводу различные мнения (как и мнение о том, можно ли считать рабом ребенка матери-кабальной), что свидетельствует об актуальности вопросов, связанных со статусом аддиктов (*Quintil. III. 6; V. 10; VII. 4*).

Аддикты фигурируют и в риторических сборниках. В одной из декламаций подчеркивается, что кабальный — почти что раб, почти что несвободный; но его природу свободнорожденного не могут изменить никакие превратности судьбы. Закон против неоплатных должников суров, но справедлив, так как без него ничье имущество не было бы защищено.

Надо думать, что аддиктами скорее всего становились крестьяне; должники из высших сословий, естественно, в кабалу не попадали, даже когда подвергались бесчестью как банкроты; городской плебс трудно было использовать на каких-нибудь принудительных работах, поскольку кроме строительства не было таких крупных предприятий, где можно было бы занять неквалифицированных работников. Для аддикта же из крестьян всегда можно было найти работу в крупных имениях. Возможно, должники иногда могли

предпочсть кабалу отказу от своего земельного участка, чтобы не оставить в нищете семью. Во всяком случае, умножение числа кабальных естественно связано с обеднением части крестьян.

Какая-то часть малоимущих крестьян нанималась на работу на виллы, где, как бы ни было развито рабство, силами рабов нельзя было обеспечить выполнение всех работ даже в образцовом рабовладельческом имении Колумеллы. Он уделяет наемным работникам гораздо меньше внимания, чем Катон и Варрон, но они в его трактате все же присутствуют. Так, он пишет, что изобрел инструмент для проверки глубины и ровной отвесности канав, вырытых для посадки винограда. Благодаря измерениям, проведенным этим инструментом, без обид решаются споры между землевладельцем и подрядчиком, так как не исключен обман исполнителей работ (*Column. III. 13*). Он советует сажать виноград разных сортов, поспевающих в разное время, так как в противном случае приходится нанимать большое число рабочих рук за любую плату (*III. 21*), и упоминает о возможном их недостатке (*IV. 6*). Нанимались подсобными работниками и индивидуально, и артелями, сдававшимися подрядчиками. Могли малоимущие крестьяне подрываться и на другие работы. Мелкие владельцы, например, нанимали виликов. Известно, что владельцы имений, если не могли у себя занять делами своих рабов, в промежутки между самыми трудоемкими сельскими работами сдавали их другим господам для разных работ в гончарных и иных поместных мастерских. Могли на такие работы наниматься и крестьяне, особенно знавшие какое-нибудь ремесло. Из сочинения Фронтинуса "О водопроводах" известно, что рабы-ремесленники, обслуживавшие водопровод, постоянно нанимались к владельцам вилл, мимо которых проходил водопровод, для разных работ на виллах. Ремесленники были нарасхват среди мелких владельцев, не имевших возможности купить рабов-ремесленников или обучить ремеслу своих рабов. Крестьянин, умевший произвести некоторый ремонт строения и инвентаря, мог рассчитывать на заработок.

Неимущие и малоимущие крестьяне продолжали уходить в города в поисках заработка. Судя по упоминаниям авторов I в., жизнь в городах, особенно в Риме, для крестьянина была нелегка. Его высмеивали за грубую одежду и неумение вести себя "по-городскому"; жилье, пища стоили дорого; угнетали постоянные крики заполнявших улицы толп, шум и грохот из многочисленных мастерских и т.д. Моралисты, стандартно упрекавшие крестьян за то, что они якобы идут в город потому, что предпочитают занимать свои руки не трудом на земле, а хлопаньем в ладоши в цирке, были

глубоко не правы. Цирки, трактиры, подачки богатых людей, будто бы привлекавшие крестьян, никак не уравнивали минусов городской жизни и работы, на которую они могли рассчитывать, не имея квалификации достаточно высокой, чтобы работать в мастерской, получавшей хороший доход и дававшей приличную плату работникам. Уход крестьян в города был симптомом их обеднения, так же как и рост числа кабальных должников.

В связи с интенсивной колонизацией открывались возможности переселения в провинции. Но, как видно из приводившейся выше экологии Кальпурния, подобная перспектива пугала сельчан. Надо думать, что пользовались возможностью получить землю и начать новую жизнь в провинции только самые смелые и предприимчивые люди.

Еще одним выходом было арендовать землю, стать колоном. Желающие арендовать землю у городов должны были внести определенный залог (известно, что городской магистрат, сдавший землю или другое имущество города, не потребовав обеспечения, привлекался к ответственности). Обедневший крестьянин, конечно, необходимый залог внести не мог и вряд ли находил поручителя (его должен был представить арендатор-подрядчик, словом, всякий, имевший какие-то дела с городом). В кадастре из Оранжа арендатором на городской земле выступают община (поселение племени эрнагиев) Эрнагин, племя сегусиавов и какое-то село, название которого не сохранилось. Подобных примеров аренды целой общиной для Италии нет, но допустимо полагать, что она могла практиковаться, поскольку вообще коллективная аренда хорошо известна римским юристам. В этом случае и арендованная земля, и плата за нее распределялись самими общинниками между собою.

Сдавались в аренду и участки на землях императоров, причем уже в ранней Империи такие арендаторы были в определенном привилегированном положении. Так, Светоний рассказывает, что Клавдий выслал сенатора за то, что, будучи эдилом, тот оштрафовал инквилинов его имений, нарушивших закон, который запрещал продажу горячей пищи, а вступившегося за сенатора вилика высек (*Suet. Claud. 38*). Но в то время, как писал Тацит, императорских имений в Италии было еще мало и они были невелики.

Поэтому колонны в I в. н.э. были наиболее многочисленны на частных землях, причем на землях, разных по размеру и статусу владельцев имений. Колумелла, владевший значительным и оборудованным, так сказать, по последнему слову агрономии имением, советует сдавать колонам, предпочтительно наследственным владельцам в имении, родину дедов и отцов, земли, более удаленные от

хозяйского глаза, низкого качества, требующие больших затрат труда и, в основном, пригодные под зерновые (*Colum.* I. 7). Правда, перечисляя работы, которые "предки" позволяли делать в праздник, он называет и обработку взятого в аренду виноградника (II. 21). Своих вилок и колонов упоминает Сенека (*Sen. Epist.* 123). Марциал перечисляет колонов наряду с рабами на вилле Фаустина в Байях (*Mart.* III. 58), так же как и на вилле Лина Регула, которому из его вилл в Этрурии и Умбрии посылают плоды колоны и вилики (VII. 31).

В I в. н.э. юристы еще много внимания уделяли колонам. Крупные съемщики по контракту на 5 лет или на более длительный срок относились к категории арендаторов любого имущества, и их права и обязанности рассматривались в особом порядке. Мелкие колоны, сидевшие на земле имения из поколения в поколение, когда первоначальный договор (если он и был) давно истек, сближались с клиентами и прекаристами, остававшимися таковыми даже если имение переходило по наследству или продавалось (*Dig.* 43. 261.8. 1—2). Прекарий же считался благодеянием владельца прекаристу и правом, как и всякое "благодеяние", не регулировался. Возможно, в I в. н.э. еще преобладали традиции прежних времен, когда понятия "колоны" и "клиенты" еще не очень четко дифференцировались. Это, видимо, имело место на землях Домиция Агенобарба. Сидевшие на его землях колоны были и его клиентами, составлявшими по приказу военный отряд, что, очевидно, не обязаны были делать колоны, по договору арендовавшие землю. Колоны могли вносить денежную ренту, в залог которой представляли свой инвентарь, и, если дела у них шли плохо, они его лишались и разорялись. Судя по приводившимся выше данным авторов I в., предполагалось, что колоны должны делать хозяину и некоторые подношения в знак уважения низшего к высшему, — такие дары богатому соседу делал и не являвшийся колоном крестьянин из 13-й декламации Псевдо-Квинтилиана (см. выше). Но аренда могла быть также издольной. Юрист I в. Цельс, говоря о деловых товариществах, приводит в пример сдачу поля политору для совместного добывания плодов при общей ответственности обеих сторон (*Dig.* 17.2. 52.2). Правда, политор и колон — несколько разные понятия, но сам принцип издольщины, хорошо известный уже Катону, в отношениях с тем же политором скорее всего переносился и на колонов, когда сторонам это было выгодно.

Мы не имеем данных, чтобы судить, какие хозяйства крестьян оказывались более устойчивыми и богатели, а какие, напротив, беднели, что вынуждало крестьян становиться колонами, прекари-

стами или поденщиками, уйти в город и провинции. Вероятно, это зависело от многих случайностей. Может быть, в целом более надежным оказывалось положение крестьян, которые проживали в общинах, сообща владевших отведенной им землей, где сильнее был принцип соседской взаимопомощи, надежнее были защищены от захватов общественные угодья, а отношения купли-продажи ограничивались местными рынками. На территории более или менее крупных городов с имениями, твердо закрепленными за владельцами, с оживленным рыночным обменом между производителями сельскохозяйственной продукции и ремесленниками и муниципальными собственниками, предпочитавшими покупать, а не производить некоторые продукты земледелия и животноводства, охоты и рыболовства, — на таких территориях возможности у крестьян и "фермеров" были значительно шире. Они могли составить себе известное состояние, но могли и разориться в связи не только с неурожаем, падежом скота и другими напастями, но и с рыночной конъюнктурой. Ибо какие-то продукты входили в моду, и цены на них росли, а спрос на другие падал. Чрезмерное повышение цен пресекалось. Так, при Нероне некто Деметрий, взвинтивший цены на ароматические растения, был обвинен консулами по требованию всех парфюмеров (*Plin. NH. XXIII. 57.3*).

По данным Плиния Старшего и Страбона (в которых нет оснований сомневаться), в Италии I в. н.э. сельские общины оставались (несмотря на рост городов) еще довольно многочисленны. Они существовали в Лации и в Пиценской области, у марсов и вестингов, у маррувиев и в области самнитов; особенно типичны были села в Паданской и Транспаданской областях.

Паги проявляли в это время довольно активную жизнедеятельность. Известны надписи о ежегодных люстрациях пагов (*CIL. IX. 1618, 5563, 5565*). Они совместно через магистратов отвечали за исправность дорог на их территории (*SRF. I. S. 164*), имели свои особенные священнодействия (*Ibid. S. 165*). Магистры пага сдавали в аренду земли пагов (*Ibid.*). В Велейской таблице упоминаются земли сочленов пага Амбитребия (*pagani — CIL. XII. 1147—3414*). Паг Дисений, согласно своему уставу, взимал по 10 сестерциев за охоту и рыбную ловлю на его "частной" (вероятно, выделенной из *ager publicus populi Romani*) земле (*AE. 1974. 45*). На сходках сочлены пага выносили решения и постановления (*CIL. IX. 3512; 3523*). Паг как целое получал дары. Например, один паг в районе Беневента сообщает, что всем его членам (*pagani communibus*) было подарено патроном место для поминальных трапез, святилище Ларов перекрестков и ежегодная сумма в 250 денариев на люстрацию

пага и праздничную трапезу (CIL. IX. 1618). Одна надпись упоминает деньги народа пага (CIL. IX. 6173). Некто в благодарность за избрание его магистром пага и освобождение свое и своего сына от повинностей соорудил для общинников пага с их дозволения и по их постановлению 7 алтарей Юпитеру (CIL. V. 4148).

Как видим, члены пага сами распределяли повинности и могли от них освободить, распоряжались землей, выделяя с общего согласия участки для постройки, имели общую казну. Интересна надпись некой Сульмонии (вероятно, отпущенница города Сульмона), восстановившей палату мер и весов пага Интерпромина (CIL. IX. 340), следовательно, паги как-то контролировали заключавшиеся на их территории сделки.

О сельских общинах мы знаем, что, если они были включены в территорию колонии, но без прав колонистов, им отводились общинные угодья (*communiones* или *pro indiviso*: SRF. I. S. 118, 119, 164, 240). Сельчане имели общие святилища, совместно посвящали дары богам, как и паги, имели своих выбранных должностных лиц. Права общин не защищались правом, на их территории могли приобретать участки люди, к ним не принадлежащие. В провинциях мы знаем по надписям, что часть жителей сел делилась на *possessores* и *vicari*, т.е. землевладельцев и сельчан-общинников. В Италии такие надписи не найдены, но суть была та же: чужаки владели приобретенными ими участками как частной собственностью, *vicari* и *pagani* — как сообщинники.

Как мы пытались показать, антисенатская, антилатифундистская политика императоров I в. была направлена на защиту интересов как мелких крестьянских хозяйств, так и хозяйств "фермерских". Это давало результаты, благоприятные для сельского хозяйства и экономики в целом: осваивались новые культуры и новая продукция, расширялся обмен, активно жили и действовали крестьянские общины.

Положение изменилось в правление императоров II в. н.э.

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИ АНТОНИНАХ. КРЕСТЬЯНСТВО И КОЛОНАТ

Приход к власти Антонинов после убийства Домициана (96 г. н.э.) можно условно охарактеризовать как победу "партии сената" над "партией мелких и средних землевладельцев" (новой "партии оптиматов" над новой "партией популяров"). Победа эта знаменовалась полным отречением от политики "тиранов" и их настойчивым "разоблачением": известно, что на радостях сенатская "партия" хотела репрессировать всех "доносчиков", но несколько приутихла, когда главный деятель Эприй Марцелл убедительно доказал, что если начать расследовать старые дела, то окажется, что многие из тех, кто теперь полны благородного негодования, и сами были замешаны в весьма неблагоприятных интригах и доносах, поскольку выдвинулись именно при "тиранах". Последнее обстоятельство, однако, не мешало им (например, Тациту и Плинию Младшему) обличать "душителей свободы" и прославлять новых правителей, "совместивших принципат со свободой". Как уже говорилось выше, одним из капитальных их преимуществ был отказ от конфискаций земли у крупных собственников. По-видимому, прекращается и агитация против латифундий и их владельцев-богачей. Во всяком случае, ничего подобного у авторов тех времен мы не находим. Вероятно, сходит на нет и практика изъятия у них захваченных земель.

Не встречая противодействия, концентрация земли пошла быстро. С одной стороны, росли латифундии частных лиц, с другой — земли императоров, в руки которых переходили многие имения благодаря брачным союзам и укрепившемуся обычаю для землевладельцев завещать часть состояния принципсам.

К сожалению, мы не имеем для II—III вв. таких компактных источников, как для предыдущих периодов, но все же некоторые, хотя и разрозненные данные позволяют судить о судьбе крестьян в "золотом веке Антонинов". Следует при этом учитывать разницу между отдельными районами, и в особенности между Цизальпинской Галлией, долиной По и другими частями Италии.

Существует мнение, что в Паданской области, со значительными массами кельто-иллирийского населения, паги были введены только римлянами, местное же население жило селами, кастеллами с центрами в концилибулах и укрепленных поселениях (*oppida*), что только такие формы поселения упоминает Ливий, повествуя о

доримском прошлом этих областей, и что они оставались многочисленными и после романизации¹. Конечно, Ливий, как уроженец Падовы, вероятно, был достаточно осведомлен в местной истории и местных традициях. Но вопрос здесь смешивается с общей проблемой истории сущности пагов в провинциях. Как уже упоминалось, паги могли возникать как организации римских граждан, получивших наделы в провинции, а затем, после организации колоний, с ними сливаться. Но римские авторы часто упоминали паги перегринов, в первую очередь кельтов и гарманцев, и паги нередко встречаются в надписях из провинции с кельтским населением. Очевидно, римляне обозначали привычным термином "паги" определенные формы поселения кельтов, скорее всего, туаты — термин, изредка сохранившийся в надписях, так же как бог-покровитель туата Тевтат, Тауторинс и т.п. Туат означал и территорию, и населявших ее людей с различными их связями и отношениями (общие собрания, празднества, воинская организация — представление некоторого числа рекрутов), с преобладанием большой семьи и ее жилищ, у Цезаря обозначенных как отдельные здания (*aedificia*)². Римляне, в частности тот же Цезарь, могли усмотреть сходство туатов с пагами, в которых тоже преобладали отдельные строения, "хутора" (*villae* и *villulae* римской территории, по Ливию, обычно страдавшие от нападения врагов), в отличие от сел (*vici*), компактных поселений ряда других италийских племен. Возможно, в Северной Италии с ее смешанным населением из кельтов, лигуров, иллирийцев и италиков складывались и те и другие типы поселений, как и соседские кровнородственные общины со своими богами, богинями-матерями, жрецами, сохранявшиеся и при, казалось бы, полной романизации. Ливий мог не упоминать паги кельто-лигурийского населения, так как в рассказах о войнах значение имели в основном осада и взятие укрепленных пунктов или компактных поселений, кастелей и т.п., а их наличие не противоречит существованию туатов-пагов.

С туземным населением сосуществовали римские и латинские колонисты, получавшие в III в. до н.э. земли подушно или в колониях. Наделы там нарезались большие, чем в других колониях, по предположению Бранта, в расчете на возможность для них использовать рабочую силу галлов в качестве колонов за определенную ренту. Так, в Бононии давались участки в 50—70 югеров при большой площади общественной земли, в Аквилее — по 50, 100, 140

¹ Luraschi G. *Comum oppidum*. Roma, 1979. P. 286—380.

² Шкунаев С.В. *Община и общество западных кельтов*. М., 1989. С. 29—38, 75—141.

югеров; в Вибоне и Парме — по 51,5 югеров; в Кремоне при основании колонии выделялось по 25, при Августе — по 35 югеров³. Следовательно, с самого начала хозяйства колонистов были ориентированы на продажу их продукции.

В то же время проводились дороги и основывались форумы: Форум Ливия, Форум Попилия, Форум Фульвия, Форум Корнелия, Форум Галлов, Форум Лициния, Форум Лепида, Форум Друэнтиев (Друэнтии были пиценами, поселенными на территории Аримина), Форум Клодия, Новый Форум. Они служили торговыми центрами мелких общин⁴. Проведение дорог и большое число форумов издавна создавали здесь благоприятные условия для земледельцев; в первые века империи развивалась также торговля Паданской области с соседними провинциями; города становились крупными и богатыми центрами. Из многочисленных надписей мы знаем, что там было много богатых людей не только из муниципальной верхушки, но и из торгово-ремесленных слоев и части либертинов, входивших в организации севиоров августалов. Города были гораздо демократичнее, чем в старых районах Италии, что облегчало продвижение их жителей по социальной лестнице. Сохранялось здесь многочисленное крестьянство в отличие от других районов Италии, продолжавшее поставлять солдат не только в преторианские когорты, но и в легионы. В I—II вв. здесь помимо сел часто упоминаются паги. Некоторые из них носят латинские наименования, некоторые — туземные (очевидно, последние сохранились с прежних времен, тогда как первые, возможно, были созданием римских и латинских колонистов). Паги уже частично превращались в округа; так, в Велейской таблице указывается местонахождение имений в таком-то паге такого-то города; частично они более или менее сохраняли характер общин. Выше уже упоминались земли *pagani pagi Ambitreibiai*. В другой надписи из Велеи надгробие некой Теренции сделано сообщинниками пага — *compagani* (AE. 1974. № 295). Паг арузинатиев сохранял многие кельтские элементы: жрецов и жриц как римских, так и галльских богов. В его надписях поминаются и *pagani* и поссессоры, например три брата Октавии, которые на своей частной земле соорудили святилище для арузинатиев. Отпущенники сенатской семьи Сервилиев могли быть администраторами или арендаторами их земли либо владельцами участков, купленных у пага (CIL. V. 3901—

³ Brunt P.A. Italian Manpower. 226 B.C. — 14 A.D. Oxford, 1988. P. 191.

⁴ Ibid. P. 572—576; Cremona romana / A cura di G. Ponttrolli. Cremona, 1985. P. 74—79.

3940). В Фификуланском паге находилось имение сенатора Ката Фронтоната — упомянуты его виллы и село со своими магистрами и сходками сельчан. Организация *cultores* была создана для почитания бога пага. Местная коллегия юношей считала своим богом Геракла. Этим *iuvenes Fificulani* некто завещал 100 югеров земли. В списке юношей значатся три члена местной видной семьи Лоллиев, два их брата, их отпущенник и раб пага (CIL. IX. 3570—3578), хотя обычно в коллегии юношей входили люди из местной элиты.

Села в долине По были многочисленны уже во времена республики; они именовались по жившим там племенам: Монтуаты, Сабуины, Анесинаты и др. Села упоминаются и в надписях времени империи. Например, село Дерво, почитавшее своих матрон с эпитетом *Dervones* (CIL. V. 4208, 5791), село лигурийского племени видантиев (CIL. V. 5671), село Кунтин с кельтским богом Сегомоном Кунтином (CIL. V. 7868). Село могло располагаться и на территории пага, как Новелий Лицерского пага (CIL. I. 7023). Какое-то село, именовавшееся *Paganicus*, обратилось к Септимию Северу с просьбой увеличить его пахотные земли (AE. 1931. № 78).

В Велейской таблице⁵ упомянуты расположенные в разных пагах восемь сел. Сельские владельцы свои участки не закладывают, но в ряде случаев находящиеся в селах участки входят в перечень имений землевладельцев, берущих под них ссуду. Так, Т. Невий Вар закладывает вместе с другими именьями две колонии в селе Юнелии стоимостью 10 тыс. и колонию в селе Нифелии стоимостью 9 тыс. (CIL. IX. 1147. § 3). М. Антоний Приск закладывал два именья — Антонианское и Корнелианское у села Сецении стоимостью 23 тыс. (Ibid. § 5); П. Альбий Секунд среди прочего — имение, или сальтус Бетутианский на 1/3 в селе Катурниене ценой в 26 200 (Ibid. § 14); Эбутий Сатурнин — Антонианское имение в селе Лубелиа (Ibid. § 41); Маммией Перикл среди других владений — Кастрицианское имение в селе Флания за 6 тыс. (Ibid. § 13); Понтилий Лик — ряд имений, и среди них Бона, находившееся над селом Ирруаком (Ibid. § 34). Иногда закладываемое имение граничит с другим имением того же владельца, иногда с общинной землей римского народа. Участки в селах приобретаются так или иначе у сельчан. Названия сел туземные; очевидно, они существовали там еще до римской колонизации. В отличие от имений, отведенных некогда римским колонистам, местоположение которых обозначалось принад-

⁵ Разбор данных табл. и ссылки на литературу см.: Кузищин В.И. Генезис латифундий в Италии. М., 1976. С. 173—189.

лежностью к пагу или городу, для крестьянских участков обозначалось и село. Согласно праву, родиной сельчанина считался город, на территории которого находилось село. На практике сельчанин все же отличался от колониста, получившего измеренный и внесенный в кадастр надел.

Сами сельчане свои участки не закладывали. Возможно, они не были строго разграничены и оформлялись как имения с соответствующим юридическим статусом (внесением в кадастр и наличием регулировавшего жизнь имения устава — *lex fundi*, обязательно имевшегося у каждого владельца как юридический документ) только тогда, когда его приобретал гражданин колонии или муниципия, владевший участком не как общинник-*vicarius*, а как собственник-поссессор.

Судя по Велейской таблице, в районе ее составления имелось достаточное количество общинных угодий, которыми могли пользоваться землевладельцы. Это были земли римского народа, частично сдававшиеся в аренду (в ряде параграфов упомянут "вычет арендной платы" — *vestigial*); земли, обозначенные как *communiones pro indiviso*, с которыми закладывались некоторые *fundi* (скорее всего, здесь имелось в виду право данного имения на пользование общинной землей); упоминавшиеся выше земли *pagani pagi Ambitrebiae*. Особо перечислены земли, закладывавшиеся колонистами городу Лукке (*Ibid.* § 43), 18 сальтусов, земли, сдаваемые в аренду, долгосрочную и краткосрочную, болота, холмы (*montes*) в пагах Лукки, Велен, Пармы и Плаценции. Они закладывались за 128 780 сестерциев за вычетом долгов арендаторов (*reliqua colonorum*), процентов на деньги (*usurae pecuniae*) и стоимости рабов (*preciae mancipiorum*). Очевидно, рента за арендованные земли народа или императора взятых в долг денег на покупку городских рабов. Поскольку ссуда равнялась $1/10$ стоимости заложенной земли и неизвестно, сколько было вычтено из суммы ссуды, можно полагать, что стоимость общественных земель составляла около 2 млн, а площадь — около 20 тыс. югеров. Поскольку невозделанные земли сальтусов стоили дешевле 1000 сестерциев за югер, площадь общинных земель могла быть и значительно большей.

Конечно, все это не очень точно, но все же видно, что общественные земли Лукки, расположенные в пагах четырех городов, были обширны и могли сдаваться в аренду или использоваться как общие угодья, в том числе и общинниками расположенных на территории колонии сел. Вместе с тем из таблицы явствует, что в ряде случаев владельцы среди других своих владений закладывали землю, которую обозначали как сальтус или как *fundus sive saltus*.

Иными словами, сальтусы оказывались в руках частных владельцев, и те начинали их возделывать, превращая в имение (*fundus*). А это уменьшало площадь земли под общественными лесами и пастбищами (*Ibid.* § 13). Назван *saltus cum fundo* среди большого числа других владений, т.е. сальтус был присоединен к имению как его органическая часть. В других случаях с именем закладываются болота или леса. Однажды (§ 1) закладывается холм с лесом. Общественные земли, таким образом, расхищались частными собственниками из граждан городов, что приносило ущерб крестьянскому хозяйству. Участки общинников в селах начинали переходить в собственность поссессоров путем покупки, заклада и т.п. В Велейской таблице, составленной в 105 г., таких случаев еще немного, но, поскольку Антонины с подобным процессом не боролись, он со временем усиливался. Крестьяне были вынуждены арендовать у поссессоров земли. В ряде параграфов Велейской таблицы упомянуты относящиеся к тому или иному имению хижины *casae* и *coloniae* (например, § 2: при одном из имений три *casae*, при другом имении — одна и еще при одном имении — *colonia Manatiana*; в § 6 объявлена колония Солецела, в § 12 — *casae*, в § 13 — *fundus* с *colonia Centiana*, в § 14 — девять колоний, в § 16 — колония *Simmerum*; в § 22 одно из имений закладывается с хижинами, лесами, болотами; другие имения — *cum casa et praedia Valeriana*; в § 37 одно из имений закладывается *cum casis vectigalis*; в § 45 одно имение закладывается *casa Valeriana*). *Colonia* — участки, сданные колонам; *casae* могли иметь самостоятельные наименования или просто обозначаться как "хижины". Вероятно, первые были прежде самостоятельными "фермами", попавшими в зависимость от владельца *fundus*. Иногда *fundus* мог быть обязан *casae* сервитутом (*Dig. VIII. 5.20*), очевидно, когда "ферма" была еще независима. Безымянные *casae* могли принадлежать колонам, прекаристам, посаженным на землю рабам; во всяком случае, они были тесно связаны с имением. Неясно, что имелось в виду под *casae vectigal et non vectigal*, возможно, сдававшиеся в краткосрочную и долгосрочную аренду. Правоммерно также предположить, что иногда такие небольшие участки были заложены, и, если владелец не мог выплатить долг, они переходили в собственность кредитора с тем, что бывший владелец становился арендатором или прекаристом.

Casae упоминаются и в алиментарной таблице из Библиотеки Лигуров 7 Беневента (*CIL. IX. 1455*). Нератий Карелий закладывал *fundus Paecianus* et *casae Aureliani* Юлия Гената, *casae Crispinelli* при Карнелианском имении; Комуний Фортунатий — *casae Papillianiei* при Лузианском имении; Гай Венктор — имение с

одной хижинной; Октавий Либик — имение *cum casis et parietinis* (какие-то строения); Луциний Либерал — *fundum Valerianum cum casa Foedema*. Причем в сохранившейся части данного документа не упомянуты ни *vicī*, ни *coloniae*, ни общественные земли, леса или болота и только один раз *сальтус* частного лица.

Как уже упоминалось, Плиний Старший писал о многократных переделах этой территории. Видимо, при этом все земли перешли к частным владельцам, к которым были приравнены и члены сельских общин. Поэтому обитатели присоединенных к имениям хижин могли вербоваться не из сельчан, а из крестьян, приписанных непосредственно к территории Беневента и вынужденных стать арендаторами или прекаристами.

Велейская таблица и таблица из Лигуров Бебианов относятся к самому началу правления Траяна, причем первая к области, где крестьянство было многочисленным и в селах и в пагах. Там были обширные площади общественных земель разных категорий (земли римского народа, земли города, земли пагов и, наверно, сел, хотя о них сведений нет). Там богатые города и негородские торговые центры (форумы, кастеллы, концилиабулы) давали возможность крестьянам и "фермерам" сбывать свою и приобретать ремесленную продукцию. Открывались возможности к продвижению по общественной лестнице. Так, землевладелец, располагавший 1 000 000 сестерциев, мог стать декурионом (*Plin. Epist. I. 19*). Но и здесь не все было благополучно.

Как известно, некоторые сведения о положении дел в этих районах дают письма Плиния Младшего. Любопытно его сравнение судебной речи, в которой должны быть учтены разные моменты, с возделанной землей, на которой должны быть не только виноградники, но и маслины, а также поля, где сеют не только полбу, но и пшеницу, ячмень, бобы и другие овощи (*Plin. Epist. I. 20*). Конечно, это только риторический оборот, но все же примечательно, что для латифундиста Плиния на первом месте стоят виноградники и маслины и лишь затем набор культур очень незначительный по сравнению с культурами, упоминавшимися Плинием Старшим. Возможно, это лишний раз подтверждает гипотезу, что крупные землевладельцы не занимались овощами, фруктами, травами и цветами, которые считались предметами роскоши, стоили дорого, требовали трудоемкого ухода и особого покупателя. Они предоставляли их "фермерам", тогда как сами предпочитали культуры, рассчитанные на оптовую торговлю, поручавшуюся рабам-негочинтам и доверенным отпущенникам, ведшим дела патронов. Скорее всего, для их пользы императоры строили в Риме и Остии

огромные склады (*horrea*), где оптовики, привозившие на продажу массу продуктов, могли нанять помещение для хранения. Плиний, как известно, решил сдавать свои земли колонам за издольную ренту, так как денежная рента их разоряла и земля переставала приносить доход (*Plin. Epist. III. 19*). При хорошем уходе в Транспаданской области цены были малы (*Ibid. IV. 6*), что могло разорять и вносивших деньги колоннов, и крестьян. Вместе с тем Плиний жалуется на свои трудности в связи с нехваткой подходящих колоннов (*Ibid. VII. 30; IX. 37*).

Издольная рента могла быть в некотором отношении выгоднее для обеих сторон. Но если колонны за плату деньгами или натурой предоставлялись сами себе, то при издольщине хозяин был непосредственно заинтересован в том, чтобы они работали добросовестно для получения максимального урожая, чтобы они не скрывали часть урожая для уменьшения доли хозяина. И то и другое предполагало надзор за колоннами, и Плиний с этой целью помещал в имении своих дельных рабов с "достаточно открытым глазом" и честностью (*Ibid. III. 19; IX. 31*), так что колонны если не юридически, то фактически и, так сказать, психологически оказывались в таком же подчинении рабской администрации, как и рядовые рабы на вилле. В то же время латифундист постоянно становится высшим арбитром, возможно, не только своих колоннов, но и окрестных сельчан, а его имение — центром притяжения для них.

Уже Кальпурний в VIII эклоге, посвященной памяти своего патрона, прославлял его под условным именем Мелибея за "справедливость", за то, что тот разбирал тяжбы крестьян (*rusticorum lites*) и при нем процветали любовь к семейной жизни, почтение к юстиции и спорные поля обозначил "термин". Плиний жаловался, что у него, когда он живет в имении, много времени уходит на разбор жалоб и просьб *rusticorum*, может быть, его колоннов, а может быть, и крестьян, выбравших его арбитром (*Epist. V. 15; VII. 30; IX. 15, 31*). Уже начинались столкновения между видными сенаторами, которые просили у сената дозволения устроить на своих землях нундины, и городами, протестовавшими против такого установления (*Ibid. V. 4, 14*)⁶. Плиний, никого не прося, по совету гаруспиков расширил в своем имении храм Цереры, в который в большом числе собирался народ из района и там делались многие дела, и он намеревался прибавить еще и укрытие от солнца и дождя

⁶ Император Клавдий, чтобы понизить уважение к сенату, тоже просил разрешения устроить нундины на своих землях (*Suet. Claud. 30*); видимо, императоры издавна заводили у себя рынки.

(Ibid. IV. 39). Несомненно, собиравшиеся в храм обменивались продуктами, т.е. фактически и там возникала ярмарка, как обычно в храмовые праздники. Это знаменовало начало процесса, впоследствии приведшего к упадку экономической, социальной и политической роли городской общины за счет роста значения латифундий и их владельцев во всех сферах жизни сельского населения. Сведений об этом населении в других областях Италии у нас немного, и они носят отрывочный характер, но некоторые тенденции все же прослеживаются.

Если в I в., так же как и в предыдущую эпоху, села и паги выступают в надписях как независимые организации с выбранными магистрами, коллективным распоряжением своими делами и имуществом, то в надписях последующего времени прослеживается зависимость их от посторонних лиц, обычно оказывающих пагу или селу какие-нибудь "благодения". Например, в районе Касина четверо вольноотпущенников соорудили для села на "прекарном участке" (лосо пресагио) святилище Венеры (AE. 1975. № 197; сходная надпись — CIL. X. 167). Отсюда вытекает, что кто-то в качестве прекарриста дал участок для сооружения сельского святилища. В районе Вицинтия в честь Фортуны дуумвир устроил для сельчан пир (AE. 1937. № 143). В районе Аквилы воинский трибун (очевидно, имевший там земли) подарил Анникским сельчанам серебряные статуи императоров (AE. 1974. № 286). В Сатурнии (Этрурия) дуумвир города и казначей был куратором пага Лукреция, члены которого чествовали его за многие благодения (AE. 1906. № 96). Рогани пага Лукреция посвятили надпись Атии Пии за благодения (AE. 1912. № 220). Саркланскому пагу, зависевшему от города Синуессы, и его декурионам некто подарил 20 тыс. сестерциев, чтобы они на проценты с этой суммы устраивали пир в день его рождения (AE. 1979. № 147; аналогичная надпись — CIL. X. 4727). В упоминавшемся уже Арузинатском паге один из Октавиев подарил пагу землю (CIL. V. 3920, 3928). В области вестинов был кем-то принесен дар Юпитеру "десяти пагов" (decem pagorum: AE. 1968. № 150); в одном из этих пагов, Ферентийском, рогани принесли в дар нечто тамошней коллегии почитателей Геракла (AE. 1968. № 156; CIL. IX. 3428). Союз 10 пагов, как мы видели, был известен и в Ранней республике. Не исключено, что такие объединения сохранялись и впоследствии, тоже получая дары от "благодетелей". В районе Беневента Низелий Сабин для всех членов пага (pagani communibus pagi Luculi) построил портик с местом для поминальных трапез, святилище Ларов перекрестков и назначил ежегодно выдачу 250 денариев для люстрации пага и праздничной

трапезы (CIL. IX. 1618). В районе Аримина сельчане получили в дар 20 тыс. денариев на покупку земли (CIL. XI. 379), очевидно, для общественного пастбища. Цезареглагенские сельчане вынесли благодарность "другу императора Адриана" за то, что он у Антонина Пия выхлопотал для них какие-то привилегии (CIL. IX. 5632). Некое другое лицо составило завещание в пользу сельчан и их потомков (CIL. V. 7261), т.е. потомки сельчан образовывали такую же общину, как и их предки. Вероятно, представители муниципальной верхушки становятся патронами пагов (CIL. IX. 1503, 4206, 4390; XI. 7265).

Можно полагать, что, поскольку захватам общинной земли частными лицами активное противодействие уже не оказывалось⁷, эти земли присваивались (как это видно и по Велейской таблице), что наносило тяжелый ущерб крестьянскому хозяйству. Если крупный собственник дарил или сдавал в аренду, давал в прекарный селу (пагу, соседству) пастбище (лес, дорогу, водный источник), он становился "благодетелем", претендовавшим на "услужливость" (obsequium), по римским понятиям включавшую многие обязанности, начиная с униженной лести и кончая приношениями и отработками.

В моральную и, без сомнения, материальную зависимость попадают отдельные крестьяне. Как видно из надписей фамильных коллегий, создававшихся в имениях из рабов для культа Гения господина, Ларов и богов-покровителей имения, в такие коллегии втягивались свободные крестьяне, именуя себя клиентами владельца имения и даже нередко называя его по примеру рабов "наш Гай", "наш Марк" и т.п.⁸

Но все же в первую половину II в. у крестьян и "фермеров" сохранилась известная возможность получить за свою продукцию выручку, достаточную для возмещения потребностей. Надо иметь в виду, что жители Италии не платили поземельного налога. Тем не менее деньги крестьянам (даже если они не арендовали дополнительные к своим наделам участки) были нужны не только для покупки ремесленных изделий, но и для выплат налогов на

⁷ Конечно, общинники могли обратиться в суд, но, судя по постановлениям и жалобам на бессилие маленьких людей перед судьями, получавшими взятки от сильных людей и искавшими их покровительства, надежд на справедливый приговор было мало. Достоинство внимания, что среди собранных в "кодексах" ответов императоров на жалобы разных лиц никогда не идет речь о захвате земель общин.

⁸ Многочисленные надписи см.: *Штаерман Е.М., Трофимова М.К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. Италия). М., 1971. С. 59 и след.

наследства, а также на манумиссии, на торговые сделки, на подношения принципсам (так называемый *augur sorogarium*), в которых участвовало все население Италии), не говоря уже о совместных жертвоприношениях богам общин, праздничных общих трапезах и иных нуждах культа.

Свою продукцию крестьяне по-прежнему продавали разными способами. Из одного письма Плиния (*Epist VIII. 2*) мы получаем сведения о существовании скупщиков, приобретающих урожай на корню. Сам Плиний продал им свой сбор винограда за определенную сумму, но, так как урожай оказался плохой, он, очень гордясь своей щедростью и справедливостью, просил $1/8$, а затем еще $1/10$ обещанной суммы. Кроме таких компаний скупщиков, ведших дела с крупнейшими землевладельцами, существовали и отдельные скупщики, обслуживавшие мелких производителей.

Надписи из Рима и других городов упоминают многочисленных торговцев сельскохозяйственной продукцией (в основном вольноотпущенников)⁹. Они составляли компании из нескольких человек. В первую очередь это — виноторговцы, торговцы мясом, маслом, медом и продуктами наибольшего спроса. Упоминаются также скупщики. Надо думать, что все такие "оптовики" скупали товар и у крупных собственников, и у крестьян. Вероятно, именно у крестьян скупали продукцию специализированные торговцы курами, утками, луком, яйцами, ветчиной, овечьей шерстью и кожей. Любопытна стихотворная эпитафия погребенного в Новом Форуме Нерусия Митры, который "был известен в священном городе, продавая козьи шкуры и товары, удовлетворяющие нужды народа". Он славился своей честностью и достойной похвал жизнью, соблюдал всегда справедливость в контрактах, платил фискальную плату как откупщик-тапсера (*CIL. IX. 4796*). Очевидно, он скупал товары и у частных лиц, и у фиска. Склады-*horrea*, где оптовики могли хранить закупленный товар, были не только в Риме, но, например, и в Путеолах. Одна надпись представляет собой договор о сдаче там помещений для хранения пшеницы и овощей, служивших залогом уплаты за аренду помещений на складе (*AE. 1969/1970. № 100*). Хозяева, проживавшие поблизости от города, могли торговать в нем сами; жившие на далеком расстоянии — заключать сделки со скупщиками. Возможно, иногда крестьяне могли организовывать торговлю совместно. Так, отрывок надписи на бронзовой доске из Транспаданской области упоминает виноторговца какого-то пага

⁹ Подборку надписей см.: Там же. С. 120 и след.

(АЕ. 1984. № 427), очевидно продававшего вино по поручению произведших его общинников.

В районе Аквилеи найден межевой столб с участка коллегии погонщиков мулов (АЕ. 1984. № 377). Издатель этой надписи ссылается на аналогичные из других сельских местностей (CIL. XI. 962; X. 1431). Возможно, что и села организовывали коллегии погонщиков мулов и ослов для доставки своих продуктов на ближайšie рынки. Покупателями, как и прежде, могли выступать также владельцы соседних вилл и придорожных трактиров. К сожалению, мы не знаем ничего определенного о ценах, значительно варьировавшихся в разных местностях в зависимости от урожая, сортов продукции и других обстоятельств. Можно только предположить на основании приведенных данных, что продукты, произведенные в крестьянских хозяйствах разных размеров, еще находили сбыт и какие-то суммы крестьяне могли выручать для необходимых денежных затрат.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что значительное число крестьян в условиях развития торгово-денежных отношений, концентрации земли и отсутствия действенной защиты и поддержки правительства разорялось и теряло свои земли, уходило в города или лишалось независимости самостоятельного хозяина.

В это время новые методы организации производства были вынуждены искать и владельцы вилл. Описанное Колумеллой идеальное рабовладельческое хозяйство было, в общем, далеко от реальности. На деле вряд ли возможен был изображенный им виллик — опытный во всех отраслях сельского хозяйства и бескорыстно преданный интересам хозяина; квалифицированные рабы, способные выполнять операции, требуемые тогдашней агрономией с ее уже многовековым опытом, казались хозяину непокорными и сами не стремились проявлять свои знания и инициативу; непомерно возросло число надзирателей, что удорожало производство, уменьшая долю прибавочного продукта. Хозяева искали выход в разных направлениях. Уже с последнего века Республики практиковалась сдача имения в аренду виллику или актору с тем, чтобы он пользовался инвентарем и фамилией виллы, вносил часть дохода хозяину, оставляя остальное себе. Теперь подобная практика значительно расширилась. Такие арендаторы затем получали свободу (за плату или "по милости господина"), и число отпущенников, приобретших земли, в том числе в селах и пагах (судя по надписям), все более возрастало. Владельцы пытались также материально и морально заинтересовать рабов, выделяя некоторым из них пекулини, несколько голов скота и хижину, где раб мог жить со своей

сожительницей и детьми. Они организовывали для рабов фамильные коллегии культа Ларов, богов имения, разрешая им выбирать своих жрецов и магистров, что должно было привязать их к господину. То были попытки реализовать идею Сенеки о трансформации отношений "господин—раб" в отношения "патрон—клиент"¹⁰.

Указы императоров Адриана и Антонина Пия, значительно ограничивавшие власть господ над рабами, заставляли первых еще более настойчиво искать пути, способные заменить в какой-то степени господствовавшие прежде методы принуждения.

Ко II в. относятся известные нам из надписей и сочинений юристов два таких новых, по сравнению с прошлым, мероприятия. Во-первых, в арендаторов превращают уже не только виликов и акторов, но и рядовых сельских рабов, арендующих отдельные участки в имении. Юристы того времени неоднократно рассматривают казусы, возникавшие в соответствии с такой практикой¹¹. Во-вторых, практикуют передачу имения группе вольноотпущенников, с тем чтобы они совместно пользовались инвентарем (включая рабов и таберны) и угодьями, владели каждый своим участком на условии его неотчуждаемости. Им могли наследовать их дети, продавать же имения они не имели права. Участки умерших без наследников переходили к остальным совладельцам. Патрону и его наследникам они должны были ежегодно выплачивать определенную сумму. Кроме того, они иногда выполняли и другие обязанности: в надписях это обычно уход за гробницей патрона и устройство поминальных трапез. Так создавалось некое подобие общин с совместным хозяйством и общими обязательствами. Вообще надписей вольноотпущенников из сельских местностей много, как коллективных, так и индивидуальных, как сакральных, так и надгробных. Число крестьян и "фермеров" все время пополнялось за счет либертинов. Выше уже упоминалось, что некоторые из них выводили новые, названные их именами сорта фруктов и овощей.

Кроме этого, растет число свободнорожденных крестьян, ставших колонами или прекарристами (в то время, видимо, эти два понятия отчасти сближаются¹²). Юристы уделяют им все больше внимания. Колоны в значительной мере становятся органической частью имения. Так, предписывалось, чтобы человек, продававший

¹⁰ Подробнее см.: Там же. Гл. 2 и 6.

¹¹ Там же. С. 42 и след.

¹² Так, аренда и прекарий длились, пока того хотел владелец; если хозяин не отнимал данное колону и прекаристу, то оно могло оставаться у них и после его смерти, и в случае продажи имения (Dig. 48. 26.4.4; 26.8). Колон, инквилин и прекарист, живущие в имении, отождествляются (Dig. 48. 26.6.2).

имение, договорился с покупателем о сохранении для колонов прежних условий (Dig. 19. 2.25.1). При рассмотрении дел, связанных с завещанием имения по легату, платежи (или долги) рассматриваются как один из входящих в легат элементов. Колоны, как и рабы, вписывались в устав (lex) имения как источник его доходов (Dig. 5.3.29). В I в. колоны не были обязаны какими-либо отработками, во второй половине II в. юристы уже учитывают обязанности колонов выполнять в установленные дни оговоренные работы (Dig. 19. 2.24.3). Инвентарь колона, прежде не относившийся к инвентарю имения, теперь включается в него и передается вместе с имением (Dig. 33.7.24). Законодатели разъясняли, что колоны не отвечают за долги хозяев, а хозяева за долги колонов (CL. IV. 10.3.11). А значит, в обычной практике имущество колона уже отождествлялось с пекулием раба, как собственность господина, отвечавшего за сделки и долги раба. Отношения хозяина и колона, как и отношения патрона и клиента, уже определялись тем, что первый принимал второго под свое покровительство (in fidem suam recipiat: Dig. 19. 9.49: Fragmenta iur. Rom. Vat. 13). У авторов того времени слова "бедняк", "батрак", "сосед" и "колон" были синонимами¹³.

Как мы проследили ранее, землевладельцам бывало выгодно сажать на землю "общину" отпущенников. Выгоднее, чем индивидуальная, была и коллективная аренда колонов; в праве оговаривалось, что колонам запрещается раздел общего имущества, хотя они и владеют "по природе" (per naturaliter: Dig. 10. 3.7.12). "Владение по природе" юристами II — начала III в. признавалось и за рабами, особенно когда речь шла о рабах, стоявших во главе какого-нибудь предприятия с инвентарем, рабами-викариями, занятых деловыми сделками с разными контрагентами, включая господина. Владельческие права колона здесь опять-таки приравнены к правам раба на его квази-имущество. И это дает возможность обосновать запрещение раздела общего имущества (хотя вообще разделу общего имущества свободных собственников-сонаследников, членов делового товарищества и т.п. право уделяет много внимания и никак его не ограничивает). Ведь некое подобие общины, связанной круговой порукой (коллективный арендатор), было выгоднее владельцу, чем индивидуально отвечающий за свои обязательства колон. Постоянные упоминания юристами долгов колонов наглядно показывают, как трудно было колону расп-

¹³ Pseudoacron. Schol. in Horat. Karm. II. 18.8; Corp. Gloss. Lat. T. VI. P. 14, 232, 397; Pollux. Onomasticon. III.22, 111.

латиться за предоставляемый ему инвентарь, ссуды (денежные и натуральные) и вносить то, что требовалось по условиям аренды. Не расплатившийся в долгами колон не имел права уйти из имения; какие-то послабления в отношении недоимок могли быть сделаны только в случае стихийных бедствий или действия какой-либо "непреоборимой силы", обыкновенные же бедствия — неурожай, мор скота и другие — права на скидки не давали.

Задолженность была бичом не только колонов, но и самостоятельных крестьян. Количество кабальных должников продолжало возрастать. По словам Авла Геллия, аддиктов становится все больше, и у юристов появляется категория "свободных находящихся в рабстве на законном основании", среди которых были и отработывавшие свои долги. Об аддиктах как таковых пишут юристы II — начала III в.¹⁴ Могло быть и так, что должник, закладывавший свою землю, вновь получал ее от кредитора в виде прекария (Dig. 13. 3.37; 35.1; 42. 26.6.4). Это тоже ставило его в зависимость от "благодетеля". Если же он в качестве прекария получал не отдельный участок, а расположенный внутри имения, такой должник в отличие от первого не считался владельцем (т.е. имеющим право защищать свои права против всех, кроме господина), а находился на положении инквиллина (Cai. Inst. IV.153; Dig. 43. 26.6.2). Инквиллины, прежде — съемщики жилья, затем часто упоминаются вместе с колонами, но обычно как люди более бесправные. Мы вновь подтверждаем вывод, что категории зависимости, в которые мог попасть крестьянин, были разнообразны и обычны¹⁵.

Таким образом, с ростом крупного императорского и частного землевладения прослеживаются значительные изменения в составе крестьянства или, точнее говоря, мелких земледельцев. С одной стороны, оно все время пополняется за счет посаженных на землю рабов и отпущенников, также посаженных на землю или получавших возможность приобрести больший или меньший земельный надел на территории города, села, пага. С другой — часть крестьян тем или иным способом попадает в зависимость (индивидуально или коллективно) от богатых соседей, которые оказывают общинам "благодаяния", выступают как арендодатели, кредиторы, подчиняющие себе колонов, инквиллинов, прекаристов и должников. Связи

¹⁴ Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Указ. соч. С. 18—23.

¹⁵ Надо думать, что в большинстве случаев должниками становились именно крестьяне. Ведь человеку вовсе неимущему не давали в долг; отработки же мелкого городского владельца лавки или мастерской вряд ли можно было часто использовать, о чем уже говорилось выше.

между несвободнорожденными и свободнорожденными земледельцами становятся все более тесными. Юридическое различие их статуса отступает на задний план перед общей судьбой, общим положением по отношению к собственнику или арендатору большого земельного владения или управителю земель императора. При этом и среди последних уже могут быть не только свободнорожденные, но и рабы-вилики и акторы — вольноотпущенники высокопоставленных частных лиц и принцепсов.

Шедшие таким образом изменения социальной структуры римского общества, разложение сословий (или классов-сословий), присущих Риму классической поры, нашли свое отражение в некоторых установлениях, оставшихся малозаметными для апологетов "золотого века Антонинов", но на деле означавших разрыв с основными, базисными институтами античного мира.

Среди них можно выделить разделение граждан на "благородных" (*honestiores*) и "низших" (*humiliores*) с разными правами, что положило конец классическому равенству граждан перед законом; узаконение самопродажи в рабство совершеннолетнего, что шло в разрез с древним запрещением поработать свободного гражданина; выделение имений сенаторов из территории городских общин, т.е. формирование обширных земель вне юрисдикции муниципальных магистратов и свободных от муниципальных повинностей (с их населением не только из рабов, но и из формально свободных граждан — колонов, инквилинов, прекаристов), что не только противоречило исконному античному строю, основанному на городской гражданской общине, но и наносило тяжелый удар по городам, терявшим наиболее богатых граждан с их долей расходов на нужды и повинности гражданского коллектива.

Все некогда завоеванные плебсом преимущества и права, ставшие отличительным признаком античной демократии, сошли на нет. Римский крестьянин, уже с начала Империи практически переставший быть участником военной и политической организации, утратил теперь гражданское равноправие, гарантированность своей личной свободы.

В надписях II в. о различных дарах городам от их состоятельных граждан, когда речь заходит о пожертвованиях на угощение народа, на оплату посещения гражданами бань и т.п., уже неоднократно оговаривается, что имеется в виду только плебс "внутри стен" (*intramurana*), а не "вне стен" (*extramurana*). Подчеркнем еще раз, что в принципе родиной уроженца села считался город, на территории которого село расположено, и что неграждане города, имеющие землю на его территории (так называемые *incolae*),

обязаны городу повинностями (Dig. 50.1.30). Incolae могли быть и гражданами других городов, и общинниками, часть земли которых была дана городу, часть оставлена им, но без превращения их в граждан. В I в. требовалось разрешение императора городу налагать повинности на incolae. Во II в. это становится общим правилом. Но, возможно, в первые десятилетия III в. юрист Модестин (он начал свою карьеру при Северах и был префектом претория императора Максимиана) пишет, что incolae, живущий в поле и не пользующийся преимуществами города, не должен нести городские повинности (Dig. 50.1.35). Так началось юридическое закрепление разделения городского и сельского плебса, окончательно оформленное в IV в. Так нарушилось единство античной гражданской городской общины (civitas) и ее территории, из которой изымались земли сенаторов и их потомков и земли сельских общин. Земельная собственность из гражданской, какой она была в эпоху расцвета античного мира, составляя его основу, превратилась в собственность сословную, какой она в полной мере становится при феодализме.

Соответственно развивается начавшийся в первые годы II в. процесс ослабления связи крестьянина с городом и укрепление его связи с соседним латифундистом — "патроном и благодетелем". Хотя лишь во второй половине II в. стали достаточно ощутимо проявляться все упомянутые симптомы кризиса, неудачи попыток восстановить крестьянство древнеримского образца стали очевидны значительно раньше.

Пожалуй, ощущение это особенно заметно в творчестве Ювенала (первая половина II в.). У писателей эпохи Августа восхищение образом жизни и нравами "предков", жизнью крестьян на лоне природы, противопоставление их быту и нравам современного им Рима (несмотря на иногда, особенно у Горация, прорывающуюся горечь) не носят характера мрачной безнадежности. Напротив, при всей условности буколической поэзии, идеализации старины в ней превалирует оптимизм, вера в прогресс, в благотворность политики Августа, в частности в его меры, направленные на процветание земледелия, крестьянства и его морали.

При преемниках Августа их сторонники поддерживали антилатифундистские меры. Например, Плиний Старший, видевший в Веспасиане достойный апофеоз благодетеля людей, мог надеяться если и не на возвращение времени Цинцинната, то все же на то, что латифундисты уступят место владельцам небольших имений, которые они смогут обрабатывать силами своей фамилии и тех, кого все равно должны содержать.

При Антонинах надежды на реставрацию хоть в какой-то мере

"нравов предков", жидившихся на идеале римского крестьянина, уже не оставалось. Ювенал это отлично сознавал, и его злобные обличения питались сознанием безнадежности положения для тех, на чьей стороне он стоял. Он был враг аристократии и почитатель талантливых вождей плебса. Рубелий Блонд, писал он, хвалится своим древним родом, но от него нет никакой пользы. Среди плебса можно найти дельных квиритов — они выступают в суде, защищая дело неуча-нобиля; из римского плебса (*e plebe togata*) выходят толкователи неясностей права и законов; юноши из плебса отправляются на Евфрат и усмиряют батавов. Велики были заслуги "нового человека" Цицерона в борьбе с нобилем Катилиной. Другой выходец из Арпина, который в горах вольсков пахал за плату чужое поле, а в армии терпел побои, если медленно работал на укреплении лагеря, отбил кимвров и спас Рим. Плебеями были совершавшие свои подвиги Деции; сыном рабыни был Сервий Туллий (*Iuv. Sat. VIII. 45—51; 245—252*).

Напротив, современные Ювеналу богачи исполнены всех пороков. Богач хочет прибавить к своей вилле поле соседа и, если тот его не продает, ночью напустит скот, чтобы поле вытоптать. От таких несправедливостей страдают и люди и поля. Но богач говорит, что ему от этого нет никакого вреда; он предпочитает ничтожную выгоду похвалам от соседства всего пага. У него полей больше, чем у всего римского народа при царе Тации. В те времена воин, сражавшийся с Пирром и пунийцами, за столь многие труды и кровь получал два югера и не считал, что родина неблагодарна за его заслуги. Эта земля кормила и самого отца, и жену, и четырех вместе играющих детей (трех господских, одного маленького домородного раба); в свою хижину он возвращался от плуга, и его ждал обед — оладьи из муки и молока (*Ibid. XIV. 140—154; 160—172*). И сам поэт еще верен простой жизни в своем маленьком имении и в доме в Тибуре. У него угощения такие, какие ели предки, все свое, некупленное; козленок, спаржа, яйца, виноград, груши, яблоки; когда-то это было роскошью для сенаторов; предки в праздники угощали родных салом и сушеным мясом от жертвенного животного. У него простой раб подает плебейские чаши, купленные за несколько ассов; раб-риег не куплен у работорговца, он сын грубого пастуха, другой — сын погонщика быков; они родились здесь же, в имении, в маленькой хижине и наливают вино, родившееся на тех же горах, что и они сами (*Ibid. XI. 65—85; 144—161*).

Простую здоровую жизнь губит Рим, у Ювенала наделяемый чертами, сходными с характеристиками современных "городов-

спрутов", "мегаполисов" у некоторых авторов, видящих в больших городах причину и симптом кризиса цивилизации. Рим полон ханжей, погрязших в роскоши и проповедующих добродетель. Веррес осуждает вора, прелюбодей — Клодия, убийца — Милона (Ibid. II. 24). Лучше пустыня, чем этот город со множеством жестоких опасностей. Честным искусствам в нем нет места, как и соревнованию в трудах, легко здесь тем, кто умеет обращать черное в белое, кто может чистить пристани, клоаки, реку, нести на костер трупы, быть продажным. Бедных здесь презирают. И дома трудно выдвинуться честному бедняку, но в Риме еще труднее. Дорого стоит жалкое жилище и скудная еда; здесь стыдятся есть из глиняной посуды, как едят марсы и сабеллы, довольствующиеся грубым плащом. Ведь в большей части Италии тогу надевают только на покойника, когда его несут на костер. Там справляют праздники на траве, все одинаково одеты, без всякой роскоши. Кто способен отказаться от римских цирков, может купить простой дом в Соро, Фабратерии, Фрусионе за столько, сколько в Риме в год платит за темное жилье; там можно завести садик и выращивать овощи, подходящие для угощения пифагорейцев. В Риме богач Криспин заплатил 6 тыс. сестерциев за рыбу; за такую сумму можно купить землю в Апулии (Ibid. III. 5—8; 21—24; 164—184; 222—241; IV. 25—27).

Но, несмотря на все минусы, люди (в том числе и сам Ювенал) бросали свои дома и земли в Италии и переселялись в Рим, где их ждали бедность, всяческие унижения и неудобства. Призыв вернуться к простой крестьянской жизни "предков" явно не находил отклика, и Ювенал ищет виновных в нахлынувших в Рим греках, азиатах, египтянах, якобы развративших римлян. Римская уверенность в своем превосходстве переходит у Ювенала в злобный "шовинизм". Тот самый, который обычно вместе с крайней идеализацией далекого прошлого в истории разных стран развивается в периоды кризисов существующего строя, когда выходом из него для части общества представляется возвращение к некоему, якобы органически присущему данному обществу укладу при реальной невозможности подобного возвращения к "истокам". Нет необходимости перечислять общеизвестные выпады Ювенала против заполнявших Рим чужеземцев. Но стоит привести его упреки богачу, владеющему землями, холмами и пастбищами в Апулии столь обширными, что сокол устает, перелетая их; его обогащают виноградники — ни на чьих повозках нет больше, чем у него, бочек вина. Ему бы ничего не стоило дать несколько югеров бедному клиенту, но он предпочитает отдать хижину, сельское дитя с его

матерью и игривым котенком "играющему на кимвале" (Ibid. IX. 54—63), видимо, служителю Сирийской богини, или Кибелы, — жрецы и приверженцы восточных культов были особенно ненавистны Ювеналу. Если только перед нами не совершенная фантазия, то напрашивается вывод, что выходцы с Востока выступали соперниками не только разношерстных обитателей Рима, ищущих покровительства сильного патрона, но и сельских жителей, получавших у патрона участок в аренду или прекарий. Правда, скорее можно представить себе, что Ювенал хотел настроить против сельских жителей чужеземцев, дабы укрепить в них почтение к римскому образу жизни и римской морали.

Итак, "Сатиры" Ювенала дают нам представление о настроениях "популярных" его времени, когда крестьяне теряли свои участки, становились арендаторами, прекаристами, кабальниками или уходили в Рим; когда стали ощущаться особенно интенсивно подрыв основ римского классического уклада и неудача его регенерации. Конечно, не один Ювенал сознавал неблагополучие создавшегося положения. На него откликнулся и Дион Хризостом в своей знаменитой "Эвбейской речи". Хотя дело у него происходит в Греции, но можно полагать, что он имеет в виду и другие оказавшиеся в сходной ситуации области империи, в том числе и Италию. Он начинает с описания идиллического быта двух семей, поселившихся в глуши и уединении и посвятивших себя сельскому хозяйству; затем переходит к бедственному положению скопившихся в городе неимущих и предлагает меры возвращения их к деревенскому труду для пользы их самих и всего общества.

Из аналогичных соображений исходил император Адриан (117—138 гг.), издавая свой закон о заимщиках земель в императорских доменах. Закон известен из надписи, найденной в Африке (CIL. VIII. 26416), но можно полагать, что закон действителен для всей империи¹⁶. В надписи, поставленной прокуратором, императорским вольноотпущенником Патроклом в правление Септимия Севера, сообщается, что Адриан "в постоянных заботах о пользе людей" приказал возделывать все участки земли, пригодные для оливок и виноградников и зерновых, и дал каждому право занимать участки и в пределах сданных в аренду центурий и не обрабатываемые арендаторами. Заимщикам дается право владения и пользования и передачи по наследству согласно закону Адриана о пустопорожних

¹⁶ Нам известен вольноотпущенник Адриана, служивший в ведомстве получаемых императором наследств в отделе составления уставов имений (CIL. VI. 8492). Это означает, что имения, переходившие в собственность императора, получали устав, скорее всего однотипный, с некоторыми вариантами в зависимости от местных условий.

землях и не возделывавшихся в течение 10 лет. Заимщики должны вносить обычную натуральную ренту в размере $1/3$ плодов; за вновь насаженные или привитые к диким деревьям маслины налог не взимался 10 лет, а за фруктовые деревья — в течение 7 лет. Тот же закон, в несколько сокращенном виде, цитируется и в другой надписи (CIL. VIII. 25943). Но несмотря на льготные условия, предоставлявшие заимщикам право наследственных посессоров, мероприятие Адриана не привело к возрождению италийского крестьянства.

Из дошедших до нас петиций на имя императоров из Африки, Мёзии, Малой Азии и Фракии мы знаем, что провинциальные крестьяне, не только еще жившие самостоятельными общинами на своей земле, но и сидевшие в качестве посессоров и колонов на все расширявшихся императорских землях, терпели многочисленные притеснения и обиды как от крупных съемщиков императорских сальтусов — кондукторов, так и от многочисленных членов администрации, солдат и командиров. С них требовали поставок транспортных средств, продовольствия для путешествующих чиновников и проходящих воинских частей, помещения их на постой; часто их просто грабили; кондукторы, у которых колоны были субарендаторами, требовали дополнительных взносов, увеличивали число дней, которые колоны должны были отработать в хозяйствах кондукторов, подвергали телесным наказаниям даже римских граждан, для подавления недовольства прибегали к помощи воинских отрядов, используя связи с командирами и администрацией.

Мы не имеем аналогичных документов из Италии, но если предположить, что близость императорского двора и известные традиции, требовавшие обращения с италиками не так, как с провинциалами, несколько сдерживали злоупотребления, то вряд ли их вовсе не было со стороны прокураторов, управлявших императорскими землями в разных округах Италии, или управителей отдельных имений из числа императорских рабов и отпущенников.

Крестьянское и "фермерское" хозяйства, лишенные защиты от последствий концентрации земли в руках императоров и частных латифундистов, становились все менее выгодны, было ли то хозяйство собственников или арендаторов.

Ко второй половине II в. в Италии участились затруднения с продовольствием. Недостачу вина, масла и пшеницы Антонину Пию (138—161 гг.) пришлось восполнить за счет казны и даром раздать народу (SHA. Ant. P. 8.11). Марк Аврелий (161—180 гг.) в

голодные времена выдавал италийским городам пшеницу из Рима (SHA. M. Ant. Philos. II. 3); для защиты арендаторов он отсылал на суд к префекту Рима всех, кто с кого-либо требовал сверх ренты (Ibid. II. 9—10). Борясь с запущением земли, он издал закон, чтобы провинциальные сенаторы четвертую часть своих земель имели в Италии, а затем расселил в Италии многих сдавшихся маркоманов (Ibid. 22.2).

В те же времена растет число надписей из городов Италии в честь местных видных граждан и магистратов, которые при нехватке и дороговизне зерна продавали его гражданам по дешевке или даже раздавали даром. При Коммодe (180—192 г.) из-за расхищения и небрежности его администрации, разбазаривавшей зерно, в Риме возник огромный его недостаток (Ibid. Commod. II. 1).

В то же время начинаются первые волнения в Италии, участниками которых были крестьяне и сельские рабы, — движение под руководством Матерна (*Herodian. I. 10*), распространившееся на Италию и Галлию, а несколько позже — действия "благородного разбойника" Буллы Феликса с его бандой. Вообще разбойники и выставлявшиеся против них посты бенефициариев (командиров мелких отрядов, несших полицейскую службу) становятся обычным явлением в Италии. Одна надпись из Канузия посвящена жителями города своему патрону, ведавшему императорскими землями в районе Апулии, Калабрии, Лукании и Бруттия, за его ревностную деятельность, направленную на сохранение спокойствия в районе (CIL. IX. 334), что, по-видимому, было редкой удачей.

Как известно, Септимий Север (193—211 г.) конфисковал много крупнейших имений у своих противников из числа провинциальной и италийской знати. Но в отличие от "антисенатских" императоров I в. он не роздал конфискованные земли мелким собственникам, оставляя их за государством. В провинциях, где набирались солдаты возросших при Северах армий и где они получали при отставке надель, различные привилегии и право быть причисленными к сословию декурионов (т.е. "благородных"), землевладение муниципальное, "фермерское", крестьянское укреплялось. В Италии солдаты практически не вербовались теперь даже из транспаданских районов и даже в преторианскую гвардию. Септимий Север набирал преторианцев из преданных ему провинциальных легионов. Но уже в найденном в Лукке дипломе Коммода, данном выходящим в отставку преторианцам и солдатам городских когорт, он жалует им право законного брака с пегринами и римское гражданство детям от таких браков (AE. 1985. № 390). Очевидно, они при Марке Аврелии были набраны на

Дунае и сделаны римскими гражданами, тогда как их сожители-перегринки могли стать законными женами после их отставки, следовательно, так же, как раньше, узаконивались гражданство и браки ветеранов вспомогательных частей. Италики уже с конца II в. не служили ни в каких контингентах. Значит, став ветеранами, они не пополняли число самостоятельных хозяев. Сидящие же на государственных землях и в Италии не были защищены от произвола имперской администрации. К ней теперь прибавились не дислоцированные ранее в Италии солдаты созданных Септимием Севером Италийских легионов и конных соединений (*equites singulares*), набравшихся в западных провинциях, а также упомянутых выше полицейских постов бенефициариев.

С усилением нажима на все слои населения законы конца II — начала III в. подтверждали, что колонны государственных земель должны нести муниципальные повинности "без ущерба для фиска" (*Dig. 50.1.38.1; Cl. 5.62.8*). В 225 г. эдиктом Александра Севера императорские колонны получали иммунитет (*Dig. 50.6.6; 10—11*). Но, как мы знаем из рассмотренных выше петиций, колонны императоров постоянно угрожали бегством на земли частных собственников. Судя по всему, освобождение от муниципальных повинностей не облегчало их положение. Если верить сообщению *Scriptores Historiae Augustae*, то императоры династии Северов очень заботились о раздачах римскому плебсу, прибавив к зерну и мясо (*SHA. Sept. Sever. 18.3; 23.2; Heliogab. 27.7; Alex. Sever. 21.9; 22.3*). Поскольку из-за начавшегося общего ослабления экономических связей, что, кстати, отразилось на ухудшении состояния навигации и переходе в основном к каботажному плаванию, импорт продуктов, несомненно, был затруднен, то снабжение Рима в большей степени легло на плечи италийских земледельцев. По сообщениям авторов *SHA*, Александр Север, борясь с дороговизной мяса в Риме, запретил убивать скот моложе двух лет, и цена на мясо упала в 4 раза (*SHA. Alex. Sever. 22.7—8*). Ему же приписывалось покровительство зерноторговцам и другим коллегиям торговцев сельскохозяйственной продукцией и устройство во всех округах (*regiones*) складов для продуктов, чтобы ими пользовались не имеющие своей частной охраны (*Ibid. 36. 1—2; 39.2*). По разъяснению юриста Каллистрата, купеческие организации необходимы, чтобы земледельцам не приходилось отрываться от работ для доставки продуктов в город на продажу (*Dig. 50.14.2*).

Но такие отдельные меры в пользу колоннов на государственных землях не могли существенно улучшить их положение, тем более что

беспрерывные гражданские войны (хотя они задевали Италию меньше, чем провинции) вели к неисчислимым бедствиям всего населения империи.

Все более неразрывной и юридически признанной становится связь колонов с землей в частных имениях (Dig. 30.112; 43.32.1; 50.15.4.8; 17.32). К сожалению, наши сведения о времени кульминации кризиса очень неполны и недостоверны, особенно для Италии. Источники сообщают, что Аврелиан (270—275 гг.) собирался на запустевших землях Этрурии селить пленных для разведения виноградников и снабжения вином народа, но затем решил, что делать этого не следует (SHA. Aurelian. 48). Покинутые владения и не имевшие господ имения передавались городам, чтобы они несли за них повинности, распределив их, после трехлетнего освобождения, между соседними владельцами и территориями (СІ. XI. 59.1), т.е. сдавались в принудительную аренду. Это показывает степень запустения земель и тяжесть повинностей, падавших на оставшееся земледельческое население.

Именно в связи с увеличением повинностей укрепляется и утверждается правом значение крестьянских общин, обязанных круговой порукой. Выше упоминались общины отпущенников, создаваемые патроном; преимущество эксплуатации общин сознает и государство. В рескрипте от 213 г. уже запрещается продавать свой надел без согласия совладельцев (СІ. III. 37.1.1), что относилось в том числе к общинам, получавшим землю совместно, как целое (*per universitatem*). Рескрипт от 259 г. гласил, что при совместной общей (*in solidum*) аренде многих лиц они обязаны общей ответственностью и владелец земли имеет право предъявить претензию каждому из них с тем, что исполнивший обязательства за других может требовать с них возмещения (СІ. IV. 65.13). Укрепление общин имело и хозяйственное значение — упрочение прав общинников на угодья, даже если то были колонны сальтуса, после жатвы пасшие скот на всей земле этого сальтуса¹⁷.

В эпоху домината завершаются начавшиеся ранее процессы, которые определили судьбу крестьянства Империи, в том числе и италийского. Сельский плебс отделяется от городского окончательно. На городской территории ответственность за повинности несут куриалы, на сельской — должностные лица общин (магистраты, *graepositi*, префекты пагов). Установление это, известное из кодексов в общей форме, действовало и для Италии. Как вытекает из найденного там соответственного декрета Валентиниана

¹⁷ *Sereni E. Storia del paesaggio agrario italiano. Bari, 1962. P. 39 sg.*

(364–375 гг.) (АЕ. 1984. № 273), колонны разного происхождения прикреплялись к земле и все более обезличивались с усилением своей зависимости от господина. Связь земледельческого населения с городским слабеет, его центром становятся общины более или менее самостоятельные на государственной земле или сидящие на земле крупного собственника, своего патрона и защитника от императорского бюрократического аппарата.

Насколько глубокие перемены произошли к середине IV в. в итальянском сельском хозяйстве, мы можем отчасти себе представить на основании труда последнего римского агронома Палладия. Наиболее характерное его отличие от авторов II в. до н.э. — I в. н.э. — отсутствие интереса к проблеме организации труда рабочей силы в имении, которой столько внимания уделяли Катон, Варрон и Колумелла. Иногда он упоминает работников, выполняющих отдельные трудовые операции, не уточняя их статуса как рабов, колонов или батраков. Порой он употребляет термин *rustici*, могущий означать и колонов и крестьян. Но такие упоминания редки и не дают возможности судить, кто именно работал у Палладия, как осуществлялись надзор за работниками, распределение обязанностей, поощрения и наказания — словом, все то, что заботило землевладельцев прежних веков. Можно предполагать, что ко времени Палладия уже сложился некий стандарт организации рабочей силы имения, стандарт настолько всеобщий, что уже не подвергался обсуждению. Скорее всего, основой его были отработки в господской части имения имевших там свои наделы колонов, будь то посаженные на землю рабы и отпущенники либо прекарисы, инквилины, колонны, если еще не юридически, то практически слившиеся в один класс-сословие зависимых прикрепленных к земле крестьян.

Таков был итог истории римского крестьянства.

Как основная составная часть римского плебса, оно в ходе борьбы с патрициями в наибольшей степени способствовало формированию классической римской *civitas* — специфического типа римской демократии и римского рабовладельческого способа производства с присущими ему социально-экономическими структурами. Оно было движущей силой становления римской средиземноморской державы и ее организации по типу организации римской, а затем итальянской городской общины и их территорий.

Новые процессы в экономике вели к обезземеливанию крестьянства и его борьбе за земельные наделы, достаточные для организации "фермерских" хозяйств, дающих продукцию для участия в товарообмене с производителями ремесленных изделий. Борьба ор-

ганизованных в армию крестьян была одной из главных движущих сил, приведших к установлению Империи и определивших политику императоров I века, направленную на ограничение крупнейшего землевладения и поддержку крестьянских хозяйств, мелких и средних, расположенных на территории городов и сельских общин. Однако крестьяне, отстраненные от участия в народном собрании, утрачивают свое былое значение, и попытки искусственно восстановить их ведущую роль в обществе не удаются. Приход к власти династии Антонинов, ставленников "партии" сената, привел к новому росту частных и императорских латифундий, упадку крестьянских хозяйств, росту зависимости сельских общин и отдельных крестьян от патронов и "благодетелей", к развитию колоната, близкого прекарию. Соответственно начинает меняться социальная структура, разлагаются классы-сословия классического Рима и формируются новые. В результате этого процесса окончательно исчезают все некогда завоеванные плебсом свободы, которые ограничивали возможности эксплуатации труда сограждан, что в свою очередь вело к развитию "классического" рабства. Как следствие, крестьянство подвергается все большей эксплуатации, рабы частично фактически сливаются с колонами, частично, получая свободу, — с другими сословиями, вплоть до высших. Вместе с тем слабеет исконный античный принцип организации города и его территории как единого целого достояния сограждан с их правами и обязанностями. Из территории города изымаются домены сенаторов и императоров с их населением, затем плебс разделяется на городской и сельский. Центрами притяжения для последнего становятся уже не города, а крупный домен с мастерскими, рынками, храмами или сельская община. Права и обязанности сельских общин, прежде существовавшие лишь фактически, признаются и оформляются юридически.

Изменения в строе классической крестьянской римской республики, как известно, вызывались развитием денежного хозяйства, сопровождавшего рост ремесла, торговли, приток добычи. Как всегда и всюду, проникновение денег разоряло часть крестьянства, подрывая основы *civitas*, что отлично сознавали наиболее дальновидные политические деятели.

Пытаться бороться с этими процессами можно было двумя путями. Во-первых, ограничивая "власть денег" законами против ростовщичества и роскоши, регулированием цен, ограничением импорта и поощрением автаркичного, натурального хозяйства. Последние по времени республиканские планы такого рода содержались в известных "Письмах Саллюстия к Цезарю" (независимо от их подлинности). Программа эта, в общем, была нереальна, ибо шла напере-

кор объективному процессу экономического развития. Во-вторых, можно было приспособить к данному процессу крестьянское хозяйство, сделав его "фермерским", т.е. ориентированным на рыночное производство продукции в относительно большом количестве и достаточно разнообразной, чтобы продавать ее в городах, снабжать ремесленников и покупать их продукцию, все более высокосортную. Так уравнивались обе стороны экономики Римской республики "к общей пользе". По этому пути — предоставляя крестьянам большие наделы — пытались идти Гракхи, затем триумвиры, Август и его непосредственные преемники под лозунгом "восстановления нравов предков", хотя крестьянство I в. н.э. никоим образом не воспроизводило крестьянство IV—III вв. до н.э. Но и эта политика в конце концов потерпела неудачу под влиянием растущей земельной концентрации.

Пройдя длинный путь развития, Римская держава приходит к строю, уже мало напоминающему античный. Можно ли считать это абсолютным упадком, как то иногда предполагается? Точка зрения некоторых современных авторов по этому поводу изложена Г. Бауэрстоком¹⁸. Она сводится к отрицанию падения Римской империи до арабского завоевания на западе и турецкого на востоке. Изменения шли постепенно во все века существования римской державы, так что нельзя найти ни наивысшую точку ее развития, ни дату ее падения — при варварских королях жизнь не очень отличалась от жизни при римских императорах IV в. и была даже богаче у разных слоев населения; императоры же IV в. не очень отличались от принцепсов I—II вв. Автор прав, отрицая тотальный упадок: знать IV—V вв. аккумулировала огромные богатства; изменение стиля изделий ремесла говорит не об упадке, а о новых вкусах заказчиков и покупателей.

Но неправомерно не видеть коренного изменения социальной структуры за внешним континуитетом в некоторых сферах жизни. Античная гражданская городская община перестала быть структурообразующим элементом системы (что не означает исчезновения городов, городского ремесла и торговли). А утрата ею этой функции была непосредственно связана с эволюцией крестьянства, которую мы пытались проследить на примере Италии, с превращением его из "цвета" римского свободного гражданства в основной эксплуатируемый класс-сословие, включавшее также отпущенников, рабов и по-

¹⁸ Bowerstock C.W. The Dissolution of the Roman Empire // The Collapse of Ancient Civilizations / Ed. by N. Goffee and J.L. Cowgill. Thocson: Arisona press, 1988. P. 164—175.

саженных на землю варваров. Изменения шли постепенно и зигзагообразно, но отрицать их значение для всех сфер жизни вряд ли возможно. Видимо, речь может идти об упадке античного уклада жизни со всеми его структурами, но не об упадке общества как такового, поскольку его трансформация открывала путь к дальнейшему развитию и в материальной и в духовной сферах жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И так, мы рассмотрели эволюцию римского крестьянства как одного из основных факторов истории римского мира в целом. Остается попытаться выяснить, как происходившие процессы отражались в идеологии крестьянства и всего римского общества.

Один из важнейших вопросов в этом плане — отношение к земле, вернее, к собственности на землю. Общеизвестно, у античных мыслителей были на этот счет разные мнения. Одно сводилось к представлению о "золотом веке" жизни у варваров и в неких фантастических странах как наиболее справедливом устройстве общества благодаря отсутствию частной собственности на землю, порождающей раздоры, войны, различие между бедностью и богатством, тяжелый труд и всяческие пороки. По мнению других, на заре своей истории люди жили не в "золотом веке", а в состоянии хаоса и беззакония. Жизнь их упорядочилась с установлением права, предполагавшего, между прочим, разграничение полей межевыми камнями и неприкосновенность собственности на них. Гарантом (и первым размежевателем) мог выступать Юпитер, персонифицированный межевой камень термин, Церера, носившая эпитет "законодательница", так как законность и неприкосновенность собственности на земельные владения неразрывно связаны. Вариантами таких полярно противоположных концепций была теория о земле как собственности рода человеческого. По этой причине человек может только временно владеть своим наделом, который затем перейдет к другому, такому же не господину, а колону. Отсюда же проистекает представление о принадлежности земли городской или иной общине, коллективу сочленов как верховному собственнику, передающему владельческие права на отдельный участок кому-либо из общинников.

Последняя точка зрения была наиболее распространена среди римлян скорее всего с самого конституирования римской *civitas*, слияния земель отдельных общин в *ager publicus populi Romani* и появления формулы, которой утверждалось право владельца на его надел: *meum esse ex iure Quiritium*. Она означала, что право на надел

он имел потому, что принадлежал к общине квиритов и получил этот участок согласно законам квиритов.

Как уже отмечалось в первой части работы, древнейшие установления, касающиеся земли, неясны, спорны и по-разному толковались и толкуются как римскими, так и современными авторами. Но более или менее несомненно действие в Риме (хотя бы в теории) принципа "трудовой собственности") — владения земельным участком только, пока тот возделывается и приносит *fructus* ("плоды" и как синоним — "доход"). Столь же очевидно, что в период борьбы патрициев и плебеев те и другие понимали этот принцип по-разному и, как можно полагать, соответствующим образом аргументировали свое отношение к аграрному вопросу.

Не раз отмечалось в литературе, что патриции хотели сохранить открытый для оккупации *ager occupatorius*, плебеи же требовали выделения из общественной земли наделов, раздаваемых главам фамилий. Некоторый свет на сущность вопроса проливают агрименсоры. Гигин и Сикул Флакк подчеркивают, что "предки" давали человеку столько земли, сколько он мог обработать сейчас, и якобы даже Гракхи руководствовались этим принципом, установив земельный максимум. Но авторы эти делают исключение для земель, "отнятых у врагов" и предоставленных для оккупации (*agri occupatorii*). Из них оккупирующий мог взять не только сколько мог возделывать в данный момент, но и сколько мог надеяться возделывать в будущем (SRF. I. S. 115, 136—137). Патриций, имевший множество сородичей и товарищей (*sodales*), клиентов и прихлебателей и постоянно увеличивающий их число для укрепления своего престижа, стремился из завоеванной земли, ставшей не просто *ager publicus populi Romani*, но *ager occupatorius*, захватить как можно большую территорию для содержания всей этой "свиты", захватить "впрок", что противники патрицианского своеволия считали незаконным, требуя раздела захваченной земли между теми, кто ее завоевал и кто может сразу ее обработать, будь то наделение подушное (*virgatum*) либо во вновь основанной колонии для группы граждан.

Данное, первоначально возникшее из столкновения реальных интересов противоречие легло в основу идеологии римского крестьянства последующего времени. Ее героями были цари, раздававшие народу завоеванные земли, избавляя бедных от необходимости работать на других и делая их свободными гражданами, самостоятельными, ни от кого не зависящими хозяевами. Выдвигавшиеся знатью обвинения в стремлении к царской власти против всех популяров, начиная со Спурия Кассия и кончая Тиберием

Гракхом и Цезарем, были не лишены оснований, так как крестьянство в периоды особой остроты аграрного вопроса приветствовало бы царя, подобного Сервию Туллию. Мы уже продемонстрировали распространение в римском обществе с обострением конфликтов со знатью в I в. до н.э. историй о царях — римских и чужеземных, престолярного и даже рабского происхождения. Римские крестьяне, неся службу в армии и воюя в разных странах, знакомились с чужеземными обычаями и традициями; бывая в Риме и других городах они смотрели представления, слушали ораторов в народных собраниях и судах, участвовали в общенародных празднествах и церемониях. Все это, естественно, расширяло их горизонты, так же как и распространение грамотности и начальных школ. В эпоху расцвета классической римской *civitas* не было особого водораздела между культурой и идеологией различных слоев общества, которые в основном зиждились на системе ценностей, сложившейся в среде крестьянства, ставшего в ходе борьбы и побед плебеев и все новых войн ведущей, определяющей частью народа. Господствующая мораль была моралью крестьянской *familia*. Принцип трудовой собственности господствовал безраздельно. Право на участок определялось вложенным в него трудом как самого владельца, так и его "отцов и дедов". *Ager patritus et avitus* — возделанный предками и переданный потомку, считался самой священной и неприкосновенной собственностью. Хранители его — Лары, культ которых развился из культа предков — стали главной святыней фамилии наряду с объединявшим ее очагом — Вестой. Значение трудов и заслуг предков как наследия их потомков сказывалось и в особом уважении к тем, кто вел свой род от деятелей, прославленных своими услугами народу. Фамилия, ее свободные и несвободные члены, чтобы исполнить свой долг — извлечь из земли плоды и приумножить их, — в трудных условиях римского земледелия должна была быть сплоченной и дисциплинированной, подчиняться единой воле ее главы. Но и он должен был править своей фамилией разумно и к ее же благу. Отсюда основные добродетели — *pietas* и *fides*, определявшие взаимоотношения внутри фамилии и между нею и богами. Отсюда же протест против ненужных затрат, не идущих в дело, что сказывалось в законах о роскоши, цензуре и т.п. Фамилия, естественно, не была изолированной единицей; она не могла существовать на своем участке без угодий соседской общины и взаимопомощи соседей. Конечно, отношения между соседями далеко не всегда были идиллическими. Возникали ссоры из-за границ участков, потрав, плодов дерева, падавшего на участок соседа, распределения воды и многого другого. Но все же община (село,

паг) были сплочены, и недаром учреждение пагов и праздника Паганалий приписывалось благодетелю народа Сервию Туллию. Любопытно, что, по словам Колумеллы, религиозные крестьяне по древнему обычаю при посеве хрена, репы и тыквы молятся, чтобы они выросли и у него и у соседа (*Colum. XII.3*). Соседские праздники в честь компитальных Ларов и бога межи Термина справлялись совместно на перекрестках; праздники в честь Либера и Цереры должны были поддержать и освятить добрососедские отношения, прочность соседской общины так же, как общенародные праздники закрепляли единство римского народа.

В фонд римской науки и практики прочно входили наблюдения за природой и опыт крестьян. С ранних времен наблюдения за небом, наиболее заметными звездами и созвездиями (получившими латинские, а не греческие наименования), за их восходом, заходом и движением служили для определения времени начала и окончания различных сельскохозяйственных работ¹, прогнозов погоды и видов на урожай. Первоначально наблюдениям занимались жрецы, сообщавшие народу, когда и что следует делать. Но со временем крестьяне, сами наблюдая за светилами², очевидно, настолько ознакомились с их движением, что Варрон уже советовал вывешивать это "расписание" на вилле, чтобы виллик мог им руководствоваться для проведения разных работ.

Известны два календаря I в., предназначенные для земледельцев (*menologia rustica*), вырезанные на камне. В них указывались названия месяцев, число дней, долгота дня и ночи, в каком созвездии находится Солнце, праздники, каким богам приносятся жертвы и какие производятся работы: стрижка овец, мытье шерсти, сбор яблок, подрезка гроздьев и т.д. Отмечались дни счастливые и несчастливые, дни народных собраний, нундины, дни для суда³. Особенно большую роль в крестьянской астрономии играла Луна, дни, связанные с ее фазами, с полнолуниями и новолуниями, когда было можно — или нельзя — стричь овец, рубить деревья, косить траву и т.д. (например: *Varro. RR. I. 32*). Вероятно, это было не просто суеверием, а результатом многовекового опыта, которым не пренебрегали ни Варрон, ни Плиний Старший, ни Колумелла.

¹ Знаменательно, что слово *considerare* происходит от "созерцать звезды", т.е. наблюдение за небом было как бы первым стимулом к размышлению. См.: *Lindsey J. Origines of Astrology. N.Y., 1972. P. 215.*

² Так, известный пролог Плавта, произносившийся звездой Арктур, видимо, взят не у греков, а из римского фольклора (*Ibid. P. 217*), что говорит о знакомстве публики с небесными светилами.

³ *Ibid. P. 232 f.*

Последний в связи с советами пчеловодам исходит сперва из расчета времени по восходу Плеяд, Сириуса и Арктура, движению Солнца, дням солнцеворота и солнцестояния по данным Евдокса, Метона и Гиппарха, но затем советует руководствоваться фастами древних астрологов, приспособленными к общеизвестным жертвоприношениям, так как они понятны грубым умам крестьян (*Colum. IX. 14*). Допустимо предположение, что культ светил жил в древнейшие времена в крестьянской среде независимо от восточных влияний, которым обычно приписывают распространение астральных и солярных культов в эпоху Империи. Весьма возможно также, что исконная связь времени сельскохозяйственных работ с положением светил обусловила широкий интерес в Риме к астрономии с точки зрения как теоретической, так и практической. Со II в. до н.э. переводили и читали "Феномены" Арата, сочетавшего в своем сочинении то и другое направление⁴. Астрономию, по мнению Полибия, должен был знать полководец, по утверждению Витрувия — архитектор, а по убеждению Варрона — вилик. Разные авторы приводили в своих сочинениях сведения по астрономии; даже Сикул Флакк в трактате, включенном в корпус агрименсоров, сообщает свое представление об устройстве Вселенной (*SRF. I. S. 173*).

В известном смысле можно сказать, что нормы римской крестьянской общины определили и некоторые нормы римского права. С древнейших времен жестокой карой было "отлучение от воды и огня", т.е. от святынь, связывающих воедино общину и соседей, пьющих из одного источника, как определял паг, и хранимых общим очагом — Вестой. Еще более важным было влияние права на концепцию крестьянского мировоззрения в целом. В первую очередь это относится к нормам, определявшим отношение к земле⁵. Как мы уже не раз упоминали, имела неразрывная связь владения и пользования, в первую очередь, в отношении земельного участка, неизменно подтверждаемая всеми юристами, и на этом же принципе основывались выступления против запущенных и плохо обработанных латифундий как в I в. до н.э., так и в I в. н.э.

Возможно предположить, что отношение крестьянства к земельной собственности сказалось и в преданиях о Сервии Туллии, образ которого, как мы пытались показать в первой части, во многом создавался как образ "доброго царя", осуществляющего "программу"

⁴ Он описывает расположение созвездий и приметы погоды по виду светил, облаков, поведению животных. С посевом и жатвой он, следуя за Гесиодом, связывает восход и заход Плеяд.

⁵ Подробно см.: Штаерман Е.М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 48–100.

плебеев-крестьян. Как мы помним, ему приписывалось учреждение пагов с их магистрами и праздником Паганалий. Паги, очевидно, существовали и до него — из их объединения формировался и расширялся Рим, а из их общественных земель — его *ager publicus*, возраставший с присоединением земли, "завоеванной у врагов" (*ager occupatorius*). Видимо, из-за него-то и шла борьба плебеев, желавших, чтобы он был поделен между ними подушно, и патрициев, настаивавших, чтобы он был оставлен для оккупации желающими вне всяких норм. Попутно они могли захватывать и исконно общинные земли. Против такой практики, возможно, выступал Сервий Туллий (или это было ему приписано), закрепив за пагами их общинные угодья, что было интерпретировано как организация пагов и регулирование их жизни. В аграрном законе 111 г. до н.э., созданном в интересах знати⁶, запрещалось выделение новых *comprascua* из *ager publicus*, остававшегося резервом для роста крупных вилл и пастбищ. Сохранение *ager publicus* подкреплялось идеей общей собственности, не разделявшейся плебеями, которые желали иметь свой надел и "жить никому не кланяясь".

К крестьянскому хозяйству восходят юридические нормы, определявшие права и обязанности главы фамилии, тесно связанные с его функцией жреца фамильного культа Ларов, организатора производственных процессов, долженствовавших увеличить благосостояние фамилии, а тем самым и благополучие Рима. Так, и тогда, когда появилось и все более углублялось различие между *urbanitas* и *rusticitas* — "интеллигенцией" и "деревенщиной", первая многое сохраняла от второй, что сказывалось и в постоянной апелляции к "нравам предков", морали крестьянской общины как утраченному идеалу.

Идея общей собственности на землю без частных наделов и межей не импонировала римскому крестьянству ни при Республике, ни при Империи. Стерлась и идея верховной собственности народа. Как уже упоминалось, принцепс, которому "римский народ передал свою власть и величество", заменил римский народ и как верховный собственник земли с правом (в теории, по крайней мере) наделять землей и отбирать ее по своему усмотрению). К какому логическому выводу приводило такое положение, видно из одного места полемики Цельса и Оригена. Цельс, укоряя христиан за отказ от культа императора, говорил, что тому принадлежит все, и все, что мы имеем, мы получаем от него по его милости; Ориген же отвечал, что все принадлежит Богу и наше достояние нам дает Бог за наши

⁶ *Granet J. La loi agraire de 111 // Pallas. 1989. Vol. XXXV. P. 149.*

труды⁷. Нам неизвестны схожие контroversии в нехристианских источниках, но можно легко себе представить, что среди "маленьких людей" могли быть взгляды, аналогичные взглядам Оригена, оппозиционные проповеди императорских благодеев, дающих принципам право на божеские почести, о чем позволяют догадываться некоторые черты религии "маленьких людей" во время Империи.

Часто в работах по истории римской религии подчеркивается "консерватизм" крестьян, остающихся верными старым богам, тогда как остальные социальные слои обращаются к философии, мистериям, восточным культам в поисках эмоций, чуждых сухой религии Рима.

Но если признать, что крестьянство, как, впрочем, и жители небольших городов, продолжали чтить римских богов, то их образам давалась иная, соответствующая именно крестьянской идеологии того времени интерпретация. Ее придерживались и распространяли не порывавшие с крестьянством, из которого они вышли, низшие городские слои и близкие им рабы и вольноотпущенники, входившие вместе со свободнорожденными в одни и те же культовые коллегии и организации⁸.

Наиболее распространены были здесь божества, связанные с землей, фамилией, материнством. В сельских местностях рабыни, отпущенницы и свободнорожденные женщины входили в коллегии Дианы, Венеры, Феронии и Цереры и были неофициальными жрицами богинь в культовых союзах. Популярностью пользовалась Добрая Богиня, которую теперь почитали не только женщины, но и прежде исключавшиеся из ее культа мужчины. Хранители фамилии Лары и (в одном из своих аспектов) покровитель тружеников Геракл из-за своих связей с императорскими культами несколько теряли популярность в низах, но все же посвящения им были нередки. Особенно показательно широкое распространение культа Сильвана, древнего лесного бога, никогда не имевшего официального культа, в период Республики получавшего жертву вместе с Марсом в лесу от хозяина участка за его быков, но вообще не очень популярного. Но в эпоху Империи число посвящений ему от простого народа и организованных в его честь коллегий намного превосходит число посвящений и коллегий в честь других божеств в той же среде⁹.

⁷ Ранович А.Б. Античные критики христианства. М., 1935. С. 99.

⁸ Поскольку я уже неоднократно пыталась проанализировать и обобщить данные о религии низших классов Рима, здесь подведу лишь краткие итоги.

⁹ Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.

Как можно судить по имеющимся данным, Сильван своим почитателям представлялся как бог земли, растительности, скота и крестьянского труда — он изображался в крестьянской одежде, с деревом и псом. Хранитель имения и рощи, разделявшей соседские участки, он являлся своим почитателям во сне, подавал знаки своей воли, спасал от опасностей, освобождал от рабства, поощрял их жить правильно и честно, и вместе с тем был могучим и великим богом-творцом, создателем небесного свода; как небесная, светоносная, великая и могучая почиталась *Добрая Богиня*, целительница и одновременно хранительница поля; имения, пага. Космическим божеством для земледельца стал *Приап* — страж садов, податель плодородия и персонаж фаллического культа.

Эти культы свидетельствуют не о консерватизме крестьян, а об определенной идеологии, сформировавшейся в условиях Империи и отчасти из протеста к ней. Официальной идеологии с ее культом императора как всемогущего владыки и всеобщего благодетеля, идеологии высших слоев, чем далее тем более презиравших все материальное, земное и людей земли, противопоставлялись боги земли и труда на земле, но вместе с тем великие и могучие космократоры, власть которых была неизмеримо выше власти земных владык и "благодетелей". По существу, здесь уже намечалась мысль, высказанная Оригеном: человек своим достоянием обязан богу, а не императору.

Кроме того, эти боги, в первую очередь, Сильван, воплощали идею неприкосновенности земельного участка и добрососедских отношений в крестьянской общине, собирающейся на совместные праздники в общей роще или на перекрестках сельских дорог. Исходным и общепризнанным было представление о принадлежности гражданина и земледельца к той или иной общине.

Исконные установки, касающиеся земли и собственности на нее, интерпретировались, однако, различно. Крестьянин хотел, чтобы никто не покушался на его участок, пока он его возделывает. Юпитеру и Церере приписывалось размежевание земли, и они карали тех, кто присваивал чужую собственность. Нуме атрибутировалось установление культа бога межи Термина. Соседи собирались у межевого камня в праздники *Треминалий*, совместно принося жертвы Термину, хранителю нерушимой межи. Но он же был богом добрососедских отношений, т.е. добрые отношения в общине соседей (*вицинии*, паге) в крестьянской идеологии дополняли идеал трудовой собственности. Соседи собирались на общих перекрестках в праздники *Ларов*, *Цереры* и *Литера*, а при Империи — игравшего ту же роль Сильвана.

В известной XIII речи сборника риторических упражнений, приписывавшихся Квинтилиану, бедняк, выступающий против богача, рисует такую общину добрых соседей, разрушенную богачом. В другой речи того же сборника (238) крестьянин выступает против передела наделов, некогда полученных каждым гражданином: такие переделы могут только лишить крестьянина стимула к труду, если его увеличенная благодаря прилежанию земля будет урезана в пользу ленивого и нерадивого, не сумевшего сохранить свой надел. Самым же главным была органическая связь положения самостоятельного хозяина с положением свободного человека, так как работавший на другого уже не считался полностью свободным, а получаемая им плата считалась "ценой рабства".

Общенародный характер собственности служил в раннее время для патрициев оправданием права оккупации без ограничений на *ager occupatorius*, в первую очередь, взятом у врага; захват часто осуществлялся насильно, с помощью дружин клиентов, сородичей. Впоследствии оптиматы, как видно из сочинений Цицерона, оправдывали свои права на имущества тем, что некогда их предки заняли эти земли как оккупированные, а собственность на такие земли для наследников более законна, чем собственность, приобретенная покупкой или иным путем. С установлением Империи, император заменил народ и как верховный собственник земли наделял ею граждан и конфисковал ее по своему усмотрению.

Так идея общенародной собственности становилась базой оправдания собственности высшего сословия, а затем государства, его главы, что в последние века Империи вело к страшному гнету государства по отношению к народу. Собственность же крестьянина на его участок в соседской общине была основой римской демократии и свободы. Крестьянская концепция трудовой собственности обуславливала особое отношение к труду.

Распространенное мнение о презрении римлян к труду в корне ошибочно. Оно основывается на нескольких высказываниях Цицерона (в его трактате *De officiis*) и Сенеки, доказывавшего, что мудрец не должен заниматься практической деятельностью — уделом рабов. Но ведь и в новые и новейшие времена высшие классы, как правило, физическим трудом не занимались, что не доказывает презрения к труду общества в целом. На деле многие примеры, о которых уже шла речь ранее, подтверждают, как высоко ставили римляне труд. Общеизвестны высказывание Вергилия в "Георгиках" о пользе, принесенной сменой золотого века на железный, и его сентенция — "все побеждает труд". Несколько варьирует это и Манилий в своей поэме "Астрономика". В баснях

Горадия, прокомментированных Псевдо-Акроном и Порфирионом, рассказывается о том, как Геракл помог прилежному крестьянину вытащить застрявший плуг и отказал в помощи ленивому; как Меркурий крестьянину, упорно старавшемуся вытащить упавший в реку топор, подарил топор из золота, а ленивому не помог вытащить и его железный топор; как Меркурий послал батраку клад и тот купил участок, на котором батрачил, и стал счастлив, работая на своей земле. "Боги помогают не тем, кто молится, а тем, кто трудится до седьмого пота", — гласила пословица. Басня Федре о пчелах и трутнях, которые пытались отнять соты и мед у пчел, кончалась выводом, что плоды труда должны принадлежать тем, кто их создал, а не тунеядцам. Гален противопоставлял "союз Меркурия" — искусных ремесленников, строителей и врачей — союзу бездельников, а хорошо обученного раба, стоившего 10 тыс. драхм, его никчемному господину, не стоившему и одной драхмы. В эпитафиях простых людей часто отмечались их искусство в ремесле и трудолюбие. На надгробиях и алтарях нередко изображались сцены и орудия труда. Первые христиане провозгласили правило "не трудящийся да не ест". Лактанций писал, что Иисус явился как сын плотника, дабы за ним мог следовать любой труженик¹⁰.

Мировоззрение крестьянской общины во многом определило основы идеологии римской *civitas*. В своем классическом аспекте она предполагала равенство граждан и привилегии — почет и славу — лишь заслужившим их подвигами во славу римского народа. В отличие от греков, признававших право притязания "сильной личности", идеологи римской системы ценностей (Катон, Цицерон и др.) не одобряли людей, старавшихся выделиться из равных между собой граждан чем-либо, кроме доблести (*virtus*) (например, посвящением в мистерии, приобщением к тайной мудрости, недоступной другим). Да и самый набор "добродетелей" гражданина — суровая мужественность, трудолюбие, простота нравов и образа жизни, умение хорошо воспитать детей и желание оставить им хорошее наследство — все это добродетели крестьянские, и их в значительной мере Рим дал последующим векам, когда римская культура стала основой дальнейшего прогресса культуры Европы.

Еще Р. Пельман обратил внимание на проанализированную нами XIII декламацию Псевдо-Квинтилиана (речь бедного крестьянина против богача, погубившего его пчел) как на памятник идеологии римского крестьянства, видевшего общественный идеал в

¹⁰ Подробнее об отношении римлян к труду см.: Штарман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов в Римской империи. М., 1961.

сообществе и содружестве "добрых соседей", которые владели беспрепятственно своими наделами, возделываемыми их трудом, помогали друг другу, вместе распоряжались общественными угодьями с неприкосновенными границами. Исконная для римского крестьянина идея свободы как экономической независимости самостоятельного хозяина, работающего на себя, а не на другого, но готового помочь согражданам и сочленам своей общины, без которых его бытие немислимо, продолжала жить и в период Империи, обретая новые выражения и осмысление. Так что именно она, а не идея "золотого века" с отсутствием частной земельной собственности, питала и предания о римских царях-народолюбцах, и систему моральных ценностей, и право, и учения о соотношении общего и особенного, единства и множества, коллектива и индивида.

Многokrатно модифицируясь, сталкиваясь с другими, часто противоположными течениями, концепции, в основе которых лежало в конечном счете мировоззрение римского крестьянства, повлияли и на многие последующие теории — социологические, философские и религиозные. Преломились они и в раннем христианстве, которое до логического завершения довело протест простого подданного римских императоров против гнета идеологического нажима.

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШТАЕРМАН (1914–1991)

22 октября 1991 г. не стало Елены Михайловны Штаерман — поистине выдающегося историка, ученого яркого и оригинального таланта, прекрасного человека. Можно сказать, что с ее уходом завершилась целая эпоха в истории отечественного антиковедения. Жизнь Елены Михайловны была неразрывно связана со своим временем и судьбой ее страны, но масштабность личности позволила ей видеть, и даже предвидеть многое из того, что ускользало подчас от взгляда ее коллег и современников. Опережать время своими трудами — такое дается нечасто. Этот редкий счастливый дар органично сливался с талантом ученого и благородством человеческой души.

Родители Елены Михайловны происходили из Могилева-Подольского. Отец учился в Германии, стал инженером. Ко времени рождения дочери семья жила в Петербурге. В доме любили читать, много путешествовали (бывали родители Елены Михайловны и в Италии). Именно в родительском доме пристрастилась Елена Михайловна к литературе, истории, получила прекрасное знание немецкого языка (в Ленинграде она училась в немецкой школе на Литейном проспекте вместе с немецкими детьми). После переезда семьи в Москву в конце 20-х годов вся жизнь Елены Михайловны была связана с этим городом. Здесь она закончила школу, поступила в 1930 г. в дорожный техникум, откуда ушла в 1932 г. с III курса и стала работать чертежницей в строительной конторе "Гипрохолд".

В 1934 г. Елена Михайловна поступила на вновь открывшийся исторический факультет Московского университета. По окончании его в 1939 г. она была оставлена в аспирантуре при кафедре древней истории, занималась под руководством профессора Н.А. Машкина, подготовила кандидатскую диссертацию на тему "Кризис III века в Галлии и Африке" (защита состоялась в августе 1942 г.). В дальнейшем, работая некоторое время (1942–1944 гг.) старшим библиотекарем в отделе систематического каталога Библиотеки им. В.И. Ленина, а с 1944 г. в секторе вспомогательных дисциплин Института истории материальной культуры (ныне Институт

археологии РАН) под руководством крупнейшего эпиграфиста Б.Н. Гракова, Елена Михайловна целеустремленно продолжала свои исследования по истории Римской империи. С 1940 г. на страницах журнала "Вестник древней истории" и других изданий стали появляться ее статьи, обзоры, рецензии. Ежегодно Елена Михайловна выступала с научными докладами на заседаниях Сектора истории древнего мира Института истории АН СССР, на постоянную работу в который она перешла в конце 1950 г. С этим сектором и журналом "Вестник древней истории" оказалась связана вся ее жизнь, до самых последних дней.

Уже первые публикации поставили молодую исследовательницу в ряд крупнейших специалистов по истории Рима. Ее идеи и концепции, тщательно проработанные и основанные на глубоком осмыслении разнообразных источников, находили живой отклик среди антиковедов, как отечественных, так и зарубежных. Заметным событием в науке стала защита ею докторской диссертации "Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи", которая была опубликована в 1957 г. и затем переведена на польский и немецкий языки.

Интерес к дискуссионным, малоизученным проблемам, умение найти нетрадиционные источники и подходы к их изучению, врожденный демократизм, обусловивший внимание к материальной и духовной жизни низших социальных слоев, в сочетании с огромной работоспособностью, добросовестностью научного анализа и смелостью синтеза характеризуют все работы Е.М. Штаерман последующего периода — и в особенности исследование о морали и религии угнетенных классов Римской империи и книги о римском рабстве, вышедшие в серии "Исследования по истории рабства в античном мире". В 60-е годы настал период крупных теоретических обобщений, вызванный необходимостью согласовать свое видение римской истории с новейшими культурологическими и социальными концепциями. Статьи конца 60-х годов стали событием не только для коллег-антиковедов, но и для широкого круга философов и историков. Результатом многолетнего вдохновенного труда оказалось создание Еленой Михайловной собственной оригинальной концепции истории Рима от Архаического периода и до Поздней империи.

Елена Михайловна до последних дней продолжала с любовью и интересом постигать историю ее любимых древних римлян. Ее все более увлекали проблемы их идеологии, религиозные и философские представления. Выходили книги, статьи, рецензии, и переводы источников. Пока не все из наследия Елены Михайловны увидело

свет, и, наверно, еще не пришло время для полной его оценки. Незадолго до кончины Елена Михайловна сдала в "Вестник древней истории" статью "Человек и космос в мире Рима", которую ей не суждено было увидеть напечатанной (она вышла только в 1992 г. в номере, посвященном ее памяти). Не сомневаемся, что вскоре должны появиться серьезные исследования, посвященные творчеству Елены Михайловны. Но и сегодня для всех очевидно огромное значение трудов Е.М. Штаерман для мирового антиковедения. Ее идеи и концепции уже оказали немалое влияние на развитие нашей науки и продолжают воздействовать на творчество многих специалистов по истории Рима.

Кончина Елены Михайловны Штаерман — огромная потеря для исторической науки. Но особенно тяжела и невосполнима эта утрата для ее ближайших коллег и учеников — в Секторе античной истории Института всеобщей истории РАН, где она проработала свыше сорока лет, и в "Вестнике древней истории", бессменным членом редколлегии которого она была с 1967 г.

Глубоко скорбя о Елене Михайловне Штаерман, беззаветно преданном любимому делу выдающемся ученом, бесконечно скромном и в высшей степени порядочном человеке, мы верим, что ее светлый образ навсегда останется в памяти всех, кто ее знал и глубоко почитал как идеал бескорыстного и честного служения Науке.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е. М. ШТАЕРМАН

1. Гонения на христиан в III в. // ВДИ. 1940. № 2. 96—105.
2. Раскопки в Рас-Шамре // Исторический журнал. 1941. № 4. С. 77—83.
3. Культура Финикии // История культуры. 1941.
4. Римская религия // БСЭ. 1941. Т. 48. С. 799—800.
5. К вопросу о *dedicatio* в эдикте Каракаллы // ВДИ. 1946. № 2. С. 81—88.
6. Этнический и социальный состав римского войска на Дунае // ВДИ. 1946. № 3. С. 256—266.
7. Обзор отрывки в области латинской эпитафии за XX век // ВДИ. 1946. № 4. С. 188—218.
8. Рец. на кн.: Chilver G. *Cisalpine Gaul: Social and Economic History from 49 B.C. to the Death of Traian*. Oxford, 1941 // ВДИ. 1946. № 4. С. 126—128.
9. Античная эпитафия в СССР // ВДИ. 1947. № 3. С. 51—67.
10. Африканские восстания III века // ВДИ. 1948. № 2. С. 65—74.
11. Отражение классовых противоречий II—III вв. в культе Геракла // ВДИ. 1949. № 2. С. 60—72.
12. Рец. на кн.: Машкин Н.А. *История древнего Рима*. М., 1947. // ВДИ. 1949. № 3. С. 119—129.
13. Современная американская литература по истории древнего Рима // ВДИ. 1949. № 4. С. 201—210.
14. Древний Рим. Книга для чтения / Под. ред. С.Л. Утченко. М., 1950 (автор глав по истории Римской империи).
15. О "загадочных знаках" Северного Причерноморья // ВДИ. 1950. № 1. С. 112—115.
16. Рабские коллегии и фамилии в период империи // ВДИ. 1950. № 3. С. 71—85.
17. Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе // ВДИ. 1950. № 3. С. 152—160.
18. Латинские надписи, опубликованные в 1944—1949 гг. // ВДИ. 1950. № 4. С. 132—141.
19. Аппиан. Римская история / Пер. С.П. Кондратьева. Комментар. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1950. № 2. С. 263—292; № 3. С. 235—292; № 4. С. 217—274.
20. Древняя Галлия: (Обзор послевоенной буржуазной историографии) // ВДИ. 1951. № 1. С. 209—215.
21. Рабство в III—IV вв. н.э. в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1951. № 2. С. 84—105.
22. Памяти В.С. Сергеева: К 10-летию со дня смерти. [В соавт. с Н.Н. Пикусом] // ВДИ. 1951. № 2. С. 166—177.
23. Кризис 68—69 гг. и деятельность Веспасиана // ВДИ. 1951. № 3. С. 164—169.
24. Керамические клейма из Тиры: В связи с вопросом о клеймах неизвестных центров // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVI. С. 31—49.
25. К вопросу о крестьянстве в западных провинциях Римской империи // ВДИ. 1952. № 2. С. 100—121.
26. Рец. на кн.: Ковалев С.И. *История Рима*. Л., 1948 // ВДИ. 1952. № 3. С. 68—77.
27. Керамические клейма из Мирмекия и Тиритакки из раскопок 1935—1940 гг. // МИА. № 25. С. 387—394.
28. Проблема падения рабовладельческого строя // ВДИ. 1953. № 2. С. 51—79.

29. *Journal of Roman Studies*. 1947–1951 // ВДИ. 1953. № 3. С. 119–130.
30. Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. акад. В.В. Струве. М., 1953. Т. III (пер. ряда надписей и юридических источников).
31. Древняя Греция. Книга для чтения / Под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утченко. М., 1954 (автор глав по истории Греции IV в. до н.э. и эллинизма).
32. Древний Рим. Книга для чтения / Под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утченко. 2-е перераб. изд. М., 1955 (автор ряда глав).
33. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи / Подбор, пер. и коммент. Е.М. Штаерман под ред. Ф.А. Петровского // ВДИ. 1955. № 2. С. 219–260; № 3. С. 223–268; № 4. С. 207–234; 1956. № 1. С. 195–268; № 2. С. 187–232; № 3. С. 168–264; № 4. С. 175–218. Указатель / Сост. В.М. Смирин // ВДИ. 1957. № 1. С. 199–230.
34. Древняя история в журнале "Преподавание истории в школе" за 1946–1955 гг. // ВДИ. 1955. № 3. С. 117–125.
35. Рец. на кн.: Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954 // ВДИ. 1955. № 10. С. 160–165.
36. Всемирная история. М., 1956. Т. II (автор ряда глав и разделов: гл. VI, разд. 1 [совм. с С.Л. Утченко и Т.В. Блаватской]; гл. XI, разд. 2 и 4; разд. 3 [совм. с Т.В. Блаватской]; гл. XII, разд. 2 [совм. с Т.В. Блаватской], 3–5; гл. XX; XXI; гл. XXII, разд. 9; гл. XXIII, разд. 1, 2 и 4; гл. XXIV; гл. XXV, разд. 3; гл. XXVII, разд. 1–5).
37. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1956. 28 с.
38. Латинские надписи, опубликованные в 1949–1955 годах // ВДИ. 1956. № 2. С. 111–128.
39. Ковалев С.И., Штаерман Е.М. Очерки истории древнего Рима: Пособие для учителей. М., 1956. 335 с.
40. Из истории идеологических течений II–III вв. // *Eos*. 1956. Vol. XLVIII, 1. P. 505–528.
41. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. 512 с.
42. Всемирная история. М., 1957. Т. III. (автор разделов "Западная Римская империя", "Христианская церковь" и "Культура Западной Римской империи").
43. *Scriptores Historiae Augustae* как исторический источник // ВДИ. 1957. № 1. С. 233–245.
44. Древняя Греция. Книга для чтения / Под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утченко. 2-е перераб. изд. М., 1958 (автор ряда глав).
45. *Programmes politiques à l'époque de la crise du IIIe siècle* // *Cahiers d'histoire mondiale*. Neuchâtel, 1958. Vol. 4, N 2. P. 310–329.
46. Бергер А.К., Зельин К.К., Штаерман Е.М. О некоторых направлениях в современной буржуазной историографии античности // ВДИ. 1959. № 1. С. 151–160.
47. Рец. на кн.: Bömer Fr. Untersuchungen über die Religion der Slaven in Griechenland und Rom. Erster Teil: Die wichtigsten Kulte und Religion in Rom und lateinischen Westen. Wiesbaden, 1957 // ВДИ. 1959. № 3. С. 199–206.
48. О некоторых вопросах истории рабства [В соавт. с С.Л. Утченко] // ВДИ. 1960. № 4. С. 9–21.
49. Сельская община в западных провинциях Римской империи // *Klio*. 1960. Bd. 38. S. 207–224.
50. *Spoleczeństwo zachodniorzymskie w III wieku*. Warszawa, 1960. 520 s.
51. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи: (Италия и западные провинции). М., 1961. 320 с.
52. Об изучении идеологии народных масс западной половины Римской империи // *Deutsche Historiker-Gesellschaft: Sozial-ökonomische Verhältnisse in Alten Orient und im Klassischen Altertum*. В., 1961. S. 264–284.
53. Из истории идеологии римских рабовладельцев // *Древний мир: Сб. в честь акад. В.В. Струве*. М., 1962. С. 636–645.

54. Рабы и отпущенники в социальной борьбе конца республики // ВДИ. 1962. № 1. С. 24–45.
55. Хрестоматия по истории древнего Рима / Под ред. С.Л. Утченко. М., 1962 (подбор источников и пер. по истории Римской империи).
56. Рабовладельческий строй. (Enciclopedia popular. N 11). Habana, 1963 (брошюра на исп. яз.).
57. Положение рабов в период поздней республики // ВДИ. 1963. № 2. С. 80–99.
58. О некоторых проблемах истории рабства в период поздней Римской республики // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб. памяти акад. А.И. Тюменева. М.: Л., 1963. С. 339–354.
59. Рец. на кн.: Голубцова Е.С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I–III вв.: (Независимая сельская община). М., 1962 // ВДИ. 1963. № 3. С. 154–158.
60. Рец. на кн.: Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960 // ВДИ. 1963. № 4. С. 194–198.
61. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. 263 с.
62. Die Krise der Sklavenhalterordnung im Westen des römischen Reiches. В., 1964. IX. 478 S.
63. Из истории фамильного культа в древнем Риме: (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук). М., 1964. 6 с.
64. Светоний и его время // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 249–262.
65. Рабский вопрос в Римской империи // ВДИ. 1965. № 1. С. 62–81.
66. О повторяемости в истории // ВИ. 1965. № 7. С. 3–20.
67. Предисловие // Преображенский П.Ф. В мире античных идей и образов. М., 1965. С. 3–10.
68. Проблема падения Римской республики в советской историографии // ВИ. 1966. № 3. С. 83–93.
69. Проблемы культуры в западной социологии // ВФ. 1967. № 1. С. 163–176.
70. Античность в современных западных историко-философских теориях // ВДИ. 1967. № 3. С. 3–24.
71. Античное общество: Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 638–671.
72. К проблеме структурного анализа в истории // ВИ. 1968. № 6. С. 20–37.
73. Африка и Рим в эпоху принципата // Afrika und Rom in der Antike / Hrsg. von H.-J. Diesner, H. Barth, H.D. Zimmermann. Halle; Wittenberg, 1968. S. 53–88.
74. Рец. на кн.: История Византии. М., 1967. Т. I // ВДИ. 1968. № 1. С. 208–213.
75. Рец. на кн.: Vogt J. The Decline of Rome: The Metamorphosis of Ancient Civilization. L., 1967 // ВДИ. 1968. № 3. С. 191–198.
76. Die Blütezeit der Sklavenwirtschaft in der römischen Republik. Wiesbaden, 1969. 303 s.
77. О классовой структуре римского общества // ВДИ. 1969. № 4. С. 37–59.
78. Die Sklaven in der römischen Landwirtschaft und die Politik der Kaiser // ZWG. 1969. II. S. 289–308.
79. Древний Рим. Книга для чтения / Под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утченко. 3-е доп. и перераб. изд. М., 1969 (автор ряда глав).
80. Die Gemeinde im römischen Kaiserreich // JWG. 1970. I. S. 61–73.
81. Рец. на кн.: Chantraine H. Freigelassene und Sklaven im Dienste der römischen Kaiser Studien zu ihrer Nomenklatur. Wiesbaden, 1967 // ВДИ. 1970. № 1. С. 167–171.
82. Рец. на кн.: Carogrossi Colognesi L. La struttura della proprietà nell'età repubblicana e la formazione dei "iura praediorum". Milano, 1969 // ВДИ. 1970. № 3. С. 196–200.
83. Штаерман Е.М., Трофимова М.К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971. 323 с.
84. Die Bedeutung der Werke W.I. Lenins für die Erforschung der Antike // Klio. 1971. Bd. 53. S. 5–47.
85. Der Klassenkampf der Sklaven zur Zeit des Römischen Kaiserreiches // JWG. 1971. II. (Festschrift E. Welskopf). S. 149–164.

86. Юлий Павел: Пять книг сентенций к сыну / Пер. и коммент. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1971. № 1. С. 171–200; № 2. С. 169–209.
87. Домиций Ульпиан. Фрагменты / Пер. и коммент. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1971. № 2. С. 184–209.
88. Две новые работы по социально-экономической истории Фракии (Велизар Велков. Рабството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967; Александр Фол. Демографска и социална структура на древна Тракия I хилядолетие преди новата ера. София, 1970) // ВДИ. 1971. № 4. С. 217–226.
89. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 41–61.
90. Рец. на кн.: Diósi G. Ownership in Ancient and Preclassical Roman Law. Budapest, 1970 // ВДИ. 1972. № 4. С. 154–158.
91. Рец. на кн.: Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев VII–V вв. до н.э. М., 1971 // СЭ. 1972. № 1. С. 192–194.
92. Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 1973. 34. С. 3–14.
93. Социальные проблемы эллинизма в Римской империи: Конф. в Либлице (ЧССР) // ВДИ. 1973. № 2. С. 180–185.
94. Итоги изучения римского рабства в СССР // Soziale Probleme in Hellenismus und im Römischen Reich: Akten der Konferenz (Liblice 10–13 Okt. 1972) / Hrsg. von P. Oliva und J. Burian. Pr., 1973. S. 17–36.
95. Die soziale Struktur Roms und die Möglichkeiten ökonomischer und technologischer Entwicklung (Zusammenfassung) // Fourth International Conference of Economic History (Bloomington, 1968). P., 1969.
96. Книга для чтения / Под ред. Д.П. Каллистова и С.Л. Утченко. 3-е дополн. изд. М., 1973 (автор ряда глав).
97. Рец. на кн.: Голубцова Е.С. Сельская община в Малой Азии III в. до н.э. М., 1972 // ВДИ. 1973. № 4. С. 153–159.
98. Римская собственность на землю // ВДИ. 1974. № 3. С. 34–68.
99. Две книги о западных римских провинциях (Wilkes J.J. Dalmatia. L., 1969; Clavel M. Béziers et son territoire dans l'antiquité. P., 1970) // ВДИ. 1974. № 1. С. 200–207.
100. Кризис античной культуры. М., 1975. 183 с.
101. *Staerman E.M., Trofitova M.K.* La schiavitù nell'Italia imperiale, I–III secolo / Pref. di M. Mazza. Roma, 1975. XLIV. 347 p.
102. *Golubtsova E.S., Kusishin V.L., Shtaerman E.M.* Types of Community in the Ancient World // XIV congrès des sciences historiques. San Francisco, 22–29 août 1975.
103. Эпиктет и его место в римском стоицизме // ВДИ. 1975. № 2. С. 195–211.
104. Zur Methodologie der Erforschung der Weltanschauung ausgebeuteter Klassen Roms // Klio. 1975. Bd. 57. S. 5–13.
105. Рец. на кн.: Кузищин В.И. Очерки по истории земледелия в Италии II в. до н.э. — I в. н.э. М., 1973 // ВДИ. 1975. № 1. С. 159–169.
106. La lutte de classes à la fin de la république Romaine // Formes d'exploitation du travail et rapports sociaux dans l'antiquité classique: Recherches internationales à la lumière du marxisme. P., 1976. Vol. LXXXIV. P. 159–194.
107. L'esclavage dans l'artisanat // ДНА. 1976. II. P. 103–127.
108. Рец. на кн.: Historia de España Alfaguato. Vol. I: Angel Cabo, Marcelo Vigil. Condicionamientos Geograficas: Edad Antigua. Madrid, 1973 // ВДИ. 1976. № 3. С. 175–184.
109. Рабство в африканских провинциях // Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977. С. 7–35.
110. Кризис III века в Римской империи // ВИ. 1977. № 5. С. 142–156.
111. *Штаерман Е.М., Коростовцев М.А., Кузищин В.А.* С.Л. Утченко — историк античного мира // ВДИ. 1977. № 1. С. 13–24.
112. Зарубежная историография древнего Рима и современная идеологическая борьба: Реф. сб. М., 1977. 371 с.

113. Рец. на кн.: Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1976 // ВДИ. 1977. № 4. С. 206–215.
114. Рец. на кн.: Finley M.J. The Ancient Economy. Berkeley; Los Angeles, 1973 // ВДИ. 1977. № 2. С. 165–175.
115. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. 221 с.
116. Еще раз к вопросу о римской сельской общине // ВДИ. 1978. № 2. С. 89–110.
117. Die ideologische Vorbereitung des Zusammenbruchs der Produktionsweise der Sklavereigesellschaft // Клио. 1978. Bd. 60. S. 225–233.
118. Рец. на кн.: Кузищин В.И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.). М., 1976 // ВДИ. 1978. № 1. С. 162–168.
119. Рец. на кн.: Die Rolle der Volksmassen in der Geschichte der vorkapitalistischen Gesellschaftsformationen. В., 1975 // ВДИ. 1978. № 3. С. 181–188.
120. Кризис рабовладельческого способа производства // Проблемы античной истории и культуры: Докл. XIV Международной конф. "Эйрене" / Под ред. Б.Б. Пиотровского и др. Ереван, 1979. Т. 1. С. 335–345.
121. L'étude de l'esclavage dans les provinces romaines // Actes du Colloque sur l'esclavage (Nieborów 2–6. XII. 1975) / Ed. I. Biezuńska-Malowitz, J. Kolendo. Warszawa, 1979. P. 35–46.
122. Einige Bemerkungen zum Klassenkampf und zur Entwicklung des römischen Rechts // Клио. 1979. Bd. 61. S. 7–15.
123. Рец. на кн.: Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III веков. М., 1977 // ВДИ. 1979. № 1. С. 182–187.
124. Проблемы римского города в некоторых современных работах // ВДИ. 1979. № 3. С. 184–194.
125. Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1–2 (автор статей по римской мифологии и член редколлегии).
126. Die Problemen sozial-oekonomischer Geschichte Roms // Archives européennes de sociologie. 1980. Vol. XXXI.
127. Die späte römische Republik und die frühe Kaiserzeit // Die Geschichte des Altertums im Spiegel der sowjetischen Forschung / Hrsg. von H. Heinen. Darmstadt, 1980. S. 199–255.
128. Рец. на кн.: Die Römer an Rhein und Donau: Zur politischen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung in den römischen Provinzen an Rhein, Mosel und Oberer Donau im 3. und 4. Jahrhundert. В., 1975 // ВДИ. 1980. № 2. С. 196–209.
129. Рец. на кн.: Setälä Pavi. Private Domini in Roman Brick Stamps of the Empire. Helsinki, 1977 // ВДИ. 1980. № 4. С. 197–201.
130. Der Klassenkampf der Sklaven zur Zeit des Römischen Kaiserreiches // Sozial- und Wirtschaftsgeschichte der römischen Kaiserzeit (Wege der Forschung, 552). Darmstadt, 1981. S. 307–335 (= N 85).
131. "Сентенции" Публилия Сира и "Моральные дистихи" Дионисия Катона // ВДИ. 1981. № 4. С. 219–226.
132. Дионисий Катон. Моральные дистихи / Пер. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1981. № 4. С. 227–234.
133. Публилий Сир Сентенции / Пер. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1982. № 1. С. 233–249.
134. К проблеме эволюции римского государства // Клио. 1982. Bd. 64. S. 99–115.
135. Некоторые новые итальянские работы по социально-экономической истории древнего Рима // ВДИ. 1982. № 3. С. 148–165.
136. Работы Финского института в Риме о римских клеймах и кирпичном производстве // ВДИ. 1982. № 4. С. 151–160.
137. Римские рабы // ВДИ. 1984. № 2. С. 102–118.
138. Die Agrarfrage und die senatorische Opposition in der römischen Kaiserzeit (Xenia. Ht 11). Konstanz, 1984. 21 S.
139. Die Krise der Sklavenwirtschaft im Römischen Kaiserreich // Actes du VII Congrès de la FIEC. Budapest, 1984. P. 47–54.
140. Рец. кн.: Маяк И.Л. Рим первых царей: (Генезис римского полиса). М., 1983 // ВДИ. 1984. № 6. С. 150–152.

141. Дигесты Юстиниана / Избранные фрагменты в пер. и с примеч. И.С. Перетерского. Под ред. Е.А. Скрипилева. М., 1984 (член редколлегии). 456 с.
142. Культура древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. Т. 1 (член редколлегии и автор Введения (с. 7–21); гл. I: От гражданина к подданному (с. 22–105); гл. II: От религии общины к мировой религии (с. 106–209); гл. III: Римское право (с.210–247)).
143. Рец. на кн.: Соколов Г.И. Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени. М., 1983 // Художник. 1985. № 8.
144. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности [В соавт. с В.И. Кузищиным] // ВДИ. 1986. № 10. С. 61–77.
145. Die "Barbaren" in Realität und Wunschbild in der römischen Ideologie des I–III Jahrhunderts // Die Antike und Europa: Zentrum und Peripherie in der antiken Welt. 17. Internationale Eirene-Konferenz: Resümee. В., 1986. S. 189–190.
146. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. 320 с.
147. Экономическая история Рима: (Проблемы и методы) // Экономическая история: Проблемы и исследования. М., 1987. С. 32–48.
148. Das römische Bodeneigentum // Eigentum. Beiträge zu seiner Entwicklung in politischen Gesellschaften; Werner Selnow zum 70. Geburtstag. Weimar, 1987. S. 79–116.
149. Die Sklaverei in den afrikanischen Provinzen // Štaerman E.M., Smirin V.M., Belova N.N., Kolosovskaja Yu.K. Die Sklaverei in den Westlichen Provinzen des römischen Reiches im 1.–3. Jahrhundert. Stuttgart, 1987. S. 1–37.
150. История Европы. М., 1988. Т. 1 (автор гл. 14: Расцвет рабовладельческих отношений в эпоху Империи; гл. 17: Упадок Римской империи; Заключение. Роль античного наследия в европейской культуре).
151. Ancient Civilizations of East and West / Ed. by B. Piotrovsky and G. Bongard-Levin. Moscow, 1988 (автор ch. 15: From the Origin of Rome to the Unification of Italy; ch. 16: The Rise of the Roman Empire. The Crisis of the Republic; ch. 17. The Roman Empire (p. 267–331)).
152. Александр Македонский в идеологии Рима // Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. М., 1988. С. 5–17.
153. Светоний и его время // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С. 323–340 (= № 64).
154. Древнеримская цивилизация // Древние цивилизации / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1989. С. 385–451.
155. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. 1989. № 2. С. 76–94.
156. "Сонник" Артемидора как исторический источник // ВДИ. 1989. № 3. С. 236–251.
157. Экономика и политика в античном обществе [В соавт. с В.И. Кузищиным] // ВИ. 1989. № 8. С. 39–53.
158. Проблемы истории древнего Рима // Современная зарубежная немарксистская историография: Критический анализ / Под ред. В.А. Малькова. М., 1989. С. 227–247.
159. Римская религия и христианство // Религии мира. 1988. М., 1990. С. 129–150.
160. К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ. 1990. № 3. С. 68–75.
161. К вопросу о "средних слоях" и их идеологии в Римской империи первого века // Studia in honorem Boris Gerov / Ed. Margarita Tačeva, Dimităr Bojadžiev. Sofia, 1990. P. 223–238.
162. Le culte impérial, le culte du Soleil et celui du Temps // Mélanges P. Lèveque. P., 1990. Т. 4. P. 362–379.
163. Мифологический словарь. М., 1990 (автор статей по римской мифологии; член редколлегии).
164. Памяти сэра Рональда Сайма [В соавт. с В.И. Кузищиным] // ВДИ. 1991. № 1. С. 237–240.
165. Рец. на кн.: Nicolet C. Rendre a César: Economie et société dans Rome antique. P., 1988 // ВДИ. 1991. № 4. С. 182–186.
166. Римская собственность и демократия // Античность и современность: Докл. конф. Всесоюзной ассоциации антиковедов. М., 1991. С. 173–179.

167. Мифы народов мира. 2-е изд. М., 1991. Т. 1–2 (автор статей по римской мифологии и член редколлегии).
168. Человек и космос в мире Рима // ВДИ. 1992. № 3. С. 179–211.
169. Эллинизм в Риме // Эллинизм: восток и запад / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1992. С. 140–176.
170. С точки зрения историка // Земля и вселенная. 1992. № 1. С. 89–90 [По поводу кн.: Еремеева А.И., Цицин Ф.А. История астрономии. М., 1989].
171. Римская цивилизация // Цивилизации / Под ред. М.А. Барга. М., 1992. Вып. 2.
172. Человек и космос в римском мире // Среда. Личность. Общество: Докл. конф. ВДИ и Всероссийской ассоциации антиковедов. М., 1992. С. 4–10.
173. Манилий. Астрономика / Пер., вступ. ст. и коммент. Е.М. Штаерман. Изд., подгот. И.А. Маяк. М., 1993.
174. Сервий Туллий: генезис и значение образа // Древний Восток и античный мир: Сб. в честь В.И. Кузищина [в печати].
175. История крестьянства в Древнем Риме. М.: Наука, 1996.

Составитель *Е.В. Ляпустина*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ИМЕНА ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ

- Август (см. Октавиан Август)
Ава Геллий 62, 63, 158
Аврелиан Август 167
Аврелии, род 39
Агис 71
Адриан Август 156, 163, 164
Азинии, род 100
Александр Македонский 71
Александр Север Август 165
Альбий Секунд, Публий 147
Альбий Тибулл 114
Альбин Гай 83
Альфий 118
Анк Марций 40
Анней Сенека Младший, Луций 111, 120, 141, 180
Анней Сенека Старший 81, 121, 122
Анней Флор, Луций 70
Аний Милон, Тит 162
Аний Руф, Тит 95
Антиох IV 59, 117
Антистин, род 39
Антоний Гай 80
Антоний Марк 73, 84—86, 98
Антоний Приск, Гней 99
Антоний Приск, Марк 147
Антоний Приск, Марк 98
Антоний Салин, Гай 99
Антонин Август Пий 153, 156, 164
Антонины, династия 144, 149, 159, 160, 169
Аппиан 69, 73, 79, 86, 87
Аппий Клавдий (см. Клавдий Аппий)
Аппулей Сатурнин, Луций 75, 122
Арат 176
Аритофан 27
Атилиус Регул, Марк 21
Атия Пия 152
Аттик (см. Помпоний Аттик, Тит)
Афиней 63
Ацилий Станелл 132, 134
Басс 135
Блоссий 71
Булла Феликс 164
Валентиниан I Август 167
Валерии Мессалы, род 100
Валерий Луций 51
Валерий Максим 57, 70
Валерий Марциал, Марк 78, 122, 134—137, 141
Валерий Мессала, Марк 63
Валерий Попликола, Публий 37, 48
Валтей Мена 118
Варий Феликс, Марк 99
Варрон (см. Теренций Варрон, Марк)
Вейантин, братья 91
Венктор Гай 149
Вергилий Марон, Публий 27, 109—113, 116, 132, 180
Веррес Гай 162
Веспасиан Август 125, 128—130
Витрувий Поллон, Марк 176
Волузий Сатурнин, Луций 100
Волумнии, род 39
Гай 37
Гален 181
Ганнибал 58, 65, 117
Генуции Ветурии, род 35
Гердоний Аппий 35, 51
Гереннии, род 78
Геснод 176
Гигин Младший (Громатик) 97, 106, 173
Гieron II 112
Гиппарх 176

- Гирций Авл 84, 85
 Гораций Коклес, Публий 46
 Гораций Флакк, Квинт 27, 100, 116—118, 160, 181
 Грахх Гай (см. Семпроний Грахх, Гай)
 Грахх Тиберий (см. Семпроний Грахх, Тиберий)
 Грозный Иван 40
- Деметрий** 142
 Деции, род 161
 Деций Мус, Публий 57
 Диодор Сицилийский 69
 Дион Кассий Кокцейян 77, 86
 Дион Хризостом 28, 163
 Дионисий Галикарнасский 38, 43, 44—47, 50, 52, 53, 56, 79
 Диофант 71
 Долабелла (см. Корнелий Долабелла, Публий)
 Домициан Август 70, 120, 121, 127, 131, 144
 Домиций Агенобарб, Луций 76—78, 101, 141
 Домиций Ульпиан 56
 Друентин, род 146
- Евдокс** 176
- Ицилий Спурий** 39, 51
- Каллистрат** 165
 Кальпурнии Пизоны, род 100, 101
 Кальпурний Флакк 27, 121, 137, 140, 151
 Камерт Септимий 80
 Кассий Гемина 63
 Кассий Лонгин, Гай 86
 Кассий Ускеллин, Спурий 50, 173
 Кат Фронто 147
 Катилина (см. Сергей Катилина, Луций)
 Катон (см. Порций Катон)
 Квинкций Фламинин, Тит 59
 Квинкций Цинциннат, Луций 21, 51, 115, 160
 Квинтилиан 70, 120—122, 124, 138, 141, 180, 181
 Клавдии Нероны, род 100
 Клавдий, род 35, 39, 100
 Клавдий Август 127, 129, 140, 151
 Клавдий Аппий 49
 Клавдий Марцелл, Марк 62
- Клавдий Пульхр, Аппий 95
 Клавдий Цек, Аппий 57
 Клелии, род 39
 Клеомен 71
 Клодий Публий 78, 103, 162
 Колумелла (см. Юний Модерат Колумелла, Луций)
 Коммод Август 165
 Комуний Фортунатий 149
 Коридон 137
 Кориолан (см. Марций Кориолан, Гней)
 Корнелии Лентулы, род 100
 Корнелии, род 39
 Корнелий Долабелла, Публий 86
 Корнелий Руфин, Публий 56
 Корнелий Сулла, Луций 65, 74—79, 82, 83, 89, 95, 96, 101, 104, 120
 Корнелий Сципион Африканский, Публий 58
 Корнелий Сципион Назика, Публий 70
 Корнелий Тацит 121, 128, 129, 140, 144
 Крез 114
 Криспин 162
 Курий Дентат, Маний 21, 22, 116
 Курций Гай 83
- Лабие** 81, 122
Лактанций 181
Латин 38
Лелии Вальбы, род 100
Лепид (см. Эмилий Лепид, Марк)
Ливий Друз Старший, Марк 95
Ливий Тит 36, 43—45, 48, 51, 53, 54, 56, 60, 61, 79, 116, 144, 145
Ликид 137
Лициний Кальв Столон, Гай 52
Лициний Красс, Марк 76, 78, 83, 101
Лициний Лукулл, Луций 78, 83
Лициний Лукулл, Марк 79
Лициний Марк, Гай 81
Лоллии, семья 147
Лукреций Марк 61
Лукулл (см. Лициний Лукулл, Луций)
Луцилий Гай 61, 63, 78
Луциний Либерал 150
- Макробий Амвросий Феодосий** 41
Максимин Август 160
Макций Плавт, Тит 27, 175
Маммей Перикл 147
Манилий Марк 109, 111, 180

- Манлий Гай 76, 80, 81
 Манлий Капитолийский, Марк 122
 Марий Гай 73—76, 78, 80, 104, 114
 Марк Аврелий Август 164
 Марциал (см. Валерий Марциал, Марк)
 Марций Кориолан, Гней 46, 51
 Марций Рекс, Квинт 80
 Матерн 164
 Мелибей 151
 Мелий Спурий 35, 52, 70, 122
 Мерик 62
 Метелл Л (см. Цецилий Метелл, Луций)
 Метон 176
 Меценат (см. Цильний Меценат, Гай)
 Микап 137
 Митридат VI Евпатор 74
 Модестин 160
 Моммий Персей, Марк 98
 Мопс 137
 Мунаций Планк 101
 Муций Сцевола, Гай 46, 63
 Муций Сцевола, Публий 95
- Навий** Квинт 58
 Невий Вар, Тит 147
 Нератий Карелий 149
 Нерон Август 124, 128, 129, 137, 138, 142
 Нерусий Митра 154
 Низелий Сабин 152
 Нума Помпилий 8, 49, 63, 103
- Овидий** Назон, Публий 27, 115—117
 Огульнии, род 39
 Окризия 116
 Октавиан Август 62, 73, 81, 83, 84, 86, 87, 90, 92—98, 100—102, 105, 106, 108, 109, 112, 116—120, 129, 131, 136, 160, 170
 Октави, братья 146, 152
 Октавий Либику 150
 Онесим 62
 Ориген 177—179
 Орхий 62
 Офелл 100, 117
 Офилий 86
- Палладий** 168
 Панних 136
 Панса Гай 85
 Патрокл 163
 Персей 59, 61, 62
- Персий Флакк, Авл 78, 115
 Петр Великий 40
 Петрей Марк 80
 Пирр 56, 57, 161
 Плавт (см. Макций Плавт, Тит)
 Плиний Секунд Старший, Гай 39, 47, 52, 57, 60, 61, 63, 64, 67, 70, 77, 83, 90, 99, 101, 120, 125, 131—134, 142, 150, 160, 175
 Плиний Цецилий Секунд Младший, Гай 100, 120, 127, 144, 150, 151, 154
 Плутарх 69, 71, 78, 83, 102
 Полибий 37, 176
 Помпей Магн, Гней 76—78, 82, 83, 101, 104
 Помпей Секст 86, 87
 Помпоний Атик, Тит 77, 83
 Понтилий Лик 147
 Попилий Ленат, Публий 95
 Порсенна Ларт 46
 Порфирион 181
 Порций Катон Младший, Марк 95
 Порций Катон Старший, Марк 27, 60—64, 66, 69, 79, 117, 139, 141, 168, 181
 Постумий Альбин, Луций 61
 Проперций Секст 114
 Псевдо-Акрон 181
 Псевдо-Квинтилиан (см. Квинтилиан)
 Пугачев Емельян 40, 41
- Разин** Степан 40
 Регул Лин 141
 Рем 114, 115, 118
 Ромул 38, 117, 118
 Рубелий Блонд 161
 Рутилий Руф 63
- Саллюстий Крисп, Гай 70, 76, 80, 81, 169
 Сатурнин (см. Апулей Сатурнин, Луций)
 Светоний Транквила, Гай 83, 129, 140
 Северы, династия 160, 164, 165
 Семпроний Грах, Гай 25, 69—75, 83, 94—97, 102—106, 122, 131, 170, 173
 Семпроний Грах, Тиберий 25, 68—75, 83, 94—97, 102, 105, 106, 122, 125, 131, 170, 173, 174
 Сенек (см. Анней Сенека Младший, Луций)
 Сенека Старший (см. Анней Сенека Старший)
 Септимий Север Август 163—165

- Сервий Мавр Гонорат 48, 112, 113
 Сервий Туллий 40—44, 47, 66, 116, 161, 174—177
 Сервилии, род 39, 146
 Сервилий Рулл, Публий 27, 82, 120
 Сергии, род 39
 Сергей Катилина, Луций 76, 80, 122, 161
 Серторий Квинт 78
 Сикул Флакк 71, 76, 106, 107, 173, 176
 Сосис 62
 Спартак 26, 78, 79
 Спурий Торий 73, 82
 Статилий Тавр, Тит 100
 Страбон 77, 142
 Сулла (см. Корнелий Сулла, Луций)
 Сульмония 143
 Сульпиции, род 39
 Сульпиций Вер, Луций 98
 Сцевола (см. Муций Сцевола, Гай)
 Сципион (см. Корнелий Сципион Африканский, Публий)
 Сципион Назика (см. Корнелий Сципион Назика, Публий)
- Танаквиль 41
 Тарквиний Гордый (Суперб) 33, 35, 36, 44—48
 Тарквиний Древний (Приск) 41, 43, 44, 45
 Тарпей Спурий 38
 Тарпея 38
 Тацит (см. Корнелий Тацит)
 Теренций Варрон, Марк 42, 44, 63, 67, 72, 79, 81, 90, 110, 129, 135, 138, 139, 168, 175, 176
 Тиберий Август 129
 Тибулл (см. Альбий Тибулл)
 Тит Таций 38, 161
 Траян Август 120, 150
 Тулл Гостилий 40
 Туллий Цицерон, Квинт 82
 Туллий Цицерон, Марк 27, 34, 42, 46, 63, 69, 76, 77, 80—87, 103, 161, 180, 181
- Ульпиан (см. Домиций Ульпиан)
- Фабии, род 49, 50
 Фабий Максим Руллиан, Квинт 57
 Фабий Марк 51
 Фабриций Лусцин, Гай 56, 116
 Фанний Страбон, Гай 63
- Фаустин 135, 141
 Федр 111, 181
 Феокрит 27, 112
 Фест 42
 Фидела 117
 Фиаис 137
 Флавии, род 124
 Флавий Луций 82
 Флор (см. Анней Флор, Луций)
 Фронтин 127, 139
 Фульви Валерии, род 39
 Фульвий Центимал, Гней 58
 Фурий Камилл, Луций 50, 53
 Фурий Кресцин 77, 125
- Цезарь (см. Юлий Цезарь, Гай)
 Цекул 40
 Цельс (см. Ювентий Цельс, Публий)
 Цельс 177
 Цецилий 135
 Цецилий Клавдий Исидор, Гай 101
 Цецилий Метелл, Луций 56
 Цильний Меценат, Гай 109, 118
 Цинтия 114
 Цинций Луций 52
 Цинциннат (см. Квинкий Цинциннат, Луций)
 Цицерон (см. Туллий Цицерон, Марк)
- Эбутий Сатурнин 147
 Эгерий 44
 Элий Туберон 63
 Эмилий Лепид, Марк 73
 Эмилий Павел, Луций 62
 Эней 38
 Эприй Марцелл 144
- Ювенал (см. Юний Ювенал, Децим)
 Ювентий Цельс, Публий 141
 Югурта 74, 114
 Юлии, род 39
 Юлий Гай 80
 Юлий Генат 149
 Юлий Цезарь, Гай 81—87, 93, 96, 99, 104, 105, 133, 145, 169, 174
 Юнии Силаны, род 101
 Юний Брут, Децим 84, 86
 Юний Модерат Колумелла, Луций 46, 101, 120, 131, 132, 138—140, 155, 168, 175
 Юний Ювенал, Децим 160—163

ИМЕНА СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ

- Альфёльди Г. 9
- Бауэрсток Г. 170
- Брант П. 95–97, 129
- Буркхардт И. 95
- Гопкинс К. 15
- Де Мартино Ф. 94, 98
- Капогросси Колоньези Л. 38
- Кузищин В.И. 109
- Левн М.А. 94
- Ленин В.И. 10, 11, 13, 20
- Маркс К. 10
- Мартен Р. 110, 111
- Мишулин А.В. 26
- Николе К. 69, 126
- Орена Р. 79
- Ошеров С.А. 81
- Пёльман Р. 181
- Пиотровский Адр. 27
- Плеханов Г.В. 11
- Робер Л. 131, 133, 136
- Ростовцев М.И. 89, 93
- Серени Э. 65
- Утченко С.Л. 26
- Финли М. 10, 11, 55
- Франк Т. 89, 94
- Штаерман Е.М. 5
- Энгельс Ф. 10

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РИМСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЭПОХИ РЕСПУБЛИКИ

Глава 1	
ГЕНЕЗИС И РАСЦВЕТ КРЕСТЬЯНСКОЙ СИСТЕМЫ.....	32
Глава 2	
КРИЗИС КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЫ.....	68

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РИМСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ЭПОХУ ИМПЕРИИ

Глава 1	
КРЕСТЬЯНСТВО В I В. Н.Э.: БОРЬБА МЕЛКОГО И КРУПНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ.....	93
Глава 2	
ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПРИ АНТОНИНАХ. КРЕСТЬЯНСТВО И КОЛОНАТ.....	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	172
ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА ШТАЕРМАН (1914–1991).....	183
СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е.М. ШТАЕРМАН.....	186
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	193

CONTENTS

Preface	5
INTRODUCTION.....	6

PART I

SOME PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE ROMAN PEASANTRY UNDER THE REPUBLIC

Chapter 1	
GENESIS AND PROSPERITY OF THE PEASANT SYSTEM	32
Chapter 2	
CRISIS OF THE PEASANT COMMUNITY.....	68

PART II

ROMAN PEASANTRY DURING THE EMPIRE

Chapter 1	
THE PEASANTRY IN I CENTURY AD: THE STRUGGLE OF THE PETTY AND LARGE LANDOWNING	93
Chapter 2	
ORGANIZATION OF THE PEASANT ECONOMY DU- RING THE ANTONINS. PEASANTRY AND COLONATUS.	144
CONCLUSION	172
ELENA MIHAILOVNA ŠTAERMAN.....	183
LIST OF PUBLICATIONS BY E.M. ŠTAERMAN.....	186
INDEX	193

Штаерман Е.М.

Ш 87 История крестьянства в древнем Риме. — М.: Наука, 1996. — 200 с.
ISBN 5-02-009500-1

В книге впервые в отечественной и зарубежной историографии на огромном материале источников исследуется история древнеримского крестьянства как особой сословно-классовой категории на протяжении от Ранней республики (VI в. до н.э.) до эпохи Империи (IV в. н.э.). В работе поднимаются такие концептуальные проблемы, как генезис и расцвет крестьянской системы в Риме, происхождение и социальный состав крестьянства, его место и роль в римской цивилизации, разложение крестьянства в период Империи и соотношение с колонатом, крестьянская идеология.

Для антиковедов, археологов, социологов и всех интересующихся историей Рима.

Ш 0503010000—097 240, 96 — II полугодие
042(02)—96

ББК 63.3(0)3

Научное издание

Штаерман Елена Михайловна
ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА
В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
РАН

Заведующая редакцией
"Наука — история" Н.Л. Петрова
Редактор В.Н. Токмаков
Художник В.Ю. Яковлев
Художественный редактор Г.М. Коровина
Технический редактор Э.Б. Павлюк
Корректор В.М. Ракитина

Е. М. Штаерман

История крестьянства в древнем Риме

В книге на большом материале источников всесторонне исследуется малоизученная история древнеримского крестьянства как особой сословно-классовой категории общества. Значителен временной период исследования — от Ранней республики (VI—V вв. до н.э.) до эпохи установления и расцвета Римской империи (I—IV вв. н.э.). Глобальны поднимаемые в книге проблемы — генезис и расцвет крестьянской системы как стержня древнеримской *civitas* (полиса) и основы могущества Римской державы; происхождение и изменение социального состава крестьянства, его место и ведущая роль в римской цивилизации; крестьянская идеология и религиозные культы; размещение крестьянства в период Империи — римское "фермерство" и колонат. Эти и многие другие проблемы (юридические, культурные, социологические) насыщены красками живой истории и раскрывают все многообразие материального и духовного мира римского крестьянства, а в сущности всего древнеримского общества и государства.

